

НОНФИКШН РУНЕТА

★
— ★ —
★ ★ ★ КЛОД М. СТИЛ ★ ★ ★

★
— ★ —
... К А К ...

! ! ! СТЕРЕОТИПЫ ! ! !

... ЗАСТАВЛЯЮТ ...

↓ МОЗГ ↓

★ Т У П Е Т Ь ★

... И ЧТО С ЭТИМ ...
ДЕЛАТЬ

★
— ★ —

Annotation

Клод М. Стил, который был назван «одним из немногих великих социальных психологов», описывает опыты и тесты, которые подкрепляют и объясняют его новаторские выводы о стереотипах и идентичности. Он проливает новый свет на расовые и гендерные разрывы в социальных отношениях, истории и даже в психологических текстах. Из этой книги вы узнаете, чем опасно стереотипное мышление, как оно влияет на ваши решения, общение и каким образом оно формируется.

- [Клод М. Стил](#)
 -
 - [Благодарности](#)
 - [Глава 1](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [Глава 2](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [Глава 3](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [Глава 4](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

- [6](#)
 - [Глава 5](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [Глава 6](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [Глава 7](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [Глава 8](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [Глава 9](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [Глава 10](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [Глава 11](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)

Клод М. Стил

Как стереотипы заставляют мозг тупеть

*Посвящается Дороти и всем остальным по мере
прибытия в наш клан: Джори, Бену, Дайне, Сидни,
Коулмену и Метью.*

А также моим родителям, Рут и Шелби Стил.

© by Claude M. Steele, 2010

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Благодарности

Несмотря на мое возражение, что психологи пишут статьи, а не книги, Скин Гейтс и Роби Херингсон настойчиво подталкивали меня написать эту книгу, и я благодарю их. Я также благодарю их за терпение и поддержку, которую они оказали мне, пока я писал книгу, и за идею серии книг.

Социальное психологическое научное исследование представляет собой совместное предприятие, и сотрудничество в основе моего исследования заложило почву для повествовательной структуры книги. Поэтому многие соавторы описаны на ее страницах (многие также комментируют разделы книги). Но некоторые исследователи не появились в книге, но повлияли на мое исследование и мышление, и это – Прианка Карр, Эмили Пронин, Дэрил Ваут, Джули Гарсиа и Дэвид Шерман.

Я бы также хотел выразить особенную благодарность Хейзел Маркус и покойному Роберту Заджонку, чья дружба, поддержка и постоянное желание заниматься вопросами книги и докопаться до самой сути сделали мою книгу значительно лучше, чем она получилась бы в противном случае. Спасибо их дочери, Крисии Заджонк, чей искренний рассказ об опыте в колледже внес огромный вклад в книгу. Также следует отметить, что ученые тоже люди, и поддержка друзей и коллег Эварта Томаса, Дженифер Эберхардт, Кэрол Двек, Ли Росс, Марка Леппера, Дейла Миллера, Лэрри Бобо, Марси Морган и моих коллег по Стенфордскому центру сравнительного анализа рас и этничности сделала работу лучше, чем она могла бы быть. Еще Кит Вейлуу и Ричард Нисбетт дали полезные комментарии к первым главам книги. Я выражаю благодарность и хочу подчеркнуть, что ни один из этих добрых людей не несет ответственности за ошибки и поспешные суждения, на которые вы, читатель, можете наткнуться.

Я также благодарен моим редакторам в В.В. Нортон – Молли Айзенберг, Джейку Шинделу и снова Роби Харрингтону за их глубокие, часто раскрывающие глаза комментарии, которые помогли книге со всех сторон – эти люди мягко подталкивали и направляли меня к наилучшему исполнению книги. Не меньшая благодарность людям, которые в качестве ассистентов студенческого исследования помогли мне в разных вопросах подготовки рукописи: Хиллари Бергсикер, Метью Джексон и особенно – Эйприл Хаус, которая провела кропотливую работу, собирая ссылки на заключительном этапе подготовки рукописи. Особенно

благодарю моего агента Тину Беннет – за то, что она сделала процесс работы гладким и увлекательным.

Исследованию необходимы источники финансирования, и за вклад, который превратил мое исследование в книгу, я всегда буду благодарен Национальному институту психического здоровья за несколько исследовательских грантов и особенно – Фонду Рассела Сейджа и его президенту Эрику Воннеру, который заранее был готов дать ход моему исследованию, и, связавшись с ним, позволил ему дорасти до солидных величин.

Наконец я хотел бы поблагодарить моих коллег в Центре углубленного изучения поведенческих наук в Стенфорде, потому что они проявили ангельское терпение, пока я заканчивал книгу, пренебрегая своими обязанностями руководителя. Терпение питает человеческую доброту, и они действительно добрые друзья и коллеги.

Глава 1

Вступление: в корне идентичности

Я помню, как впервые понял, что я черный. Мне было лет семь-восемь, я шел из школы с соседскими детьми в последний учебный день – перед нами лежало все лето, и я узнал, что «черные» дети не могут плавать в бассейне нашего парка, за исключением дневного времени в среду. Тогда по средам, завязав купальники потуже в полотенце, мы двигались караваном из нашего района к священному бассейну в прилегающем белом районе. Странное еженедельное паломничество. Оно отражает расовый порядок времени и места – Чикаго, 1950-е и начало 1960-х. Для меня состоялось то, что психолог Уильям Кросс называет «встречей» с фактом существования расового порядка. Влияние порядка на мою жизнь казалось огромным – жизнь, в которой можно плавать только днем в среду? Почему? Более того, впереди были новые проявления. Затем я обнаружил, что мы, черные^[1] дети, – мы, кстати, жили в одном районе и до той встречи были просто детьми – не могли кататься на роллердроме во все дни, кроме вечера четверга. Мы могли приходить постоянно, но кататься только вечером в четверг. Сегрегацию было трудно не замечать. Ошибки дорого стоили, как например: в возрасте тринадцати лет я приехал к шести утра устраиваться на поле для гольфа носильщиком, прождал весь день, чтобы услышать, что они не нанимают негров. Так я узнал, что я черный. Я не знал, что означает быть чернокожим, но начинал понимать, что ничего хорошего в этом нет.

За десятилетия ретроспективного подхода я пришел к мысли, что понимаю то, что произошло. Я столкнулся ни с чем меньшим, чем с условием жизни: что важно – условием жизни, привязанным к моей расе, к моему черному цвету кожи в то время в том месте. Условие очень простое: *если* я присоединялся к каравану и шел в бассейн в среду днем, *тогда* я проходил; *если* я шел в бассейн в любое другое время, *тогда* я не заходил. Для семи-восемилетнего меня плохое условие. Но хуже всего не само условие. Например, если бы родители навязали его мне за то, что я не вынес мусор, я не расстроился бы так сильно. Меня убивало, что условие ставится по цвету кожи. Я ничего не мог с этим поделать, и, если черная кожа могла помешать мне плавать, что еще она могла на меня навлечь?

В интервью много лет спустя студент, с которым вы еще встретитесь в книге, описывал мне подобный опыт. Он был одним из двух белых в группе по афроамериканской политологии, состоящей

преимущественно из чернокожих и цветных студентов. Он тоже описал мне условие жизни: если он говорил что-то, что показывало его незнание афроамериканских порядков или затруднение в суждениях, его слова сразу считали расово окрашенными или хуже; если он молчал, то в основном избегал подозрений со стороны одноклассников. Его условие, как мое условие с бассейном, заставляло его ощутить свою расовую принадлежность, свою белизну, в то время в том месте, о чем он раньше не задумывался.

После таких происшествий возникают сложные вопросы. Будут новые условия? Сколько? В каких сферах жизни? Они коснутся важных вещей? Можно их избежать? Их нужно ждать?

Когда я столкнулся с ограничениями в бассейне, они меня заворожили. Откуда они взялись? Условия жизни, связанные с идентичностью, до сих пор поражают меня. Но теперь у меня есть рабочая гипотеза, откуда они берутся. Они происходят из способа, которым общество в данное время в данном месте организовано вокруг некой идентичности – такой, например, как раса. Организация отражает историю места, наряду с продолжающимся личным и групповым соревнованием за возможности и хорошую жизнь. Так, Чикаго был организован вокруг расовости в конце 1950-х и начале 1960-х – строгая сегрегация заселения, де-факто сегрегация в школах, дискриминация при трудоустройстве и так далее: то есть чернокожие в то время в том месте имели множество ограничительных условий жизни, привязанных к их самосознанию. Пожалуй, меньшее из них касалось ограничения в бассейне днем в среду, которое так волновало семи-восемилетнего меня.

Книга посвящена тому, что я и мои коллеги называем личной идентификацией^[2] – то, с чем вы столкнетесь, потому что вам присвоена социальная идентичность, потому что вы – старый, молодой, гей, белый, мужчина, женщина, черный, латиноамериканец, консерватор или либерал, больной биполярным расстройством, раковый больной и так далее. В целом, личная идентификация – это обстоятельства, с которыми вам приходится сталкиваться, если вы хотите получить то, что вам хочется или нужно. В Чикаго моей юности, чтобы поплавать, мне приходилось ходить в бассейн в среду днем. Вот и зависимость. На паре по афроамериканской политологии участник моего интервью испытывал дополнительное напряжение – так как его невежество могло привести к серьезному неодобрению. И в этом тоже зависимость. Что роднит их между собой и делает личной идентификацией? Это тот факт, что люди, столкнувшиеся с этими обстоятельствами, были вынуждены иметь с ними дело, потому что в сложившейся ситуации имели определенную

социальную идентичность. Другие люди в той ситуации с ними не столкнулись, кроме тех, кто разделял ту же социальную идентичность. В данной книге личная идентификация будет рассмотрена с точки зрения роли в нашей жизни, в более широком обществе и в некоторых наиболее застарелых проблемах.

Сейчас наше общество, конечно же, индивидуалистично. Мы не любим думать, что условия, навязанные нам социальной идентичностью, имеют некое право голоса в нашей жизни, особенно, если мы этого не хотим. У нас есть кредо. Когда появляются препятствия, предполагается, что мы прорвемся сквозь бурю, держась за соломинку. Я должен причислить себя к обладателям подобного кредо. Но в книге вы найдете важное уточнение: накладывая на нас определенные жизненные условия, наша социальная идентичность сильно влияет на такие важные вещи, как успеваемость на уроке или в стандартизированных тестах, на нашу емкость памяти, наши физические результаты, давление, которое мы ощущаем, отстаивая себя, даже уровень комфорта при общении с людьми из разных групп – на все, что мы обычно считаем результатом наших личных талантов, мотивов и предпочтений.

Цель данной книги состоит в том, чтобы по меньшей мере пролить свет на эту малопонятную часть общественных реалий. Я надеюсь убедить вас, что игнорировать ее – например, позволяя нашему кредо индивидуализма оттолкнуть ее в тень, – обойдется нам дорого для нашего личного успеха и развития, для качества жизни в обществе и мире, где идентичности разнообразны, для нашей способности исправить негативные способы, которыми идентичность все еще влияет на распределение результатов в обществе.

Как личная идентификация влияет на нас? Иногда она ограничивает наше поведение вполне буквально, например, в пользовании общественным бассейном. А иногда не менее мощно, но более тонко действует, не ограничивая нас на деле, но представляя невидимую угрозу.

В центре внимания книги лежит особенный тип личной идентификации – угроза подтверждения стереотипа. Я считаю, что угроза подтверждения стереотипа представляет собой стандартное жизненное затруднение. Оно проистекает из человеческой тяги к интерсубъективности – факта того, что мы как члены общества имеем неплохое представление о мнении других членов нашего общества относительно множества вещей, включая основные группы и идентичности в обществе. Мы все могли бы достать лист бумаги, написать основные стереотипы касаясь данных идентичностей и получить высокое совпадение в том, что мы записали. Значит каждый раз, когда мы попадаем в ситуацию, в которой плохой стереотип об одной из наших идентичностей может быть применен к нам – например, старый, богатый, бедный или женский, мы знаем об этом. Мы знаем о том, что подумают люди. Мы знаем, что все, что мы делаем, что попадает под рамки стереотипа, только подтверждает его. И мы знаем, что по этой причине нас будут судить и к нам будут относиться соответственно. Поэтому я полагаю, что стереотипы являются стандартным человеческим затруднением. В той или иной форме – будь то угроза подтверждения стереотипа о потере памяти или холодности по отношению к окружающим – они встречаются в жизни каждого из нас, иногда по несколько раз на дню.

И эта угроза так же как и ограничение в бассейне, связана с идентичностью. Она есть в любой ситуации, к которой применим стереотип. Значит, она следует за членами стереотипизированной группы, как воздушный шар над их головами. И ее трудно отогнать.

Посмотрите на опыт Брента Стейплза, теперь колумниста «Нью-Йорк Таймс», но тогда просто выпускника психологического факультета Университета Чикаго, молодого мужчину афроамериканца, который в свободной студенческой одежде идет по улицам в округе чикагского Гайд-парка. Вот его собственные слова:

– Я стал экспертом по языку страха. Пары крепче брались под руки или хватались за руки при виде меня. Некоторые переходили на другую сторону улицы. Разговаривающие люди замолкали и смотрели прямо перед собой, будто избежав моего взгляда, они могли спастись.

Я был дураком. Я ходил по улицам и с улыбкой желал доброго вечера людям, которые до смерти меня боялись. Я творил насилие самим своим

присутствием. Как мне этого не хватало...

Я пытался стать безвредным, но не знал как. Я начал избегать людей. Я сворачивал со своего пути в переулки, чтобы избавить их от впечатления, что к ним подкрадываются... Нервничая, я начал свистеть и понял, что у меня хорошо получается. Мой свист лился чисто и приятно и складывался в мелодию. На ночных улицах я насвистывал известные мотивы «Битлз» и «Времена года» Вивальди. Напряжение покидало людей, когда они слышали меня. Некоторые улыбались, проходя мимо в темноте.

Стейплз столкнулся с фантомом – плохим стереотипом его расы, который реял на улицах Гайд-парка – стереотипом, что молодой афроамериканец в этом районе склонен к насилию. Представители других групп в иных ситуациях могли столкнуться с новыми стереотипами – вместо склонности к насилию, например, отсутствие математических способностей, но их затруднения были бы аналогичны. Попадая в ситуации, когда к ним применяли стереотипы, они понимали, что одно неверное движение могло поставить их в рамки стереотипа с соответствующим ему мнением и отношением. Такова угроза подтверждения стереотипа, личная идентификация в таких ситуациях.

Тем не менее, как обнаружил Стейплз, способ отвлечения существовал. Стейплз насвистывал музыку Вивальди, по его собственному признанию, довольно хорошо. Чем ему это было полезно? Улучшилось ли его отношение к окружающим на улице, стал ли он более понимающим? Наверное, нет. Но то, что он делал, изменило ситуацию, в которую он попал. И как прекрасно этот пример иллюстрирует природу угрозы подтверждения стереотипа. Одним махом он делал стереотип о склонных к насилию афроамериканцах менее применимым к себе лично. Он продемонстрировал знание белой культуры, даже «высокой белой культуры». Люди на улице, возможно, не узнавали Вивальди, но они понимали, что он насвистывает классическую музыку. Вряд ли отдавая себе отчет, они переставали смотреть на него через призму стереотипа о склонности к насилию. Он казался менее грозным. Люди не знали, кто он, но они знали, что его не нужно бояться. Страх исчезает из их поведения. Стейплз расслабляется. Висящий над ним стереотип изгнан. Перемена в поведении прохожих и его собственном поведении показывает силу, которую простой стереотип, парящий в воздухе как облако, собирающее историю страны, оказывал на всех.

Пример с Вивальди посвящен опыту живущих в тени подобного

облака – это опыт каждого из нас и роли, которую такие облака играют в формировании наших жизней и общества.

Предположим, вас пригласили в психологическую лабораторию и попросили сыграть десять конов в гольф на мини-поле, расположенном в маленькой комнате. Предположим, вы – молодой белый студент, довольно атлетично сложенный. Теперь предположим, что, как только вы немного освоились с клюшками, вам сообщили, что задание является частью стандартизированного психологического спортивного теста под названием «Мичиганский тест на физические способности» (МТФС)^[3], который проверяет естественные физические способности. Насколько хорошо у вас получится? Сыграет ли роль новость о том, что игра в гольф измеряет природные физические способности?

Группа социальных психологов из Принстонского университета под руководством Джеффа Стоуна провела именно такой эксперимент несколько лет назад. Они обнаружили кое-что интересное: белокожие студенты, которым говорили, что игра в гольф проверяет их уровень физических способностей, справились намного хуже, чем студенты, которым никак не комментировали задание. Они также старались. Но в среднем им понадобилось на три удара больше, чтобы пройти поле.

Каким образом осознание задания как проверки уровня их способностей подорвало качество игры?

Джефф и его коллеги сделали вывод, что качество игры как-то связано с белым цветом кожи студентов. Говоря моими терминами, можно сказать, что имела связь с личной идентификацией белой расы, которая обострилась, когда оценивался уровень природных физических способностей. Личная идентификация происходит из широко известного в обществе стереотипа, что по сравнению с чернокожими, белые менее развиты в своих физических способностях. Участники эксперимента Джеффа знали об этом стереотипе, просто будучи членами общества. Они могли не верить в него. Но узнав, что задание проверяет ту самую черту, которая согласно стереотипу западает в их группе, перед тем как приступить к заданию, они могли попасть в затруднительное положение: их неуспех мог быть истолкован как подтверждение стереотипа, как характеристику их самих и их группы. Это, в свою очередь, могло достаточно сильно расстроить и отвлечь их от игры так, чтобы они совершили на три удара больше.

Стереотип об их группе и угрожающая интерпретация неудачи в гольфе не являются личной идентификацией, которая напрямую влияет

на поведение как ограничения в бассейне в моем детстве. Она не накладывала никаких дополнительных ограничений на их игру в гольф или материальных препятствий. Но тем не менее перед нами личная идентификация во время задания по гольфу. *Если бы студенты потерпели неудачу в гольфе, тогда они могли бы подтвердить нелестный стереотип. Если бы они не потерпели неудачу, они бы не подтвердили расовый стереотип.* Во время задания им пришлось столкнуться с дополнительным давлением, единственно по причине светлого цвета кожи. Он висел над ними как дамоклов меч, подразумевая, что любое неверное движение подвергнет их осуждению как белокожих ребят без природных физических способностей. Дальше в книге вы прочтете, как я и мои коллеги стали называть такой тип *угрозой подтверждения стереотипа*.

С таким выводом Джефф и его коллеги начали задавать больше вопросов.

Если простой рассказ белокожим студентам из Принстона о том, что гольф измерял их природные физические способности, привел к плохой игре, так как студенты отвлекались на риск попасть под стереотип, значит, если чернокожие студенты Принстона получают ту же информацию, она не окажет влияния на их игру потому, что в их группе нет такого стереотипа. Так и вышло. Джефф и его коллеги подвергли чернокожих студентов Принстона подобной процедуре. И – о чудо – качество игры не изменилось. Они играли одинаково, зная или не зная о том, что игра проверяет их природные физические способности.

Вот еще одно доказательство тому факту, который подтверждает: что вмешательство в игру белых студентов, когда они считали, что проверяются их природные физические способности, было отвлекающим чувством угрозы, возникающим из стереотипов о белых людях в социуме.

Но Джефф и его коллеги не остановились. Они изобрели еще более умный способ аргументации.

Они сделали вывод, что раз стереотипы могут создавать угрозу, которая способна вмешиваться в конкретные действия, такие, как гольф для всей группы людей, как угроза, с которой столкнулся Стейплз на улицах Гайд-парка, тогда можно создать угрозу подтверждения стереотипа, которая помешает игре в гольф чернокожих студентов. Все, что нужно сделать, – это представить игру в гольф как нечто, имеющее отношение к плохому стереотипу о чернокожих. Тогда во время игры «черные» участники будут защищаться, как белые в предыдущем эксперименте, от плохого стереотипа об их группе. Дополнительное

давление повредит игре.

Они проверили свою идею. Они сказали новым группам чернокожих и белокожих студентов Принстона, что задание, к которому они приступают, измерит спортивное стратегическое мышление. Простая перемена формулировки произвела мощный эффект. В группе риска оказались черные студенты, так как своей игрой в гольф они могли подтвердить старый и отвратительный стереотип о том, что черные люди менее умные. Теперь, когда студенты пытались нанести удар клюшкой, любая ошибка делала их уязвимыми и подвергала суждению как о менее умном черном. В данной ситуации присутствовала сильная личная идентификация, которая выступала сильным отвлекающим фактором для того, чтобы помешать игре. Что важно, та же инструкция освобождала белых студентов от угрозы подтверждения стереотипа, так как нет стереотипа о менее умных белых людях.

Результаты потрясли. Теперь черные студенты, страдая от новой формы угрозы подтверждения стереотипа во время задания, сыграли значительно хуже, чем белые студенты, для которых инструкция свела угрозу на нет. Они в среднем сделали на четыре удара больше, чтобы пройти поле.

Ни белые студенты, когда задание в гольфе представлялось в контексте природных физических способностей, ни черные студенты, когда задание в гольфе представлялось в контексте спортивного стратегического мышления, не сталкивались напрямую с личной идентификацией в экспериментах – ничего, что напрямую бы повлияло на их поведение, как на меня ограничения в бассейне. Личная идентификация, с которой они столкнулись, была угрозой, витавшими в воздухе – угрозами, что их игра в гольф может быть рассмотрена как подтверждение плохого группового стереотипа, как характеристика их группы или их самих. Все-таки эта угроза производила значительный эффект. На поле, которое можно было пройти за двадцать-двадцать четыре, белокожие совершали на три удара больше, а «черные» – на четыре.

На первый взгляд, можно отрицать важность чего-то витающего в воздухе как угрозы подтверждения стереотипа. Однако на второй взгляд, становится понятно, что эта угроза может быть неустанной силой в нашей жизни. Стейплзу приходилось бороться с ней каждый раз, когда он шел по улицам своего собственного околотка. Белокожие спортсменам приходится преодолевать ее каждый раз в каждом соревновании, особенно, когда они соревнуются с «черными» спортсменами. Подумайте о спортсмене белой расы в виде спорта с

серьезными чернокожими конкурентами. Чтобы достичь высокого уровня выступлений, скажем, попасть в НБА, которая преимущественно полна «черных» спортсменов, спортсмену белой расы придется выживать в бесконечной череде выступлений, заряженных дополнительной расово окрашенной угрозой. Ни одно хорошее спортивное выступление не покончит со стереотипом. Попытки низвергнуть его будут сизифовым трудом, возникающим заново с каждой новой попыткой.

Цель книги состоит не в том, чтобы показать, что угроза подтверждения стереотипа так мощна, что ее невозможно преодолеть. Как раз наоборот. Ее цель – показать, как в качестве непризнанного фактора нашей жизни она делает вклад во многие из наших наиболее раздражающих личных и общественных проблем. Но при помощи вполне осуществимых приемов можно минимизировать угрозу, что приведет к крупным улучшениям.

Теперь предположим, что вас просили играть не в мини-гольф, когда вы пришли на психологический эксперимент, и предположим, не ваша групповая физическая способность подвергалась негативной стереотипизации в обществе. Предположим, вас попросили решить сложную математическую задачу в рамках ограниченного по времени стандартного теста, и предположим, математические способности вашей группы подверглись негативной стереотипизации в обществе. Другими словами, предположим, что вы – американская женщина, которая явилась на эксперимент, связанный с решением математических задач.

Будет ли угроза подтверждения стереотипа, которая является личной идентификацией самоосознания в математическом ключе, достаточна, чтобы помешать выполнению теста? Сможете ли вы перебороть угрозу быть воспринимаемой стереотипно и в любом случае хорошо выступить? Или будут ли сами усилия, потраченные на борьбу, во время ограниченного по времени теста достаточно отвлекающими, чтобы затруднить для вас выполнение теста, несмотря на дополнительные усилия? Вы будете ощущать угрозу, личную идентификацию каждый раз, когда будете решать сложную математическую задачу в присутствии мужчин? Будет ли личная идентификация в рамках математики настолько разочаровывающей, что вы будете избегать обучения и карьеры, связанных с математикой? Будут ли женщины, живущие в обществе, где женские математические способности не подвергаются негативной стереотипизации, испытывать угрозу? Будут ли их результаты лучше?

Или предположим, тест, который вас попросили пройти, был не Мичиганским тестом физических способностей, а Академическим оценочным тестом^[4], и допустим, негативный стереотип вашей группы касался не физических или математических способностей, а ваших академических способностей вообще. Будет ли угроза подтверждения стереотипа, которая является личной идентификацией в академическом ключе, достаточной, чтобы помешать выполнению теста? Приведет угроза к вмешательству, направляя умственные ресурсы не на тест, а на беспокойство? Будет ли угроза подтверждения стереотипа в рамках академической успеваемости влиять на другие сферы – например, на работу на уроке и ваш комфорт при общении с учителями, профессорами, ассистентами и даже другими учениками не из вашей группы? Будет ли личная идентификация делать окружающие условия

такими сложными, что вы будете пытаться избегать их на своем жизненном пути?

Цель книги состоит в том, чтобы описать путь, который я и мои коллеги прошли, формулируя эти и подобные вопросы, а затем систематически на них отвечая в течение последних двадцати лет. Опыт похож на разгадывание загадки. Подход книги состоит в том, чтобы предложить вам заглянуть нам через плечо и увидеть прогресс идей и открытий, увидеть, как раскрывалась тайна, как в результате исследований обнаруживались удивительные способы, как на нас влияют стереотипы – наше интеллектуальное функционирование, реакции на стресс, трение между членами разных групп, на иногда удивительные стратегии, которые смягчают эффект и таким образом помогают справляться с проблемами в обществе. И, так как наука теперь редко вершится в одиночку, что долго получалось у меня, рассказ также пойдет о людях, которые делали исследование, и об их работе. Вы также познакомитесь со многими интересными людьми, которые перенесли угрозу – включая известного журналиста, афроамериканского эмигранта в Париже, человека, который прошел путь от долевого ренты до богатства в сельской Северной Каролине, включая студентов в некоторых элитных учебных заведениях Америки и учеников лучших общеобразовательных школ.

Хотя книга связана с вопросами, которые имеют отношение к политике, ни она, ни работа, проведенная для нее, не стимулированы идеологической ориентацией настолько, насколько получилось у меня и моих коллег. Первое, что узнает социальный психолог, – это то, что все способны судить предвзято. Наше понимание и взгляды на мир частичны и отражают обстоятельства нашей конкретной жизни. На этом этапе вмешивается такая дисциплина, как наука. Она не очищает нас от предвзятых суждений. Но она расширяет то, что мы можем видеть и понимать, ограничивая предубеждения. На это я претендую в любом случае. Постоянная беготня между идеями и результатами исследования выколачивает предрассудки и, что важно, открывает аспекты реальности, которые превосходят наши изначальные идеи и знания. Когда это случается, в этом направлении меняется характер исследования. Я бы хотел увидеть мои сильнейшие убеждения как результат подобного откровения, а не первичные догадки, и я надеюсь, что вы проследите мой опыт во время чтения.

Несколько основных моделей четко выделились в этом исследовании. Видение моделей больше, чем идеи и догадки, с которых я начинал исследование, убедило меня в важности личной

идентификации и угрозы подтверждения стереотипа в нашей жизни.

Первая модель заключается в том, что, несмотря на то, что мы имеем сильное ощущение себя как автономной личности, постоянно появляются доказательства, что личная идентификация, привязанная к нашей социальной идентичности, действительно оказывает влияние на формирование нашей жизни, влияя на поведение в конкретных ситуациях и выбор друзей и карьеры. Когда белокожий спринтер мирового класса встает на старте стометрового забега на Олимпийских соревнованиях, он также автономен и индивидуален, как «черные» спринтеры рядом с ним. И перед всеми ними одинаковые сто метров свободного и открытого трека. Тем не менее исследования предполагают, что ему, чтобы достойно справиться с такой ситуацией, придется подавить напряжение, связанное с расовой идентичностью, которого нет у черных спринтеров.

Второе измерение реальности, очевидное в нашем исследовании, состоит в том, что угрозы подтверждения стереотипа и урон, который они наносят нашему функционированию, играют огромную роль в наиболее важных общественных проблемах. Они варьируются от расовых, классовых и гендерных пробелов в достижениях, которые упорно мучают и деформируют наше общество, до равноценно упорных межгрупповых трений, которые часто осложняют наши общественные отношения.

Третье направление, вышедшее на свет также в рамках этого исследования, – это общий процесс, включающий распределение умственных ресурсов и даже точную схему мозговой активности, в котором угрозы ущемляют широкий круг человеческих функций. Это похоже на унифицированное понимание того, как получается эффект от угроз уже на этапе появления.

Наконец, есть набор вещей, которые мы можем сделать как личности, чтобы уменьшить влияние угроз на нашу жизнь, вместе с тем, что мы можем сделать как общество, чтобы уменьшить их влияние в школах, на рабочих местах, увидел свет. Есть действительно вдохновляющие новости: подтверждение, что часто маленькие и простые действия, способствующие сокращению угроз в школе и классе, колоссально уменьшают разрыв расовых и гендерных достижений, которые так печально характеризуют наше общество.

Находки убедили меня в важности понимания угрозы подтверждения стереотипа для нашего личностного роста в важных сферах, таких, как достижение и улучшение групповых отношений, подтверждения для общественного прогресса в достижении

интегрированной гражданской жизни и равных возможностей, что является основной идеей нашего общества. Книга приглашает в путешествие, которое я и мои коллеги совершили, чтобы прийти к этому убеждению.

Давайте начнем с исходной точки – Энн-Арбор, Мичиган, 1987 год.

Глава 2

Таинственное звено между идентичностью и умственными способностями

Весной 1986 года, в мою бытность профессором психологии в университете Вашингтона в Сиэтле, университет Мичигана предложил мне работу, состоявшую из двух частей. Первая часть предлагала мне быть социальным психологом, кем я и работал до этого в Университете Вашингтона. Я был польщен: университет Мичигана был и остается одним из ведущих вузов по программе социальной психологии. Вторая часть предлагаемой работы состояла в руководстве программой академической поддержки для студенческих меньшинств. Меня она привлекала интерес к психологическим проблемам вокруг студенческих меньшинств когда-то помог мне влиться в социальную психологию. Но я волновался. Как обязанности ведения студенческой программы в режиме реального времени повлияют на мое исследование? Я дважды посетил занятия программы, чтобы разобраться.

Мой второй визит в Энн-Арбор состоялся ближе к концу жаркого июля, когда тротуары раскалились как утюг, и он оказался решающим. Я увидел, насколько масштабна программа. Она отвечала нуждам более 400 студентов, предоставляя консультации, преподавание и финансовый менеджмент, и функционировала в рамках обширной бюрократической системы, той самой, что необходима для работы университета с 36000 студентов.

Во время второго посещения я быстро понял, что откажусь от работы. Мне пришлось бы прекратить исследования, а я даже и близко не стоял к такому решению. Поэтому я знал, что делать. И я также знал, пока летел домой, что во мне что-то изменилось, программа привела к перегруппировке моих интересов. То, что я увидел, по моим ощущениям, составляло ядро американской борьбы: организация пытается интегрировать себя с разных сторон – расово, этнически, классово. У работников программы и преподавательского состава имела миссия. Они помогали студентам, чье происхождение находилось в меньшинстве, эффективно работать в требовательном вузе, который стал расово интегрированным в достаточной степени только двадцать лет из своей 170-летней истории. Моя жизнь исследователя, моя интеллектуальная жизнь пойдут в другом направлении – я понял это после моего визита.

Две вещи, по моему мнению, вызвали перемены. Во-первых, новая точка обзора знакомой проблемы, академическая борьба огромного количества студентов из числа меньшинств в американских колледжах.

Мое посещение Энн-Арбор показало мне, что у проблемы имеются перспективы, к которым я не был равнодушен. Что касалось студенческой жизни, я смотрел со стороны как наблюдатель. Если бы меня попросили объяснить трудности в учебе любому из студентов, я бы, как многие преподаватели, подчеркнул то, что находилось в моем поле обзора как наблюдателя и в моем чемоданчике психолога – сами студенты, их мотивация, ожидания, самооценка, культурная ориентация; ценность, которую они придают образованию; привычки в работе; академические навыки и знания; акцент семьи на школьные успехи и так далее.

Несколько лет назад два социальных психолога Эдвард Джоунс и Ричард Нисбетт поспорили, что при объяснении человеческого поведения, например, проблемы с достижениями, существует огромная разница между «перспективой наблюдателя» – перспективой человека, видящего поведение и «перспективой субъекта» – перспективой человека, ведущего себя определенным образом. По словам Джоунс и Нисбетт, мы как наблюдатели, смотрим на субъекта, человека, чье поведение мы пытаемся объяснить. Таким образом, субъект доминирует над нашим буквальным и ментальным визуальными полями, что делает обстоятельства, на которые он реагирует, менее заметными для нас. В получившейся в наших головах картинке субъект выступает как бельмо в глазу, и обстоятельства поведения скрываются из виду. Джоунс и Нисбетт придерживались мнения, что такая картинка создает предубеждение, когда мы пытаемся объяснить поведение. Мы концентрируемся на том, что видим. Мы концентрируемся на связанных с субъектом вещах – особенностях, его чертах, которые кажутся правдоподобными для объяснения поведения субъекта. И мы теряем из виду причины поведения, вещи, которые мы плохо видим, обстоятельства, к которым субъект приспосабливается. Мое повторное посещение Энн-Арбор заставило меня осознать то, что следовало считать очевидным: я стал наблюдать за студентами из числа меньшинств и их борьбой за достижения. Я приехал в Энн-Арбор в поиске того, что студенты могут делать, что тормозит их достижения, какими особенностями они могут обладать.

Но во время посещения я говорил с самими студентами о трагедиях их борьбы за достижения. Они ничего не говорили об ожиданиях, мотивации, ценности, которую их семьи придают образованию, даже когда я прицельно спрашивал их об этом. Они гордились быть студентами такого сильного университета. Их семьи гордились ими. Они хорошо учились в старшей школе. Если у них были низкие ожидания, они их не показывали. Они говорили об обстановке в университете. Они

говорили о том, что они – небольшое социальное меньшинство. Они рассказывали, как нуждаются в месте, где им не будут так сильно подчеркивать, что они меньшинство. Они волновались, что ассистенты преподавателей, однокурсники и даже преподаватели могут считать их интеллектуальные способности более низкими, чем у других студентов. Они описывали, как общественная жизнь крутилась вокруг расы, этноса, социального класса. У них было мало близких друзей в группе. Они чувствовали, что стиль, привычки и интересы черных были маргинализированы в вузе, даже подвергались остракизму. Они отмечали как мало в преподавательском составе «черных» или представителей других меньшинств. Они могли придумывать оправдания. Я не мог знать. Они казались искренними, простыми, не обвиняющими. Но они действительно казались обеспокоенными тем, что университет Мичигана не место для них.

Вторая поразительная вещь, которую я увидел в поездке, были графики оценок. Я впервые мельком увидел важный факт: академические трудности чернокожих студентов в Мичигане (и у них были настоящие трудности) не вполне объяснялись низкими академическими навыками и мотивацией. После комплектования групп выпускников Мичигана (за семилетний период) на основе Академического оценочного теста, который они сдавали при поступлении в Мичиган, график демонстрировал средние оценки в каждой из групп. Таким образом, можно было увидеть результаты учащихся за тест от 1000 до 1050, от 1050 до 1100 – вплоть до тех, кто получил от 1550 до 1600, что находится наверху шкалы АОТ. График показал наличие тенденции того, что учащиеся с более высокими баллами за тест получают более высокие оценки. Неудивительно. АОТ создан, чтобы предугадать оценки в колледже. Хотя для этой выборки оказалась слабо выражена тенденция получать более высокие оценки у студентов с высокими баллами за тест.

Но меня поразило другое. Чтобы показать результаты «черных» студентов, в графике существовала отдельная линия для чернокожих выпускников Мичигана за тот же период. Она показывала, что выпускники с более высоким баллом за тест выпускались с более высокими оценками. Снова неудивительно, кроме одной вещи – линия «черных» студентов шла значительно ниже линии белокожих студентов.

Если мы предположим, что АОТ является приблизительной мерой подготовки к колледжу, то это значило нечто кардинальное: среди студентов со сравнимыми академическими навыками, измеряемыми АОТ, чернокожие студенты получили меньше отдачи в колледже, чем

другие студенты. Нечто подавляло отдачу, которую они получили от своих навыков.

Поездка в Энн-Арбор вызвала вопросы и дала некоторые подсказки. Обнаружились веские доказательства: проблемы достижений черных студентов в Мичигане не были вызваны полностью дефицитом навыков. Некие социальные и психологические аспекты их опыта, скорее всего, присутствовали. В то время я понятия не имел, каковы они. Появились более мягкие доказательства: студенты сами переживали о том, на своем ли месте они в Мичигане. Мартин Лютер Кинг однажды выразил беспокойство, что чернокожим студентам в интегрированных школах не всегда могут преподавать люди, которые их любят. У этих студентов возникла подобная озабоченность. Я задумался, были ли эти два вещественных доказательства – оценки и чувство принадлежности – связаны друг с другом.

Через год Мичиган предложил мне должность преподавателя психологии – шанс работать над моими исследовательскими интересами без вовлечения в бюрократические процессы. Я предвкушал работу. Я знал, что, если я начну, интригующие и важные вопросы не заставят себя ждать.

Семьи могут проявлять милосердие, и моя оказалась такой. Осенью 1987 года, несмотря на необходимость вырывать из привычной жизни двух подростков, моя семья и я приземлились в Энн-Арбор как раз перед началом нового учебного года и Мичиганского футбольного сезона.

Практически сразу, как по сигналу, график с отстающими «черными» студентами в Мичигане снова появился в моей жизни. Я был назначен в общеуниверситетский Комитет по набору и удержанию студентов из числа меньшинств. И снова в материале, полученном в первый день заседания комитета, лежал график, показывающий недостаточную успеваемость чернокожих студентов, что было главным поводом для основания этого комитета.

Ричард Нисбетт, другой мичиганский социальный психолог, тот же человек, который придумал разницу «субъект – наблюдатель», и я начали говорить об этой недостаточной успеваемости. Нисбетт – отличный собеседник. Он использует разговоры, дабы сформировать научное исследование, помочь ему соединить вопросы так, чтобы они имели повествовательную форму. Он приступает к проблеме, пытаясь увидеть, как она работает в реальной жизни. Он берет интервью у людей. Он опрашивает людей по телефону. Он копается в архивных записях. Он читает литературу. Он формирует понимание. В конце концов, он проводит уникальные эксперименты, чтобы проверить свое понимание и рассмотреть явление, чтобы увидеть, как оно работает. Вдохновленный таким подходом, я подавил свою естественную тенденцию быстро переходить к лаборатории.

Я разговаривал со студентами. Я разработал семинар на тему неуспеваемости. Помню, что студенты на семинаре обнаружили удивительный факт. Они остановили несколько «черных» и белых студентов на территории университета и попросили их заполнить четыре или пять страниц анкеты. Они хотели узнать, сколько близких друзей было у студентов другой расы. На первой странице анкеты студентов попросили перечислить шесть лучших друзей, на последней странице

попросили их записать свою расу (так было сделано, чтобы раса возможного друга не могла повлиять на включение или не включение в список близких друзей). Опрос показал, что среди своих шести ближайших друзей ни белокожие, ни чернокожие ученики не насчитали даже одного друга другой расы. В случае с чернокожими студентами соотношение белых друзей к черным составляло 2/3 к 6. Как рассказали мне студенты, их социальные контакты были организованы вокруг расы.

Я продолжал смотреть записи оценок. Я хотел понять, насколько часто чернокожий студент показывал отставание по всей учебной программе. К сожалению, оно было повсюду – от английского до математики и психологии. Как некоторое утешение для Мичиганского университета, мое наблюдение скоро выявило, что отставание черных студентов является национальным явлением. Оно происходило во всей системе образования – в колледжах, в медицинских школах, в юридических школах, в бизнес-школах и часто в общеобразовательных школах. Оно было так распространено и предсказуемо, что почти закономерно. Люди, которые делали тесты, давно знали об этом явлении. Они также знали, что так произойдет и с другими группами, не только с «черными». Так учились латиноамериканцы, коренные американцы и женщины в продвинутых математических классах колледжа, юридических школах, медицинских школах и бизнес-школах.

Это, конечно, печальный факт. И я нашел множество объяснений, в основном – с точки зрения наблюдателя: у этих студентов не хватает мотивации, культурных знаний или навыков, чтобы преуспеть в более сложной работе, где неуспеваемость, как правило, склонна появиться, или студенты каким-то образом вредят себе сами из-за низких ожиданий от себя или низкой самооценки, навязанной массовой культурой или даже их собственными семьями и общинами. Мои расчеты вряд ли можно было назвать неправдоподобными, если не просто гладкими. Я держал их как запасной вариант. Но у меня были сомнения. Могли ли они полностью объяснить возникновение неуспеваемости в таком количестве групп, на стольких уровнях и типах обучения?

Я также не мог избавиться от подозрения, что отставание как-то было связано с тем, что отстающие группы испытывали в школе, в большей степени, чем я или другие это осознавали. Что-то заставляло их силы покидать их, даже самых крепких. Что-то в обстановке учебного заведения было частью проблемы.

Несколько лет спустя меня пригласили прочитать лекцию по моему исследованию в небольшом авторитетном гуманитарном колледже на северо-востоке. Школа также воспользовалась случаем, чтобы проконсультироваться со мной об успехах их учащихся из числа меньшинств, что в начале 1990-х годов означало чернокожих студентов. Оказалось, этим мне придется заниматься на годы вперед. Неизменно, я много узнавал в этих поездках. Они всегда поучали, снабжая меня информацией о проблемах, над которыми я работал и которые я раньше не понимал.

Эта ранняя поездка была особенно интересной. Я говорил с группами «черных» студентов, преподавателями и администрацией в быстрой последовательности и увидел грандиозное отображение различных точек зрения.

Преподаватели и администрация были обеспокоены проблемами чернокожих студентов: более низкой успеваемостью, большей вероятностью отсева, серьезной склонностью занижать свои профессиональные амбиции в ходе обучения, тенденцией избегать количественно основанных сфер, маленькой социальной интеграцией в жизнь кампуса, значительно сегрегированными дружескими связями и так далее. Их список был почти идентичен списку, составленному Мичиганским Комитетом по набору и удержанию.

Мы разговаривали в небольшом конференц-зале, обшитом светлым кленом. Одна стена сплошь состояла из окон от пола до потолка, через которые проникало первое весеннее косое солнце и виднелись проплешины снега в лесу. Атмосфера была дружественная, даже теплая, но и серьезная одновременно, способствующая доверительной беседе среди взрослых. Здесь сидели занятые люди. Проблемы чернокожих студентов в привилегированном университете не были их единственной головной болью. Однако они хотели, чтобы их школа хорошо работала и хорошо работала для всех.

Они использовали главным образом теории «наблюдателя» для того, чтобы понять эти проблемы. Они принимали правильных студентов? Они должны еще более тщательно взвесить академические навыки при поступлении? Семейное происхождение играло критическую роль? Они не слышали о феномене неуспеваемости. Они не были уверены в том, что проблемы их студентов не были полностью академическими. Я

также чувствовал присутствие в помещении во время собраний преподавателей и администрации, как будто пламя горело в углу. Пламя было вероятностью того, что случайно они могут сделать что-то или потворствовать чему-то, что можно будет рассматривать как расизм. Это было обжигающее пламя. Они не хотели приближаться к нему. Они хотели, чтобы я говорил. У меня есть какие-нибудь идеи?

Черные студенты со своей стороны были огорчены. В студенческом городке я встретился с ними в длинной узкой комнате с низкими потолками на первом этаже дома, который переделали в офисы обслуживания студентов и переговорные. Студенты толпились перед лекцией, вероятно, их было около семидесяти пяти человек, изрядная часть населения маленького студенческого городка. Они хотели услышать и меня, но в основном они сами хотели говорить. Они хотели описать свой опыт в колледже, стресс, который они чувствовали. Они сказали, что слишком много времени чувствовали, что они не на своем месте. Они говорили, что часто несчастливы. Они часто ездили домой на выходные. У меня есть какие-нибудь идеи?

Иногда чернокожие ученики говорили, что в школе есть элементы расизма. Они раздували пламя. Они приводили в пример инцидент с ассистентом преподавателя, комментарий преподавателя или сокурсника. Но пока день шел, и у меня получилось заглянуть им через плечо с перспективы субъекта, мне показалось, что на них больше влияла расово организованная жизнь кампуса, чем расизм конкретных людей.

Например, они испытывали чувство маргинализации. Они представляли небольшое меньшинство на кампусе. Культура студенческого городка – ее идеи о том, кто и что является «крутым», преобладающие ценности, социальные нормы, предпочтения, стиль одежды, представления о красоте, музыкальные предпочтения, способы религиозного выражения и тому подобное – определялась белыми людьми, самой многочисленной группой, которая исторически ассоциировалась с этой школой. На этом фоне черные студенты беспокоились о своей принадлежности, о том, могли ли они найти значимое место в жизни кампуса. Могли ли их ценить за то, кем они были в этой ситуации? Видели ли их как социально привлекательных людей? Количество студентов сыграло большую роль в чувстве маргинализации. Культурное доминирование белых последовало из их числа.

Дружба и общественная жизнь были также значительно определены расой. Черные студенты явно склонялись к этому, даже если казалось,

что они осознавали цену этой дружбы. Более 85 процентов американцев, например, получают работу по знакомству. Расово однородные дружеские группы могут отделять людей от важных групп и таким образом от важных возможностей. Они также отметили небольшое количество чернокожих преподавателей и администраторов. Имело ли это значение? Говорило ли это что-то о возможности их принадлежности к этому кампусу?

Социолог Уильям Джулиус Уилсон объяснил создание и содержание крупных афроамериканских гетто в северных городах «как следствие концентрации факторов», таких, как длительный период миграции негров с юга на север, некачественные и плохо финансируемые государственные школы, работа за пределами городов и в зарубежных странах, дискриминация на работе, географическая и социальная изоляция. Эти вещи соединяются, по словам философа Чарльза Миллса, чтобы устанавливать внизу людей, живущих в гетто, настолько ущемить их права, чтобы заставить их менее эффективно действовать от своего имени.

Этот аккуратный, состоятельный колледж не был расовым гетто. И факторы, которые «устанавливают внизу» черных студентов, осознавались меньше, чем такие факторы, как расстояние от работы или дискриминация. Но рассказы этих студентов создавали впечатление, что концентрация факторов позволила лучше понять, что вызвало их недостаточную успеваемость. Основные объяснения не представлялись полными. Неуспеваемость не могла быть полностью объяснена расизмом со стороны учителей и одноклассников. Примеры возможного расизма, которые черные студенты приводили, не были настолько закономерны и распространены, как их неуспеваемость. Мотивационный и культурный дефицит, который черные студенты несли в багаже, также не могли выступить в качестве единственного объяснения. Эти студенты держались в академическом авангарде своих групп, но в основном вопреки высоким академическим стандартам. Скорее, играло роль скопление факторов, скопление расовых аспектов жизни в кампусе – расовая маргинализация, расовая сегрегация в социальных и учебных кругах общения, недостаточная групповая представленность в важных ролях в студенческом городке, даже расовая организация выбора учебной программы – все, что хоть в какой-то степени отражало расовую организацию целого общества.

Чутье мне подсказывало, что в этом было разумное зерно. Все-таки, как я говорил, эти факторы не были жесткими, такими, как безработица или неравнозначное школьное финансирование. Перед нами были

параметры социальной организации. Насколько они серьезны? Могут ли они быть настолько мощными, чтобы вмешаться в успеваемость чернокожих студентов, особенно чернокожих студентов, с большой вероятностью воспитанных с позицией стараться в два раза жестче перед лицом расовых трудностей?

4 апреля 1968 года Мартин Лютер Кинг-младший был убит. На следующий день учительница третьеклассников из Айовы Джейн Эллиотт искала способ показать своему классу, насколько важны жизнь и работа Мартина Лютера. Она жила в Райсвилле, штат Айова, небольшом фермерском поселении с настолько однородным населением, что ее ученики никогда раньше не видели афроамериканца. Чтобы показать им, каково испытывать дискриминацию, она разделила свой класс на кареглазых и голубоглазых студентов. В первый день она дискриминировала кареглазых учеников. Она надела им войлочные ошейники на шеи, чтобы их опознавать. Она сказала, что голубоглазые ученики были умнее, чище и лучше себя вели, чем кареглазые. Она посадила голубоглазых учеников вперед и давала первую очередь на игровой спортивной площадке во время перерыва. Она призывала голубоглазых учеников не связываться с кареглазыми в классе или на детской площадке. Она дала голубоглазым ученикам право первого доступа к урокам и используемым материалам на занятиях. Все упражнение в конечном итоге отдельно сняли для документального фильма для «Эй-Би-Си Ньюс» под названием «Глаз бури».

Даже в реконструкции событий эмоции на лицах кареглазых учеников в тот первый день огорчали. Вы знали, что это упражнение не повторится. Ученики были унижены: они прижимались друг к другу на детской площадке, поднимали воротники пальто, чтобы скрыть свои лица от камеры документального фильма. Они не говорили почти ничего в классе и почти не говорили весь день. Голубоглазые ученики между тем были расслабленными, счастливыми, беззаботными участниками.

На второй день Мисс Эллиотт поменяла роли. Она надела войлочные ошейники на шеи голубоглазых учеников и стала относиться к ним так же, как она днем раньше относилась к кареглазым ученикам. Голубоглазые ученики теперь утратили энергию, которая была из них накануне, и вели себя так, как кареглазые ученики вели себя в первый день, зажатые и отвергнутые. Кареглазые ученики в свою очередь снова заинтересовались учебой.

В этом документальном фильме спрятано несколько сцен, показывающих увлекательный интеллектуальный подтекст эксперимента Мисс Эллиотт. Это сцены, в которых она преподает арифметику и правописание для небольших групп учеников. Они показывают, как плохо успевают стигматизированные ученики. Они почти не обращали

внимания на доску. Они отставали даже в небольшой группе. Они говорили только, если с ними заговаривали. Они не помнили инструкции. Они медленно реагировали. Они давали много неправильных ответов. Но в день, когда они не были стигматизированы, эти же ученики отвечали как энергичные, познавательно активные дети, которыми они, видимо, были. Окружающая среда и их статус в ней казались актуальной составляющей их способностей.

Г-жа Эллиотт сознательно временно «установила внизу» своих учеников. Она высказала свою точку зрения. Колледж, который я посетил, этого не делал. Он не намеревался специально делать вещи, которые «установят внизу» черных студентов. Как раз наоборот, он стремился к их включению. Школу удивляли проблемы, которые следуют за включением. Но после того как я размышлял о групповой неуспеваемости в течение нескольких лет и беседовал с бесчисленным количеством студентов по пути, две вещи пришли мне в голову. Во-первых, как и многие высшие учебные заведения в США, школа унаследовала социальную организацию от общества и от своей собственной истории, которая может поместить чернокожих студентов под давление соединения внизу – мощное давление, плохо понимаемое внутри традиционных рамок предрассудков и расизма, с одной стороны, или студенческих недостатков, с другой стороны. Во-вторых, давление может иметь власть вмешиваться прямо или косвенно в интеллектуальные показатели. То есть оно может вызывать неуспеваемость.

К этому времени я работал с выпускником Мичиганского университета по имени Стивен Спенсер (ныне заслуженный профессор в университете Ватерлоо). Стив – энтузиаст и полон энергии. Он вырос на ферме в Мичигане. Он умеет погружаться в дела. Он любит говорить о психологии. Он быстр и обладает острым умом. Мы работали над вопросом, как люди поддерживают восприятие личностной адекватности перед лицом информации, которая может поставить под угрозу такое восприятие. Попытка сделать это, по нашей теории, – главный кормчий нашей умственной жизни, заставляющий нас пересмотреть наши убеждения и предположения, реинтегрировать понимание, иногда даже стимулировать рост. Наш подход к пониманию этих вопросов ранее был сведен воедино в теории самоутверждения. Эта теория и другая, не связанная с ней, но одинаково интересная теория о том, как фармакологические и психологические эффекты алкоголя могут способствовать алкогольной зависимости, были в фокусе моих исследований в университете штата Вашингтон. Это были увлекательные задачи, с ними было приятно работать. Стив и я вместе с Робертом Джозефом (еще один выпускник того времени, ныне заслуженный профессор университета Техаса), добивались больших успехов в обеих областях.

Но по какой-то причине в этом новом университете именно проблема групповой недостаточной успеваемости начала меня беспокоить. Я лез и лез не в свое дело, и в конце концов, как я надеялся, Стив начал подхватывать за мной.

Несмотря на имидж науки как формального и предписанного дела, научные запросы имеют точки выбора, места, где исследователь должен решить, что делать дальше без формального руководства. Интуиция и лучшие догадки вступают в игру. Нам нужно было тщательнее рассмотреть то, что вызвало отставание, и моя лучшая догадка заключалась в том, что стигматизация, низкая установка могут случиться с некоторыми группами в школьной среде. Конечно, отставание с таким же успехом может исходить от чего-то в самой группе. Я поддерживал идею стигматизации. Признаюсь, мне она понравилась больше, чем идея, что неуспеваемость коренится в некоторых биологических различиях между группами – для меня обескураживающая и потенциально бесчеловечная идея. Но был и тот факт, что школьное отставание произошло в нескольких группах: группе чернокожих,

латиноамериканцев, коренных американцев, женщин на уроках математики. Может ли нечто биологическое во всех этих группах вызвать отставание? Возможно, но я также могу представить, что эти группы имели опыт стигматизации – разный по форме, конечно, но тем не менее групповой стигматизации точно в тех областях, где они отстали. Разумный вывод, но только умозаключение. Я знал, что пришло время проверить эту идею.

Для этого нам со Стивом нужна была такая же ситуация, как в классе у Джейн Эллиотт. Пришлось сравнивать интеллектуальные показатели группы, когда ее члены были стигматизированы, с ее интеллектуальной деятельностью, когда они не были стигматизированы, – это как сравнивать успехи голубоглазых учеников в день, когда они носили ошейники и сидели в конце класса, с их успехами в тот день, когда они не носили ошейники и сидели впереди. Если члены группы отставали, когда их стигматизировали, а не тогда, когда они не были стигматизированы, у нас были бы доказательства того, что только стигматизация, девальвированный социальный статус, имела способность ухудшить интеллектуальные показатели.

Вскоре нам пришло в голову, что естественный эксперимент точно такого рода может происходить на нашем собственном заднем дворе в классе колледжа конкретно – в различном опыте женщин в математических классах по сравнению с гуманитарными классами. Серьезное исследование показывает, что в математических классах, особенно на уровне колледжа и особенно в более продвинутых классах, женщины сообщают, что чувствуют то, что социологи Ненси Ньюит и Элейн Сеймур назвали «прохладным климатом». То есть они чувствуют, что их способности ставят под вопрос, их серьезность дискредитирует женские качества, им постоянно приходится отстаивать себя, карьерные обязательства ставятся под вопрос и так далее. Однако на уроках английского и на гуманитарных предметах женщины чувствуют значительно меньше давления, даже в усложненной работе.

Стив и я не концентрировались на вопросе, почему существуют такие различия. Книга возвращает к этому вопросу несколько раз. В то время мы думали, что фокусируемся на более простой идее естественного эксперимента, который позволит ситуация.

Мы могли сравнить, сколько женщин отстает на углубленных математических уроках, где они сообщали, что чувствуют себя более стигматизированными из-за холодного климата, с тем, насколько они отстают на уроках углубленного английского, где они сообщали, что чувствуют значительно меньше стигматизации их способностей.

Эксперимент был прост: если стигматизация может нанести ущерб интеллектуальной деятельности, как мы со Стивом догадывались, тогда женщины на углубленных математических уроках должны отстать больше, чем женщины на углубленном уроке английского. То есть разрыв между женскими и мужскими оценками должен быть больше в углубленных занятиях по математике, чем в углубленных занятиях английским языком.

Данные, которые мы смогли собрать, были неидеальны. Важно подчеркнуть, что, после того как данные были собраны, имена всех студентов были заменены на идентификационные номера для защиты их анонимности. Было очень мало женщин на занятиях углубленной математикой. Некоторых учащихся пришлось исключить, потому что мы не могли восстановить их результаты АОТ и, таким образом, не смогли включить их в группировку баллов за АОТ.

Тем не менее образовался шаблон, который зеркально отображал происходящее в классе Джейн Эллиотт. Женщины, как правило, отстают в углубленной математике, где данные свидетельствуют о том, что они чувствуют ошейник гендерного клейма, а не в углубленном английском, где свидетельства показывают меньшее присутствие ошейника.

Таое отставание, особенно среди таких талантливых и мотивированных людей на реальных уроках, обескураживает. Но в этот раз схема того, когда это происходит, а когда нет, рассказала нам кое-что о его причинах. Она подкрепила наши мысли о стигме и интеллектуальной деятельности.

Тем не менее качество данных было тревожным, и мы знали, что наши результаты могут быть объяснены способами, отличными от нашей теории. Возможно, мужчины на уроках английского были менее заинтересованы, чем мужчины на уроках математики. Может быть, поэтому они работали хуже, чем женщины на тех занятиях. Или, может быть, работа на занятиях английским языком просто проще, чем работа на математике, и позволяет всем учащимся получать более высокие оценки. В реальном мире занятий в колледже многие факторы могли быть в игре.

Нам нужен был более точный тест на влияние стигмы на ослабление интеллектуальных показателей или его отсутствие. Мы также знали, что, если бы эффект был реальным и мы могли бы его надежно произвести, если бы смогли «закупорить» этот эффект в лаборатории, так сказать, мы могли бы использовать лабораторную процедуру, чтобы ответить на другие важные вопросы. Какие факторы усугубили этот эффект? Что именно стигматизация делает с людьми,

когда ухудшает их интеллектуальное функционирование? Некоторые виды людей более восприимчивы к этому эффекту чем другие? Так происходит со всеми стигматизированными группами или только некоторыми? Случается ли подобное в других видах деятельности помимо интеллектуальной работы? Затрагиваются ли показатели с низкими ставками или только с высокими ставками? И, самое главное, что можно сделать для его устранения?

Наш подход состоял в том, чтобы воспроизвести кабинет английского и математики у нас в лаборатории. Мы создали очень простую ситуацию. Во-первых, мы набрали студентов и студенток Мичиганского университета, в основном первокурсников и второкурсников, которые были хороши в математике. Они имели количественные баллы за тест АОТ, входили в топ-15 процентов при поступлении, получили по крайней мере «хорошо» по математическому анализу дважды и указали, что математика была важна для их личных и профессиональных целей. Мы получили студентов и студенток, которые были по существу равны и сильны в математических навыках и приверженности математике. Затем мы переместили их в лабораторию и дали им в одиночку очень трудное интеллектуальное испытание. Оно было ядром эксперимента. Но, конечно, мы хотели, чтобы половина из этих участников сдавала тест в условиях стигматизации или потенциально стигматизирующих условиях, а другая половина решала тест без стигматизирующих условий.

Опять же мы имитировали наше исследование в естественных условиях. Мы варьировали тему теста по математике по сравнению с английским. Половина участников решала математический тест – тридцатиминутный раздел теста GRE (Graduate Record Examination^[5]) по математике; другая половина решала тест по английскому – тридцатиминутный раздел теста GRE по английской литературе, серьезное испытание, требующее базы знаний. Разделы были взяты не из общего количественного или вербального GRE, а из более сложных предметных тестов по математике и английскому языку.

Рассуждали мы так на основе негативных стереотипов о способности женщин к математике: просто решение трудного математического теста подвергает женщину риску стигматизации, риску считаться ограниченной в математических способностях *потому, что она женщина*. Разочарование от такого теста по своей сути усиливает беспокойство.

Напротив, ни один стереотип не говорит, что мужчины как группа не имеют математических способностей. Им может не хватать этого как

индивидуумам. Разочарование в тесте могло отражать это. Но это не значит, что у них нет математических способностей потому что они мужчины.

И по той же причине не должно быть никакой угрозы групповой стигматизации мужчин и женщин, выполняющих тест по английской литературе. Способности ни одной из групп не стигматизированы серьезно в этой области, хотя мы задавались вопросом, могут ли мужчины чувствовать некоторые угрозы групповой стигматизации по литературе.

Тогда у нас было лабораторное факсимиле нашего реального полевого исследования. Если надеть ошейник – подвергнуть риску групповой стигматизации – достаточно, чтобы помешать интеллектуальной деятельности, то женщины должны отстать от мужчин в тесте по математике, где они подвергались стигматизации, но не в английском языке, в котором ни одна из групп не подвергалась стигматизации. И, о чудо, именно это и произошло.

Мы были воодушевлены. Не потому, что мы что-то доказали, а потому, что было по крайней мере одно особенно, а потому, что правдоподобное альтернативное объяснение, его я опишу чуть впереди. Но теперь у нас были лабораторные процедуры, которые воспроизводили то, что мы видели в реальном мире. И они были относительно безопасны. Нам не нужно было заставлять участников делать то, что они не выполняли все время до этого; они просто решали тест. Более того, объяснив им эксперимент по окончании, устроив разбор полетов, мы могли бы помочь им лучше справляться с давлением в их собственной жизни. У нас была безопасная версия класса Джейн Эллиотт – место, где возможный эффект стигматизации по интеллектуальным показателям можно было рассмотреть вблизи, где мы могли бы узнать, как он появился и, возможно, как уменьшить его.

Мы полагали, что женщины испытывали давление от перспективы подтвердить позорное мнение о себе, что заставило их хуже выступить в эксперименте. Но была веская, если не тревожная, альтернативная вероятность, осторожно доведенная до нашего сведения: возможно, более скромные результаты женщин отражали их меньшую биологическую способность к математике, что проявлялось в сложной математике.

В начале 1980-х годов два психолога, Камилла Бенбоу и Джулиан Стэнли, провели несколько крупных исследований о различиях полов в математике, которые были напечатаны в престижном научном журнале Science^[6]. Интересно, что условия их исследования мало отличались от наших. Они тоже отбирали учеников, которые очень хорошо успевали в математике. У них были восьмиклассники – мальчики и девочки, которые по существу прошли одинаковый курс по математике до этого момента и попали в топ-3 процента тестируемых по стандартизированным математическим экзаменам для восьмиклассников в их школах. Они предложили ученикам тест по математике, который был очень трудным для восьмиклассников – математический раздел АОТ. Их результаты были похожи на наши. Девочки выступили хуже по отношению к мальчикам. И, так как мальчики и девочки в этом исследовании были так тщательно отобраны по математическим навыкам и получали равнозначное математическое обучение до теста, Бенбоу и Стэнли пришли к трудному заключению: возможно, более низкая успеваемость девочек в их исследовании отражала меньшую биологическую способность женщин к математике, которая проявляет себя, когда математика усложняется.

Наше общество очаровано генетическими объяснениями всего – от алкоголизма и гиперактивности до счастья. Идея, что генетика лежит в основе разницы полов в математических успехах, прямо как и расовые различия в спортивных показателях, о которых я упоминал раньше, кажется, обречена очаровать нас. Например, в январе 2005, в речи, произнесенной в Массачусетском технологическом институте (MIT) в начале конференции о присутствии женщин в науке тогдашний президент Гарвардского университета Ларри Саммерс сказал: «Существует три широкие гипотезы об источниках существенных несоответствий, которые отражены в документах конференции и были описаны ранее в отношении женщин в высококласных научных

профессиях. Первую из них я бы назвал высокомошной рабочей гипотезой. Вторая – это то, что я бы назвал *дифференциальным наличием природных способностей на высоком уровне*, и третьей гипотезой я бы назвал разную социализацию и схемы отбора в исследовании. И, на мой взгляд, их важность идет именно в том порядке, который я только что описал».

В середине речи Нэнси Хопкинс, выдающийся биолог из Массачусетского технологического института, вышла. Вскоре ученые на конференции были в смятении – в основном, в споре о предполагаемом значении второй гипотезы Саммерса. Через несколько часов СМИ начали освещать происходящую неразбериху – брали интервью у участников в качестве свидетелей речи Саммерса. В течение нескольких дней телевизионные и радио ток-шоу, статьи на развороте с письмом редактора и медиа-эксперты сосредоточили внимание общественности на его замечаниях и на аргументах его сторонников и недоброжелателей. Люди призывали Саммерса в ближайшее время уйти в отставку. Протесты в Гарвардском университете активизировались в последующие за конференцией недели и месяцы. 15 марта того же года члены факультета искусств и науки в Гарварде проголосовали 218 к 185, что у них больше нет доверия к Саммерсу как к президенту Гарвардского университета. Он выдержал это голосование, заручившись поддержкой Гарвардской Корпорации, органом попечителей, управляющих Гарвардом. Но через год, чтобы предупредить еще один факультетский вотум недоверия, Саммерс подал в отставку. К этому времени в период его президентства возникли и другие проблемы. Дебаты по поводу его руководства расширились. Но мало кто поспорит, что конец президентства Саммерса начался с того, что он считал небрежной ссылкой на свою вторую гипотезу – различия полов в математике и естественных науках были существенно укоренены в различиях полов в генетической способности к математике.

Стив Спенсер и я не были особенно заинтересованы в генетическом объяснении различий полов в математике. Наша идея заключалась в том, что стигма имела больше общего с этими различиями, чем люди обычно думают. Но мы знали задолго до эпизода с Саммерсом, что генетический вопрос имел огромный культурный вес. Кроме того, он выступал как возможное альтернативное объяснение наших экспериментальных результатов. Нам приходилось иметь это в виду.

В нашей зарождающейся исследовательской программе не существовало мелочей. Мы дошли до того, что две правдоподобные, но очень разные идеи могли бы объяснить наш простой вывод, что, после

того, как мы тщательно отобрали женщин и мужчин, которые имели сильные и равные математические навыки, женщины выступили хуже, чем мужчины, на трудном тесте по математике, который мы им дали, то есть показали классическое отставание. Наше объяснение было в том, что разочарование во время сложного теста по математике заставило женщин беспокоиться о подтверждении или видимом подтверждении мнения общества о том, что у женщин плохие математические способности, и вот это беспокойство в свою очередь мешало их работе. Так, мы увидели «ошейник» стигмы, вмешавшейся в математику.

Другое объяснение было в том, что женщины отстают из-за чего-то, имеющегося в женщинах, например, психологической уязвимости или некого фактора из второй гипотезы Саммерса.

Нам нужен был эксперимент, который мог бы показать нам, какой из двух выводов был лучшим о наших находках. В этом состоит веселая и напряженная часть науки: противопоставление двух идей в эмпирической проверке. Если вы придумаете хороший эмпирический тест, вы надеетесь получить четкий ответ. В этом случае четкий ответ будет иметь подразумеваемые значения. Он покажет нам, обнаружили ли наши предыдущие эксперименты действительно нераскрытое влияние на женские математические способности – стигматизированную гендерную идентификацию в Соединенных Штатах – или просто выявит давно предполагаемое ограничение в способности женщин к математике, которое проявляется в высшей математике. Это был бы эксперимент с реальными ставками.

Но что это мог быть за эксперимент?

Пытаясь найти ответ, мы поняли кое-что еще о нашем объяснении. Мы спорили относительно целеустремленных женщин, решающих трудный тест по математике, что давление от опасения подтвердить стереотип было частью их обычного опыта в сдаче сложных математических тестов. Все, что им требовалось, чтобы почувствовать давление, было разочарование – неизбежный спутник сложных математических тестов. Разочарование заставило бы культурный стереотип прийти на ум и восприниматься как имеющий отношение к ним лично. Это означало, что для оказания такого давления не требовалось ничего лишнего. Просто дайте математически мотивированным женщинам трудный тест по математике, и они почувствуют давление автоматически в нашей лаборатории и, предположительно, в реальной жизни.

Таким образом, задача в создании хорошего эксперимента не была в том, чтобы отыскать нечто дополнительное к реальной жизни, что

вызвало бы давление на женщин во время теста по математике. Задача состояла в том, чтобы найти что-то дополнительное к реальной жизни, чтобы снизить давление, которое женщины, как правило, чувствуют во время таких тестов, чтобы как-то убрать «ошейник» стигмы во время сложных математических тестов.

Если бы при снижении давления улучшилась результативность женских тестов, тогда мы бы знали, что именно давление подорвало их работу в наших более ранних экспериментах.

Но как снизить это давление?

Сначала мы думали попытаться убедить их, что негативный стереотип о женщинах и математике был ложным. Если они перестанут верить в стереотип, возможно, они не будут беспокоиться о его подтверждении. Но потом мы поняли, что, даже если сможем убедить их в том, что другие люди не верят широко распространенному стереотипу, будет значительно сложнее. Они бы все равно могли беспокоиться, что выполнение ими теста заставит других людей – возможно, самих авторов эксперимента – посмотреть на них стереотипно.

Потом у нас появилась простая идея. Мы представим тест таким образом, чтобы культурный стереотип о математических способностях женщин не имел отношения к их результату. Мы скажем что-то вроде: «Вы, возможно, слышали, что женщины не успевают так же, как мужчины на сложных стандартизированных математических тестах, что неверно для *специальных* стандартизированных тестов по математике. В *специальных* тестах женщины всегда работают так же хорошо, как и мужчины». Это близкий пересказ того, что было сказано в реальном эксперименте.

Простая инструкция. Но представление теста таким образом меняло смысл любого разочарования, которое испытывали женщины. Оно не было знаком того, что перед вами женщина, потому что специальный тест не мог ничего сказать о женщине или о сфере в целом, если на то пошло. Они находились теперь в той же лодке, что и мужчины, проходящие этот тест. Их разочарование могло подтвердить, что они не успевали в математике как личности, но оно не могло подтвердить, что они не успевали в математике потому, что они были женщинами.

Одно изменение инструкции, и гендерная личная идентификация, которая обычно преследовала их в работе с высшей математикой, уйдет.

Поэтому у нас был план. Мы проведем эксперимент, как и раньше. Мы наберем сильных в математике женщин и мужчин в Мичигане. Мы дадим всем сложный тест по математике в одной комнате. И для группы,

в которой мы не хотели, чтобы женщины испытали риск стигмы, мы представим тест как тест, не показывающий разницу полов.

Так встанут на место все элементы, которые нам нужны, чтобы противопоставить две большие идеи друг другу в эмпирическом тесте. Если женщины, для которых давление стигмы было снижено, выполняют задание так же хорошо, как мужчины, равные им по способностям в этом эксперименте, мы будем знать, что давление стигмы ухудшало их показатели в более ранних исследованиях. Мы бы знали, что давление может оказать большое влияние на успеваемость женщин по математике. Но если снижение этого давления не повлияет на выполнение женщинами теста, (если женщины все-таки выступят хуже, чем одинаково образованные мужчины), то мы будем знать, что не давление выступало фактором в наших предыдущих результатах, а что-то еще имело место. Возможно, нечто, касающееся социализации, или возможно – «вторая гипотеза» Саммерса.

На тот момент в наших исследованиях мы со Стивом не особенно сосредотачивались на более серьезных последствиях. Но в том эксперименте мы понимали, что ставки были высоки. Мы были взволнованы и напряжены.

И результаты оказались грандиозными. Они дали нам четкий ответ. Среди участников, которым сообщили, что тест показывал гендерные различия, где женщины все еще могли чувствовать угрозу подтверждения стигмы, женщины сработали хуже, чем одинаково квалифицированные мужчины – так же как в ранних экспериментах. Но среди участников, которым было сказано, что тест не показывает гендерных различий, где женщины были свободны от угрозы быть осужденными из-за стереотипа, женщины выступили на таком же высоком уровне, что и одинаково опытные мужчины. Их неуспеваемость исчезла.^[7]

Не будет преувеличением сказать, что результаты изменили ход нашей исследовательской жизни. Они дали нам первый эмпирический сигнал, что давление стигмы, о котором мы выдвигали теории, было на самом деле достаточно мощным, чтобы повлиять на повседневный опыт женщин, занимающихся математикой, особенно математикой на пределе своих навыков, где разочарование неизбежно. Они одновременно сказали нам, что отставание женщин в математике, где оно происходило, могло быть более поправимо, чем люди думали. Устранение угрозы подтверждения стереотипа, которая обычно довлеет над женщинами, занимающимися сложной математикой, резко улучшило их показатели – как снятие «ошейника» с учеников Джейн Эллиотт улучшило их

успеваемость.

Ни в коем случае у нас не было полного объяснения наших выводов. Книга расскажет об этом намного больше. Также нам нужно было проявить осторожность в обобщении наших выводов. Они не подразумевали, например, что устранение угрозы стигмы ликвидирует все различия между полами в математике. Наиболее наблюдаемые различия в результатах между полами по математике не отмечаются между образцами мужчин и женщин, отобранных по схожести математических навыков и мотивации, как в наших экспериментах. Они находятся между образцами мужчин и женщин, которые могут отличаться в навыках и мотивации потому, что по-разному осваивали учебную программу по математике, имели различный интерес к математике, различное воздействие угрозы стигмы в течение жизни и так далее. Снятие «ошейника» угрозы стигмы в одном случае может уменьшить различия, но необязательно ликвидировать их полностью.

Тем не менее результаты ясно сказали Стиву и мне, что нам предстояло прояснить важное явление – то, которое может играть особенно печальную роль в прогрессе женщин в связанных с математикой сферах.

Исследования показали, что чем дальше женщины продвигаются в математике, тем труднее им продолжать. Многие факторы способствуют этому: роли женщин в обществе, возможно дискриминация против женщин в математике, возможно низкие ожидания по поводу их способностей. Мы со Стивом чувствовали, что нашли еще одно объяснение: угроза подтвердить подозрения общества на счет математических способностей женщин, которая возникает в тяжелый момент во время продвижения к новому этапу математических достижений, – это и есть большое препятствие у них на пути.

Именно эта находка изменила наши жизни как исследователей и отдала нам приказ к действию.

Но нам пришлось признать, что наша идея была необычной. Крошечные шаги, ведущие к ней, были последовательны: мои студенческие интервью, данные, показывающие феномен неуспеваемости, а теперь наши эксперименты с женщинами в математике. Тем не менее это была необычная идея – идея, предполагающая, как оно и было, что групповые стереотипы (например, стереотипы о женских математических способностях) могут вызвать достаточное разрушение, чтобы вмешаться в успеваемость сильных студенток-математиков в стандартизированных тестах и, возможно, в их математическую карьеру в целом.

Наша мысль была также необычной, потому что предполагала, что так может произойти без дурных намерений, без предвзятых людей, например. Наши тестируемые были одни в комнате. У них не было основания полагать, что эксперимент проводился людьми, имеющими предубеждения против женщин. Тем, что они знали, была культура данного общества. Они знали, что люди в этой культуре склонны видеть математические способности как нечто, больше присущее мужчинам, чем женщинам. Они знали, что их выступление могло бы подтвердить эту точку зрения. И женщин, вкладывающих силы в математику, такой ход мыслей расстраивал и отвлекал настолько, что мешал их работе.

Ровно так же наша идея не имела общего хода. Она не появилась в списке причин в исследовательской литературе относительно того, почему немногие женщины достигают элитных уровней математики и естественных наук. Мы представили разрабатываемые версии идеи на конференциях. Людям нравился вывод, что производительность женщин в математике может быть значительно улучшена путем избавления от риска подтверждения негативного мнения о математических способностях женщин. Но им было сложно удержать наше объяснение в голове как отдельную идею. Они сводили все к чему-то другому. Они говорили: «Разве вы не говорите, что женщины имеют более низкие *ожидания* от своей математической работы и, когда они сталкиваются с высшей математикой, они просто *самостоятельно реализуют* эти низкие ожидания?» Мы думали об этом. Но это не объясняло наши результаты. Женщины в нашем эксперименте были выбраны за то, что имели высокие ожидания. Они всегда были хороши в математике, и они хорошо работали, когда им сказали, что тест не может определить гендерные различия. Если сложная математика вызвала низкие ожидания, которые при самореализации заставляли женщин отставать, наши испытуемые тоже должны были отстать. Этого не произошло.

Мы думали, что у нас есть что-то особенное. Тем не менее мы признавали, что мы больше знаем о том, чем оно не было, чем о том, чем оно было.

Вопросов было много. Как давление повлияло на производительность – ухудшением памяти? Дополнительной когнитивной нагрузкой? Физиологическим ухудшением? Оно повлияло только на людей, которые заботились о качестве работы? Оно повлияло только на женщин в отношении математики или также повлияло на другие группы и другие типы успеваемости? Можно ли его преодолеть с большим усилием, или старания все испортят? Что могли сделать школы и учителя, чтобы уменьшить давление? Что люди могли бы сделать,

чтобы облегчить его?

Важные вопросы – все со временем будут исследованы, и на многие из них будет дан ответ. Но в то время в контексте другого сотрудничества мое любопытство вернулось к вопросу успеваемости учащихся из числа меньшинств. Мог ли тот же самый процесс, который повлиял на студентов математики женского пола, выступить фактором неуспеваемости студентов меньшинств?

Глава 3

**Угроза стереотипов подступает и больше,
чем в одной группе**

В 1978 году, когда я жил в Сиэтле, «Сиэтл Суперсоникс» были в одной игре от выигрыша в чемпионате НБА. На следующий год они выиграли. Их подъему к славе предшествовал долгий период середнячковости. Сезон 1978 года на самом деле был средним – 5 побед и 17 проигрышей в первые недели сезона. Затем руководство клуба уволило тренера и наняло нового – молодого Ленни Уилкенса, который был играющим тренером в команде несколько лет ранее. Игроки не изменились, добавился только Уилкенс. Команда сразу начала выигрывать – 42 победы в сезон против 18 поражений под руководством Уилкенса. Сезон закончился со счетом «47:35», «Соникс» упустили титул НБА всего из-за 6 очков в финальных секундах седьмой игры чемпионата. Единственная перемена в персонале – появление Уилкенса, и пазл команды сошелся.

Здесь интересно, как описывали команду до и после переворота в играх. Во время проигрышей местные спортивные журналисты описывали игроков самым худшим образом. Разыгрывающий защитник неплохо отдает передачи, но не может донести мяч до корзины. Сильный форвард слишком далеко кидает и теряет легкие отскоки мяча под корзиной. Центровой слишком мало двигается и не ловит передачи в середине поля. Спортивные журналисты выступали как наблюдатели. Чтобы понять происходящее, они использовали тех, кто находился в их поле зрения – игроков и их особенности. И им нужно было объяснить проигрыши. Логично, что они подчеркивали недостатки игроков.

С переменой тренера «Соникс» изменились. Теперь спортивным журналистам предстояло объяснить успехи, а не проигрыши. Изменились характеристики игроков. Они превозносили тех же игроков, которых описывали негативно за месяц до этого. Слабости игроков стали их преимуществами. Плохое ведение мяча разыгрывающим защитником превратилось в свидетельство его гениальности на поле, слабое умение форварда подбирать мяч стало малой ценой за его прекрасный дальний бросок, малоподвижность центрального превратила его в гарант стабильности под корзиной. К тому времени как команда дошла до финала, комментаторы видели гения на каждой позиции.

Объяснения неуспеваемости меньшинств и женщин подпадают под те же ограничения, что и объяснения ранних «Соникс» 1978 года. Почти неизменно они захватывают угол обзора наблюдателей, и те стараются объяснить провалы, а не успехи. При этих ограничениях недостатки

учащихся имеют смысл как причины проблем, так же, как и недостатки игрока имели смысл в качестве причин бед «Соникс» начала 1978 года. Тогда, точно призрак, парящий над нашим исследованием, существовала многолетняя традиция объяснять психологию неуспеваемости среди неблагоприятных меньшинств и женщин.

В своей книге «Презрение и жалость»^[8] интеллектуальный историк Дэрил Скотт описывает эту традицию общественных наук с акцентом на опыт афроамериканцев. Как и спортивные журналисты, общественные научные наблюдатели пытаются объяснить плохие результаты (экономические, социальные, образовательные, медицинские), полученные чернокожими людьми на протяжении всего двадцатого века. Как и спортивные журналисты, Скотт утверждает, что афроамериканцы, как правило, сосредоточены на недостатках, один из которых доминирует над всеми остальными – то, что он называет «психическим повреждением».

Знакомая идея. Гордон Олпорт, великий социальный психолог середины двадцатого века, выражается лаконичнее: «Репутацию, будь она ложной или правдивой, невозможно вдабливать, вдабливать, вдабливать в голову, ничего не делая со своим характером». Психика отдельных чернокожих получает повреждение, продолжает идею негативного мнения о группе, проецируемого в обществе – образа черных как агрессивных, менее умных и так далее. Неоднократное воздействие этих образов приводит к тому, что они усваиваются, имплицитно принимаются как истинные и, возможно, трагические для группы. Усвоение наносит ущерб характеру, вызывая низкую самооценку, низкие ожидания, низкую мотивацию, неуверенность в себе и тому подобное. А ущерб в свою очередь способствует множеству плохих вещей, таких, как: высокая безработица, неудачный брак, низкий уровень образования и преступность.

Идея, как отмечает Скотт, больше, чем просто научная идея. Это общепринятая мудрость, фактический стереотип о том, что заставляет членов отрицательно оцениваемых групп потерпеть неудачу. Так, если что-то заставляет черных студентов колледжа и женщин успевать менее хорошо, чем вы ожидали по их способностям, должно быть, дело в психических недостатках, недостатках доверия, ожиданиях и самобичевании. Такое объяснение логически следует с позиции наблюдателя, и оно было поддержано весом традиции. Оно давило на мои мысли, пока я думал о том, что делать дальше.

В конце концов спортивные журналисты Сиэтла переломили установку в 1978 году. Они увидели «Соникс» такими, какими они были. Это произошло не из-за их проницательности. «Соникс» начали выигрывать с теми же игроками. Все стало ясно. Недостатки не были единственной причиной, по которой команда проигрывала. Конечно, спортивные журналисты не совсем ошиблись. Игроки имели недостатки, которые, безусловно, способствовали их проигрышам. Но победа показала, что недостатки не были единственной причиной. Что-то еще имело влияние – то, о чем, Уилкинс догадался.

Как и у спортивных комментаторов из Сиэттла, в тот момент, когда Соникс начали выигрывать, мой собственный взгляд наблюдателя на достижения меньшинств и женщин, студенток колледжа, постоянно колебался из-за фактов. Дело было не в том, что у этих студентов не было недостатков. Образование не равно в этом обществе ни по доступу, ни по качеству. Социоэкономическое отставание, сегрегация социальных практик и ограниченная культурная ориентированность ослабили образовательные возможности некоторых групп больше, чем других, исторически и на постоянной основе. Эти различия вполне могут привести к соответствующим недостаткам группы в умении – достаточным для того, чтобы повлиять на достижения группы в колледже, и достаточным для того, чтобы на них указали наблюдатели. Тем не менее факты на моем пути последовательно указывали на эти недостатки не как на единственную причину.

И, возможно, главным среди этих фактов был тип студентов, которые участвовали в нашем исследовании. Они не были низкоквалифицированными, плохо мотивированными студентами со слабым образованием. Согласно любому нормальному стандарту, у них отсутствовал значительный психологический дефицит, или дефицит навыков. Они были среди лучших студентов колледжа страны, принятыми в один из элитных университетов. Также я видел неуспеваемость как среди сильных, так и среди более слабых студентов в классах Мичигана, и она присутствовала в большинстве классов колледжей, как показало обширное исследование литературы. Накопилось достаточно фактов против идеи недостатков, которые появлялись как полноценный отчет того, что я видел, и того, что показывали наши эксперименты.

Но пока я не слишком углубился, мне предстояло ответить сначала

на гораздо более фундаментальный вопрос. Мне необходимо было знать, будет ли эффект стигмы, который Стив и я наблюдали в наших экспериментах с женщинами и математикой, распространяться на другие группы. Будет ли оказано давление на результат других групп, чьи интеллектуальные способности недооцениваются в обществе? Затронет ли оно успехи, скажем, афроамериканцев в сложных стандартизированных тестах – группы, с чьих академических сложностей началось исследование.

Примерно в это время в 1991 году я снова переехал из университета Мичигана в Энн-Арбор в Стенфордский университет, возвратился на облюбованное моей семьей западное побережье. Ко мне присоединился новый чудесный автор, свежееиспеченный доктор наук Принстонского университета Джошуа Аронсон (теперь знаменитый профессор Нью-Йоркского университета). Джошуа как доктор наук решил заниматься исследовательскими проблемами, связанными с теорией самоутверждения, которую я развивал несколькими годами ранее и которую преподавал студентам. Он только что закончил обширную диссертацию по этой теме. У него имелся интуитивный нюх к социальной психологии и к проведению экспериментов. Но, как и раньше Стив, Джош обнаружил, что работает с занятым профессором, погруженным в вопросы неуспеваемости, женщин в математике, возможных эффектов стигмы на интеллектуальную работу и ее продолжение. Загадки лежали на моем столе. И Джош, заинтригованный и полный идей, присоединился ко мне, пытаясь найти ответы. Я почувствовал, что мне повезло. Одна голова это хорошо, а две – лучше.

Мы рассмотрели факты перед нами: феномен неуспеваемости, мои интервью с женщинами и чернокожими студентами, результаты Мичиганских экспериментов, которые я провел со Стивом. Мы выстроили наши вопросы. Первым по важности был обобщенный вопрос: будет ли эффект давления стигмы, который Стив и я наблюдали с женщинами в математике, распространяться на другую группу, чьи интеллектуальные способности не уважают, такую, как афроамериканцы, группу, чьи академические проблемы запустили это исследование? Если бы это было так, у нас были бы веские основания полагать, что влияние стигматизации на интеллектуальное функционирование – это общее явление – может случиться с членами любой группы, одной или всех, чьи интеллектуальные способности рассматривались негативно в более широком обществе. Если бы это было не так, нам пришлось бы рассмотреть возможность того, что женщины имели некоторую особую уязвимость к этому давлению.

Второй вопрос сводился к следующему: если бы эффект давления стигмы случился с «черными» студентами, то он бы затронул и сильных «черных» студентов, как получилось с сильными в математике студентками в экспериментах со Стивом. Была причина задуматься. По сути рецензенты грантового предложения, которое я подал, чтобы

получить финансирование для этого исследования, вообще усомнились в такой возможности. Они сочли, что трудно поверить в то, что давление стигмы такого рода, которое мы описали, может серьезно нарушить интеллектуальную деятельность сильных, мотивированных «черных» студентов в самых престижных университетах страны. Эти студенты, рассуждали они, были бы слишком сильны или слишком мотивированы, чтобы быть сбитым с толку таким давлением. Мы смогли понять их позицию, но не спешили сдавать свою: в конце концов к такой возможности нас привели в большей степени факты, нежели интуиция. Таким образом, мы знали, что наша задача состояла из двух частей: во-первых, проверить, возникнет ли эффект, который мы со Стивом получили со студентками в математике, также и у чернокожих студентов и, во-вторых, проверить, если он возникнет, будет ли он у сильных «черных» студентов. Оказалось, что нам повезло с местом проведения исследования: Стенфордский университет был одним из самых избирательных университетов страны.

Скоро мы приступили к эксперименту. Мы пригласили чернокожих и белокожих студентов Стенфорда, в основном второкурсников, в лабораторию в одинаковое время и предложили им сложный тест на вербальное мышление, составленный из элементов речевого раздела продвинутого GRE. На той ступени тест был сложен для студентов – подобные работы во время предварительного экзамена набирали не более 30 процентов. Тест вызвал бы разочарование. Мы предположили, что, как и волнение, возникшее из-за сложных математических тестов у женщин, у черных студентов может появиться разочарование из-за того, что они могут подтвердить стереотип о более низких интеллектуальных способностях их группы. Мы провели тест так же, как и в реальных условиях, не было ничего необычного, и предположили, что у черных студентов возникнет достаточное разочарование, чтобы ощутить угрозу.

Белокожим студентам тоже не понравилось бы разочароваться. Но они бы не беспокоились, потому что они не подтверждали ничего о своей группе, так как в обществе не существует стереотипа о более низких способностях белых.

Случилось то, что мы ожидали: белые студенты справились намного лучше, чем черные. Они получили в среднем на четыре пункта больше в тридцати пунктах, в получасовом разделе GRE – это огромная разница, сохранение которой в полной версии экзамена было бы значительным.^[9] Как Стив и я когда-то заметили низкие математические результаты женщин в лаборатории, мы с Джошем заметили низкие результаты вербального мышления черных студентов в лаборатории.

Этот результат, конечно, имел и другие возможные объяснения. Мы уравнивали «черных» и белых участников относительно их релевантных для теста знаний и умений. Но, возможно, чернокожие участники просто не были настолько мотивированы, как белые, чтобы пробиться, несмотря на разочарование. Возможно, они не восприняли тест серьезно. Или, может быть, тестовые элементы носили характер культурных предрассудков против них. Мы не могли понять только по нашему открытию, какое объяснение было лучше.

Чтобы выяснить это, нам нужна была другая часть эксперимента, которая исключала давление стигмы, которое чернокожие могли чувствовать во время решения теста. Как и в экспериментах с женщинами и математикой, наша задача состояла не в том, чтобы выяснить, как применить давление – мы предполагали, оно появится автоматически в обычных условиях испытаний, как только тест вызовет разочарование – а в том, как устранить его для черных в сложном интеллектуальном тесте.

Мы пришли к решению, отличному от того, которое мы со Стивом использовали для женщин и математических экспериментов. Мы использовали тот же самый тест, на котором чернокожие отстали при обычном тестировании. Но мы сказали другой группе участников, что тест был заданием для изучения решения проблем в целом, и подчеркнули, что он не измеряет интеллектуальные способности человека. При помощи такой инструкции мы сделали стереотип об интеллекте чернокожих безотносительным к интерпретации их опыта по отношению к этому конкретному заданию, так как оно не могло измерить их интеллектуальные способности. При помощи инструкции мы освободили чернокожих участников от угрозы стигмы, которую они могли бы иначе испытывать во время сложного теста на вербальное мышление.

И они ответили соответствующим образом. Они показали результат на том же более высоком уровне, что и тестируемые белокожие с равными навыками и знаниями, и значительно выше, чем чернокожие тестируемые, для которых тест был представлен как проверка вербальных способностей. Без риска подтвердить негативный стереотип об интеллекте их группы неуспеваемость, которую они могли бы показать по результатам теста, полностью исчезла.

Благодаря этой находке мы почувствовали, что с разумной степенью уверенности в себе можем говорить о том, что знаем три вещи. Во-первых, мы знали, что эффект давления стигмы на интеллектуальную эффективность был общим. Он не случился только с женщинами. То же

самое произошло по крайней мере с двумя группами – женщинами и чернокожими участниками. В критических ситуациях тестирования в том обществе и в то время давление выступило групповой личной идентификацией, так же, как ограничения в бассейне были расовой личной идентификацией в Чикаго моей молодости. Такая идентификация связана с серьезными потерями – снижением результатов теста, от которого могут зависеть чьи-то возможности.

Во-вторых, мы знали, что, несмотря на озабоченность наших рецензентов по гранту и наши собственные опасения, личная идентификация была достаточно мощной, чтобы повлиять на результат теста сильнейших студентов в этих группах с наименьшим количеством академических и мотивационных проблем. Как и спортивных журналистов в Сиэтле, когда «Соникс» начали выигрывать, факты оттеснили нас от взгляда на недостатки этих групп в объяснении их недостаточной эффективности. Все больше и больше казалось, что было задействовано давление стигмы.

И в-третьих, найдя надежное средство воспроизведения в лаборатории неуспеваемости «черных» студентов, которую мы видели в реальной жизни, мы знали, что теперь можем рассмотреть ее вблизи – разобрать на части и увидеть, как она работает. Исходя из наших рассуждений, напрашивался вопрос: действительно ли люди, испытывающие давление стигмы, беспокоятся о подтверждении негативного группового стереотипа.

Мы исследовали это простым способом. Мы снова попросили чернокожих и белокожих студентов Стэнфорда пройти сложный словесный тест. Перед началом мы предложили им несколько примерных заданий так, чтобы они могли увидеть, насколько сложным будет тест, а затем показали список из восьмидесяти фрагментов слов. Каждый фрагмент представлял собой слово без двух букв. Их работа состояла в том, чтобы дополнить каждый фрагмент настолько быстро, насколько они могли, как в игре свободной ассоциации. Мы узнали из предварительного опроса, что двенадцать фрагментов можно дополнить словами, отражающими стереотип об интеллектуальных способностях чернокожих, например, фрагмент слова «-пой» может быть завершен как «тупой» или фрагмент «-ка» может быть завершен как «гонка». Если просто сесть, чтобы пройти сложный тест на способности, было достаточно заставить черных студентов вспомнить о стереотипах о своей расе, и эти студенты могут дополнить больше фрагментов словами, связанными со стереотипами. Они так и сделали. Когда чернокожим студентам сказали, что тест измеряет способности, они завершили

большую часть фрагментов словами, связанными со стереотипами, нежели когда им сказали, что тест не является мерой измерения способностей. Находясь под давлением стигмы, они явно вспоминали стереотипы о способности их группы мыслить. Не находясь под таким давлением во время теста, белые не дополнили почти никакие фрагменты словами, связанными со стереотипами.

Джош придумал другой способ выяснить, какого рода беспокойство вызывал стереотип. Снова мы попросили черных и белых участников перед тестом составить рейтинг – на этот раз по своим предпочтениям различных видов музыки и спорта. Некоторые из них были связаны с образом чернокожих, например, баскетбол, джаз и хип-хоп, а другие – нет, например, плавание, теннис и классическая музыка. Интересно, что когда черные студенты собирались проходить тест на способности, они, как правило, отвергали вещи для чернокожих, проявляя меньший интерес к баскетболу, джазу и хип-хопу, чем белые студенты. Но когда тест был представлен как тест, не связанный с проверкой способностей, черные студенты выказывали сильное предпочтение вещам для черных людей. Они, казалось, избегали таких вещей, если предпочтение могло бы способствовать поощрению стереотипных представлений о них. Всеобщее внимание к стереотипу о группе – это то, чего они избегали.

Наконец, появились данные о том, что угроза подтверждения стереотипа вынуждала искать оправдания, искать нечто, что можно винить в неуспехе кроме себя. Мы спросили участников, как много они спали в ночь перед экспериментом. Чернокожие студенты, собиравшиеся пройти тест на способности, сообщили о том, что спали меньше, чем чернокожие студенты, собиравшиеся делать просто задание, и меньше, чем белые студенты с подобными ожиданиями. Перед риском стереотипного суждения студенты объяснимо искали способ смягчить удар, если он на них падет.

В дополнение к любым навыкам и мотивации, которые они имели, в дополнение к любым ожиданиям от выполнения теста, в дополнение к любым способностям и тенденциям, которые у них были, чернокожие студенты защищались от суждения о своей группе и о себе как о члене группы. Они решали тест, и другим он нравился, что было обусловлено историческим контекстом.

Ранние эксперименты дали понять, что нет никакой необходимости иметь академические недостатки, чтобы пострадать от давления стигматизации – настолько ясно на самом деле, что они выявили ироничную, противоположную вероятность: то, что делает вас восприимчивыми к давлению стигмы, – это в меньшей степени ваши академические недостатки, чем ваши академические сильные стороны! Если бы это было так, было бы чрезвычайно важно об этом знать. Это помогло бы нам лучше понять природу давления, и определить, кто подвержен ему сильнее. Наши эксперименты до этого момента не могли ответить на эти вопросы, ведь в них участвовали только сильные студенты. Мы не знали, что случилось бы, если бы мы добавили более слабых учеников. Будет ли на них также влиять давление стигмы? Значит ли это, что давление влияет на всех в группе со стигматизацией способностей? Или они не испытывали бы давления – значит, вместо этого что-то в сильных студентах одной из этих групп делает их особенно подверженными такому давлению? Чтобы ответить на эти вопросы все, что нам было нужно, – это выборка более слабых студентов из групп, которые мы изучали. Тогда мы могли бы повторить эксперимент и посмотреть, повлияло ли давление стигмы на их эффективность как на более сильных студентов из группы. У нас была только одна проблема: где найти выборку более слабых студентов в очень избирательном университете.

Иногда возможность сразу идет в руки – недостаточно часто, но иногда. Вскоре после публикации наших первых опытов новый студент магистратуры Джозеф Браун и студент-бакалавр Микель Джоллет, с которым он познакомился во время работы в качестве ассистента преподавателя, спросили, могут ли они со мной встретиться. Они представляли собой интересную пару – Джозеф, стройный ученый афроамериканский магистрант в тонко оправленных очках, прочитавший фактически все книги, которые вы бы хотели иметь, и Микель, очень энергичный студент колледжа, одетый в стиле хип-хоп, который кипел уверенностью и духом предпринимательства. На самом деле Микель должен был стать в своем не столь отдаленном будущем солистом весьма успешной рок-группы The Airborne Toxic Event. Они были заинтересованы в эксперименте, который мы с Джошем провели, показывая эффект расового стереотипа на выполнение теста «черными» студентами Стэнфорда. У них возник вопрос. Случилось бы то же самое, если бы мы провели эксперимент в центре Лос-Анджелеса в школе,

которую Микель закончил тремя годами ранее? Что важно, у них была возможность это выяснить: Микель все еще поддерживал связь с бывшими учителями в средней школе. Он считал, что они разрешат ему провести эксперимент там. Возможность представилась.

Вооружившись в кратчайшие сроки пакетами экспериментальных материалов, Микель полетел в Лос-Анджелес, чтобы повторить в своей старой средней школе тот же эксперимент, что мы с Джошем провели в Стэнфорде. Он вошел бы в его дипломную работу. Он дал трудный тридцатиминутный тест (раздел устного экзамена АОТ) для групп белых и черных учеников в свободных классах. Для тех групп, в которых он хотел, чтобы черные ученики испытали давление расового стереотипа, он поступил так, как когда-то мы с Джошем: он просто сказал, что тест был проверкой словесных способностей. Помните? Это маленькое предложение напоминает чернокожим, что перед ними тест, в котором их работоспособность может подтвердить существующий стереотип об интеллектуальных способностях в их группе. Для групп, в которых он хотел, чтобы черные ученики не испытывали никакого давления со стороны расового стереотипа, он снова поступал так, как мы: он описал испытание как способ исследования решения проблем в целом, а не тестом, диагностирующим индивидуальные различия в способностях. Это делало стереотип о способностях чернокожих стереотипом, не имеющим отношения к их выполнению заданий, поскольку якобы задача теста не касалась стереотипа (интеллектуальных способностей).

Потом он сделал то, чего мы с Джошем не делали. Он измерил, насколько его участникам эксперимента уделяли внимание школе, насколько они отождествляли себя с хорошими учениками. То, что он обнаружил, было интересно и выявило иронию, о которой мы подозревали все это время. В случае с половиной участников, которые очень сильно заботились о школе, Микель получил именно то, что нашли мы с Джошем. Черные ученики показали результат значительно хуже, чем одинаково квалифицированные белокожие ученики, когда тест был представлен в качестве теста способностей и они рисковали подтвердить негативный стереотип о способностях группы. Но чернокожие выступили так же хорошо, как и одинаково квалифицированные белые, когда тест был представлен как задание, не диагностирующее интеллектуальные способности, при этом они не рисковали подтвердить стереотип о способностях. Черные школьники в академическом авангарде средней школы Микеля в центре города реагировали так же, как черные студенты Стэнфорда. Их подкосила возможность подтверждения негативного стереотипа о способностях их группы.

Но этого не произошло с чернокожими в академическом тылу средней школы Микеля. Черные участники, которым было все равно как учиться, невозмутимо отнеслись к стереотипу. Они показали одинаковый результат независимо от того, был ли тест представлен как проверка способностей или как лабораторное задание без диагностики. И в обеих группах они выступали на том же уровне, что и белые студенты, которые, как и они, не заботились о достижениях в школе и не владели сильными навыками.

Прежде, чем сделать вывод, что безразличие к школе является хорошим средством от давления негативных стереотипов о способностях, мы должны обратить внимание на большую заминку – ни один из учеников в арьергарде не выполнил тест хорошо. Арьергард чернокожих студентов поработал ничуть не хуже под давлением стереотипа, чем при отсутствии давления стереотипа. Но, как их белые единомышленники, они плохо справились в обеих ситуациях. Им просто не хватало навыков и мотивации, чтобы выполнить тест хорошо. Они вели себя достаточно согласованно. Они вежливо прошли тест. Но, когда стало трудно, они сдались без большого волнения: смотрели на часы на стене и ждали окончания.

Когда большинство людей думают о слабых школьных достижениях учеников из меньшинств, они думают об арьергардных учениках Микеля, которые имеют более слабые навыки и мотивацию и склонны отдаляться от школы. Наблюдателю, пытающемуся объяснить их плохой результат теста, как в случае со спортивными журналистами в Сиэтле в начале 1978 года, предоставлено изобилие недостатков: слабое предшествующее образование, проблемные общины, психическое повреждение от неуверенности в себе и низких ожиданий в результате отчуждения от школы, плохие академические навыки, еще большее отчуждения от школы, возможное отсутствие поддержки со стороны семьи, чуждая культура сверстников и так далее. Любые или все из этих вещей могут стоять за тем, что ученики сдались и плохо справились в эксперименте Микеля. Для этих учеников общепринятая мудрость казалась верной.

Тем не менее, расхожее мнение не было верным для передовых учеников, которые каким-то образом пережили эти проблемы и идентифицировали себя со школой, даже если они учились в городской средней школе. Единственное, что подавляло их результат в эксперименте Микеля, было давление отрицательного стереотипа и риск его подтвердить. Такое же давление снижало результат тестов черных студентов в Стэнфорде, и такое же давление подавляло

производительность теста по математике у студенток в Мичигане. Когда давление было снято путем представления теста как лабораторного задания, они работали на высоте своего уровня навыков.

Вот ирония, о которой мы подозревали. То, что сделало лучших чернокожих учеников Микеля восприимчивыми к давлению стереотипа, были не слабая академическая уверенность и навыки, а сильная академическая уверенность и навыки. Их сильные стороны заставили их идентифицировать себя со школой, любить школу и волноваться о том, как хорошо они учились. Но в школе при работе над сложным материалом, который они считали способом диагностики, они столкнулись с дополнительным давлением стереотипа. В данном случае давлению подвергли их высокие ожидания.

Эксперимент Микеля показал кое-что еще. Он показал, почему избыточное давление трудно увидеть в повседневном школьном образовании: сильные чернокожие ученики под давлением стереотипа работают на таком же низком уровне, как и чернокожие неуспевающие ученики, которым не хватает навыков, чтобы работать лучше независимо от того, какое на них оказывается давление. Успеваемость в тесте этих двух групп неразличима. Легко упустить – при толковании результатов с точки зрения классного руководителя или еще с большего расстояния, со стороны приемной комиссии – что слабая эффективность этих двух групп имела разные причины. Часть этих учеников были, как «Соникс» в 1978 в начале сезона. Они могли не быть идеальными, но у них были навыки и мотивация к победе – в этом случае они могли показать результат передовых учеников, которыми они были. Все, что им было нужно, – это освободиться от давления стереотипа.

К тому времени мой исследовательский путь длился около четырех лет, хотя в каком-то смысле он только начинался. И на протяжении всего этого времени мы не получили никаких доказательств того, что неуспеваемость, которую мы наблюдали, происходила из характеристик человека, который не успевал. Вместо этого казалось, что она происходит из давления групповых стереотипов, с которыми им приходилось сталкиваться на тестах или в классах. Мы пришли к пониманию этого давления как затруднительного положения идентичности. Американская женщина в продвинутом математическом классе колледжа знает на каком-то уровне, что ее можно рассматривать как ограниченную потому, что она женщина; черный студент знает то же самое почти в любом сложном академическом окружении; белокожий элитный спринтер тоже это знает, когда он бежит последние 10 метров гонки на 100 метров. Эти люди знают свою групповую идентичность. Они знают, как их общество смотрит на нее. Они знают, что делают то, для чего это мнение актуально. Они знают на каком-то уровне, что они находятся в затруднительном положении: их результат может подтвердить плохое мнение о своей группе и о себе как членах этой группы.

На протяжении многих лет мы использовали несколько рабочих названий для этой ситуации: «стигматизация», «давление стигмы», «стигматическая уязвимость», «уязвимость к стереотипу». В итоге мы остановились на «угрозе подтверждения стереотипа». Этот термин точно выразил идею ситуационного затруднительного положения как личную идентификацию от их групповой идентичности – настоящую угрозу осуждения или негативного отношения в окружении человека, которая выходит за любые внутренние рамки.

Мы пришли к пониманию угрозы подтверждения стереотипов, попробовав понять недостаточную успеваемость женщин и меньшинств в школе. В процессе мы открыли затруднительное положение, которое повлияло на каждого в той или иной форме, в той или иной степени, в том или ином месте, и влияло не изредка, а часто. Единственное, что мне понравилось в этом факте, было то, что он дал всем возможность увидеть опыт других групп. Угроза подтверждения стереотипа, которую чернокожие ощущали при прохождении стандартизированного теста, напоминает стереотип угрозы, которую женщины чувствовали, проходя сложный тест по математике. Аналогия – часто лучший путь к эмпатической проницательности. Угроза собственного стереотипа может стать аналогией в понимании угрозы стереотипа другого человека.

Реальность угрозы подтверждения стереотипа также указывала на то, что такие места как классы, университетские кампусы, классы стандартизированного тестирования или соревновательные беговые дорожки, хотя на вид одинаковы для всех, на самом деле ощущаются по-разному для разных людей.

В зависимости от групповой идентичности различные люди просто боролись с различными вещами в этих местах – разными угрозами подтверждения стереотипа и неясностями о том, как интерпретировать их опыт, разными целями и заботами.

Для женщин в специализированных химических колледжах, для чернокожих студентов в школе в целом, для пожилых людей, возвращающихся в школу, для спринтеров белой расы в элитном спринте – для всех них существуют стереотипы, витающие в воздухе, что отличают ситуации для них от аналогичных ситуаций для членов других групп. Их настойчивость в таких случаях может возникнуть из других расчетов. Например, когда молодой талантливый белокожий спринтер решает, продолжать ли ему заниматься бегом, он решает упорствовать в ситуации, которая принципиально отличается от ситуации, в которой решение принимает молодой талантливый чернокожий спринтер. На ежедневной основе, пока он остается в спринте, ему придется бороться с угрозой подтверждения негативных стереотипов. И угроза придет в худшее время: в самых напряженных ситуациях, когда он находится в наибольшей опасности подтверждения стереотипа о способностях своей группы.

За подробностями нашего исследования фоном шла еще одна история. Чтобы разобраться с пробелами в достижениях, с которых началось наше исследование, и в то же время, чтобы лучше понять, как мы все действуем, нам необходимо было лучше понять нашу социальную идентичность и то, как она работает в нашей жизни. Особенно в Америке, наверное, мы подчеркиваем свою индивидуальность. Мы сопротивляемся тому, чтобы видеть себя ограниченными социальными идентичностями – нашим возрастом, черным цветом кожи, белым цветом кожи у мужчин, религией, политической либеральностью и так далее. Такое сопротивление, наверное, хорошее. Оно толкает нас за пределы ограничений идентичности. Наше исследование показало глубокую важность социальной идентичности: личные идентификации, которые следуют за ней в определенных местах в определенное время, при этом часто достаточно тонкие для того, чтобы мы их осознавали, тем не менее могут значительно повлиять на такие важные вещи, как наше интеллектуальное функционирование. Они также предполагают в свою очередь, что такой эффект может играть существенную роль при неудовлетворительной успеваемости в школе и в стандартизированных тестах крупных групп в нашем обществе.

Эти открытия вызвали весомые дальнейшие исследования в моей лаборатории и во многих других. Основные вопросы были поставлены: какое поведение и какие способности угроза затрагивает? Что делает с человеком угроза подтверждения стереотипа, когда вызывает это вмешательство? Что делает эту угрозу сильной или слабой? И что могут сделать отдельные лица и учреждения, чтобы уменьшить нежелательные эффекты?

Но за всей этой работой лежит расширенная концепция того, как наша социальная идентичность определяет, кто мы, что мы делаем и насколько хорошо мы делаем это. Сквозная линия этой книги следует за этой исследовательской программой, шествуя к излечению побочных эффектов этой угрозы. И некоторые замечательные средства действительно появляются. В этот момент тем не менее было бы полезно кратко отойти от сквозной линии, чтобы ближе взглянуть на расширенную концепцию социальной идентичности и ее роли в нашей жизни. [\[10\]](#)

Глава 4

Расширенный взгляд на идентичность: жизни Анатоля Бройяра, Амина Маалуфа и остальных

Когда наши результаты пришли, я помню, как изо всех сил пытался постигнуть их значение. Как вы видели, они настойчиво наводили на мысль, что наша социальная идентичность влияет на нас в значительной степени через условия, которым мы подвергаемся, потому что у нас есть идентичность – условия, которые могли колебаться от ограничений плавательного бассейна до угрозы подтверждения стереотипа. Наши изыскания предлагали такую интерпретацию, но я все равно считал их немного инородными. Возможно, потому что я психолог. Психологи ориентируются на внутренние и психологические факторы. Если женщины неэффективны на трудном тесте по математике, мы склоняемся к поиску черты, свойственной женщине, которая могла ее вызвать, снова из позиции наблюдателя, на этот раз вытекающая из моей дисциплины. Мне были нужны более полнокровные образы того, как личная идентификация работала в реальной жизни. Если бы я мог их увидеть, тогда, возможно, меня бы больше убедил ключ, в котором мы строили наши объяснения. Я размышлял об этом, когда однажды мне в руки попала статья Генри Луи Гейтса-младшего в «Нью-Йоркере» под названием «Белый как я» – афроамериканского автора Анатол Бройяра». Пока я читал, я понял, что увидел то, в чем нуждался – жизненную версию процессов, открытых нашими экспериментами, жизнь человека в открытом противостоянии одной из самых мощных исторических личных идентификаций. Для примера я немного расскажу его историю.

Анатолий Бройяр работал рецензентом ежедневного книжного обозрения для «Нью-Йорк Таймс» в течение восемнадцати лет, а также постоянным автором «Нью-Йорк Таймс Бук Ревью». Он к тому же писал рассказы и очерки, которые изредка появлялись в течение его карьеры – последней стала прекрасная серия эссе о болезни, которая появилась перед его смертью в 1990 году от рака предстательной железы. Я читал его работы в течение многих лет, но меня особенно впечатлили эти эссе. Они были забавными, эрудированными, глубокими. Если бы их очарование имело формулу, она бы заключалась в способности Бройяра смешивать сложные литературные аллюзии и стрит-хип образы современной жизни с конкретными описаниями борьбы с болезнью. Были даже элементы стендап комикса – комикса с эрудицией английского профессора, рассказывающего о жизни, упадке и смерти. Он напомнил мне Сола Беллоу, но более фрейдистского. У меня было смутное впечатление, что он одновременно еврей и, наверное, европеец. Кто знает, откуда я это взял – может быть, из его имени, чувства юмора. Но, заметьте, я никогда не думал об этом много, пока я не взял в руки журнал «Нью Йоркер» в 1996 году. В нем Гейтс рассказал, что Бройяр был «черным», что оба его родителя были «черными», и что все его предки были «черными» еще в восемнадцатом веке.

Я был не единственным, кто подобным образом заблуждался. Бройяр жил в обмане. Хотя он и был «черным» в принятом значении этого слова, он прожил взрослую жизнь как белый. Значит, он прошел, как говорят в черном сообществе, никогда не открывая собственную идентичность даже своим детям вплоть до самой смерти.

Бройяр и его ближайшие родственники – мать, отец и двое сестер – были частью Великого переселения негров с юга к городскому северу в начале и середине двадцатого века. Для Бройяров это значило движение от Нового Орлеана к району Бедфорд-Стайвесант в Бруклине. Миграция по определению вовлекает людей, покидающих сообщества, в которых они и их семьи известны, в новые сообщества, в которых они и их семьи неизвестны. Это движение, в котором, если убрать внешний вид, можно оставить свою расовую идентичность навсегда. В 1920-х, пиковые годы Большой Миграции, по оценкам, от десяти до тридцати тысяч чернокожих отказывались от своей идентичности каждый год точно таким образом, вливаясь в море белых, когда они мигрировали на север. Отец Анатолия, Поль Бройяр, поступал таким образом, но только во

время рабочего дня. Он был высококвалифицированным плотником. Он проходил как белый в течение дня, чтобы присоединиться к союзу плотников и получить работу. В конце дня он возвращался домой к семье, которая, во всех отношениях, была абсолютно черной. Демонстрируя как серьезность, так и абсурдность такого поведения относительно цвета кожи в ту эпоху, форма перехода в дневное время имела широкое распространение среди светлокожих «черных». Молодой Анатолий имел образцы для подражания, даже близкую модель для подражания, в том, как обращаться со своеобразным институтом американской цветовой политики.

Есть такая шутка, которую люди рассказывают о Майкле Джексоне: «Только в Америке бедный маленький черный мальчик мог вырасти и стать богатой белой женщиной». Бройяр так и не разбогател (и его никогда не принимали за женщину), но он прошел другую часть пути. Он рос как чернокожий, будучи мальчиком и студентом Средней школы для мальчиков в Бруклине и в Бруклинском колледже. В то время он всей душой полюбил европейскую и американскую литературу и классическую, и популярную. Он захотел стать писателем, великим американским писателем, и ему было чем поделиться: знанием городской жизни о Бруклинском детстве вперемешку с не по годам развитой литературной эрудицией.

Ближе к концу Второй мировой войны, живя жизнью черного, Бройяр познакомился с черной женщиной. У них родился ребенок. Анатолий пошел в армию. Видимо, в тот период в ответ неизвестно на что Бройяр решил пересмотреть собственную расовую идентичность. Обстоятельства этого покрыты мраком. Но затем, вернувшись из армии, Бройяр бросил своих жену и ребенка и уехал в деревню Гринвич в Нью-Йорке. Там маленький черный мальчик из Бруклина начал жизнь в новом обличье. Анатолий Бройяр стал белым.

В деревне он стал местным рассказчиком, публиковал очерки, купил книжный магазин, стал учителем письма в Новой школе социальных исследований и Нью-Йоркском университете, опубликовал еще один сборник очерков, женился на белой женщине, получил огромный контракт на книгу, написал автобиографический роман, который так и не закончил, получил работу в «Нью-Йорк Таймс» в качестве ежедневного книжного обозревателя и, в конечном итоге, переехал в пригород Коннектикута, где выбранная им идентичность могла быть еще более безопасной, чем данная ему от рождения социальная идентичность.

Бройяр мог бы бороться против ограничительных условий своей жизни чернокожего человека. Но поскольку у него была возможность и,

я уверен, целый ряд других причин, он решил не делать этого. И когда он сменил расовую принадлежность, он изменил идентификацию, связанную с ней – ограничения, с которыми он должен был столкнуться, новые возможности, которые он получил, и пути, по которым он мог следовать. Его встретили с разными ожиданиями. Он мог жить в разных местах, например, в Вест-Виллидж, не испытывая при этом сегрегации в отличие от жизни в Бедфорд-Стьювесанте или Гарлеме. Он мог иметь доступ к различным ресурсам, таким, как банковский кредит на покупку или аренду магазина или сети профессиональных контактов, которая могла принести предложение о работе от «Нью-Йорк Таймс» – все, что было бы для него недоступно, если бы он остался черным. Он мог знать разных людей. Он мог жениться на разных людях. Его дети могли посещать различные школы. Он смог стать кем-то иным, а не писателем. Как белый человек, он шел по тем же улицам в Вест-Виллидж, где он ходил, будучи черным человеком. Его общество имело те же законы и учреждения. Сам он имел такие же таланты, слабости, психологические черты, культурные убеждения, те же предпочтения, отношения, ценности и так далее. Все было то же самое. Отличалась его социальная идентичность. Он был теперь белый человек, а не черный. Его социальное положение было иным. Из этого положения его жизнь могла пойти совершенно другими путями.

Обычно мы думаем, что раса коренится в сущности, возможно биологической, возможно, культурной и является неотъемлемой и определяющей. Но история Бройяра, как тысячи других историй, нарушает эту тенденцию. Ничего из его сущности, биологической или культурной, не изменилось, когда он перешел в мир белокожих людей. Он был тем же человеком. Отличались лишь условия, в которых он находился.

С нашей точки зрения, он обменял один набор личной идентификации на другой, тот, который подразумевался для черных в то время в том месте на тот, что подразумевался для белых в то время в том месте. И после этого обмена его жизнь изменилась.

Как я уже сказал, я психолог. Мое дело заглядывать внутрь людей, чтобы понять причины их поведения и достижений. Но оба наших исследования, показывающие, как работает угроза подтверждения стереотипа, которая идет рука об руку с определенными социальными идентичностями в школе и во время тестов и которая может существенно повлиять на интеллектуальные показатели, и история Бройяра, показывающая в реальной жизни, как измененная социальная идентичность может привести к совершенно другим условиям жизни, –

все это укрепили мое убеждение в идее личной идентификации, что она реальна и что она может быть недооценена как причина наших действий и результатов.

Я позаимствовал термин «идентификация» из бихевиорального подхода, преобладавшего в научной психологии на протяжении большей части двадцатого века. Он относится к тем условиям в окружении, которые вознаграждают некоторые виды поведения и наказывают другие, тем самым определяя, как мы реагируем на окружение и что узнаем. Такие случаи в бихевиоризме называются условными реакциями. В значении, которое я использую для этого термина, идентификация – это условия, с которыми вы должны иметь дело в окружении, чтобы функционировать в нем. И личная идентификация – это идентификация, которая особенна для вас потому, что у вас есть данная социальная идентичность – такие вещи, как доступность банковского кредита для Бройера только тогда, когда он стал белым, или заниженные ожидания от умственной активности, с которыми могут столкнуться пожилые люди, или социальное отчуждение, которое может испытать южанин, когда его акцент услышат на коктейльной вечеринке в Новой Англии. Все это личная идентификация.

Она возникает из того, каким образом окружение организовано вокруг идентичности, и от того, насколько идентичности в окружении стереотипны. Подумайте о типичной американской школьной столовой, где рассадка, как известно, сегрегирована по расе. Представьте себе, какая личная идентификация создается для белокожего и чернокожего студента, когда они входят – идентификация, о которой они знают слишком хорошо, просто понимая школьную культуру и общество в целом. Белый ученик знает, например, что если он сидит с «черными» учениками, то о нем можно судить сомнительно, как будто он пытается показаться крутым изо всех сил, или он неискренний, или нетактичен к расе и так далее. Он мог волноваться, что его встретят холодно, что он скажет что-нибудь, что будет неправильно воспринято, что он не поймет культурный контекст. Черный ученик в кафетерии тоже осознает личную идентификацию. Он знает, что, если он сидит с белыми учениками, другие черные ученики могут счесть его предателем, или, возможно, расценить это как желание быть человеком светлой расы. Он может беспокоиться, что белые ученики не поймут, какое давление он испытывает в школе, что он не сможет перед ними открыться, не заставив их почувствовать себя виноватыми. Он может волноваться, что попадет под риск вызвать неодобрение. В этом кафетерии представлены тяжелые личные идентификации, которые привносят расовую историю нации в повседневную жизнь учеников. Чтобы объяснить расовую

сегрегацию в столовой, нет необходимости постулировать даже йоту групповых предрассудков со стороны любого ученика в комнате. Сегрегация может возникнуть исключительно для того, чтобы избежать плохих личных идентификаций для двух групповых идентичностей в данном помещении.

В этом очевидна наша тема. Как и в политике, все идентичности локальны. Они произрастают из местных особенностей, местных личных идентификаций.

Тем не менее пока этот (основанный на личной идентификации) взгляд на социальную идентичность развивался, я почувствовал, что нечто скрытое в нашем мышлении необходимо прояснить. Я заметил, что большинство личных идентификаций, которые, как я подумал, способны повлиять на нас – наши мысли, чувства и действия – были личными идентификациями, которые либо угрожали человеку, как в случае угрозы подтверждения стереотипа, либо ограничивали доступ человека к возможности, как ограничения в бассейне. Личные идентификации, которые имели наибольшее значение в нашем функционировании, казалось, угрожали нам или каким-то образом ограничивали нас.

Мысль брезжила где-то на подкорке мозга, когда я вернулся в свой кабинет в Стенфорде после лекции в Институте Редклифа в Кембридже, штат Массачусетс, и прочитал почту. Институт Редклифа раньше был колледжем Редклифа – известным женским колледжем, отделением Гарвардского университета, и располагался неподалеку от Гарвардской площади. Теперь это выдающийся институт перспективных исследований, где всемирно известные ученые и исследователи работают над проектами в течение года. В моей аудитории были преимущественно студенты из колледжей Гарварда и районов Бостона. Я говорил о социальных идентичностях и личной идентификации, которые были связаны с ними. Я перечислил семь из них на слайде презентации, такие идентичности, как: возраст, пол, сексуальная ориентация, раса, профессия, национальность и политические взгляды. Я считал, что мой перечень получился всесторонним. Но, вернувшись в Калифорнию и открыв почту, я прочел следующее сообщение:

«Сегодня я имела удовольствие услышать вашу лекцию в Редклифе на тему «Стереотипы и идентичность». Она мне понравилась. Я выпускница Стэнфорда (1998), страдающая биполярным расстройством. Я имею непосредственное отношение к теме личной идентификации и тому подобного. Даже когда я здорова, я беспокоюсь, что меня будут считать сумасшедшей. Я трачу большую часть времени, стараясь сойти за нормального члена общества. Однако, когда я посещаю группу поддержки больных маниакально-депрессивным психозом, я чувствую себя более свободной и становлюсь более открытой. Тем не менее я не могу рассказать об этом в формате: «вопрос-ответ», не дай бог, когда-нибудь у меня будут проводить

собеседование люди, слышавшие мое интервью, и я подвергнусь дискриминации. Меня грызет мысль о том, стоит ли мне поделиться информацией о моем расстройстве с людьми, с которыми я живу (я сейчас живу в доме для людей с психическими расстройствами, так что теперь мне легче) или же с людьми, которых я знаю в других сферах, в том числе моей семьей. Состояние психического здоровья не было упомянуто в вашем списке расы, религии и т. д. Оно часто не учитывается. Однако я восприняла то, что вы не назвали мой случай, в качестве ключевого сигнала, как вы говорите, значит, мое расстройство превосходит то, из чего можно сделать список. Пожалуйста, не стесняйтесь поделиться моей историей с другими без использования моего имени».

Я был рад, что студентка в конце дала мне разрешение. Передо мной был мимолетный взгляд на опыт угрозы подтверждения социальной идентичности.

Это не целенаправленная угроза. Она не сосредоточена на конкретном плохом опыте, что может случиться. Этот студентка не знала, что может случиться, даже не знала, случится ли что-нибудь, и, конечно, не знала, если что-то случится, где и когда оно будет происходить. Она знала только, что что-то может случиться на фоне ее биполярной идентичности. Негативные личные идентификации легко представить – немедленное смущение и унижение, если идентичность раскрыта перед аудиторией, ее друзьями, даже ее семьей, возможность социального отторжения, неловкость в общении, потерянные карьерные возможности, осуждение, увольнение.

Угроза идентичности везде – она словно змея, свободно ползающая по дому. Студентка с биполярным расстройством должна сохранять бдительность по отношению к обществу, прочесывая его в поисках доказательства того, как относятся к людям с биполярным расстройством. Где будет находиться змея? Насколько опасен ее укус? Потеряет ли она работу или образовательные возможности, будут ли ее сторониться и тому подобное?

Рассеянная в обществе угроза тревожит. Она беспокоит того, чьей идентичности она угрожает. Именно на этот момент нужно пролить свет: угроза идентичности и подмножество идентификаций, которые на самом деле угрожают человеку каким-то образом, – это первичный способ, путем которого идентичность овладевает нами; она формирует то, как мы функционируем, и даже диктует нам, что у нас есть определенная идентичность. В аудитории в тот день совершенно нормальная выпускница колледжа, человек, который органично вписывался в

окружение, была озабочена своим биполярным расстройством личности. Угроза идентичности, на вид рассеянная и загадочная, тем не менее является достаточно мощной, чтобы выделить идентичность и сделать ее центром функционирования личности, достаточно мощной для того, чтобы сделать ее более важной на время действия угрозы, более важной, чем любые другие идентичности личности – более важной, чем пол, раса, религия, ее молодость, диплом выпускницы Стэнфорда.

Французский эссеист и писатель Амин Маалуф – человек многих социальных идентичностей. Родившись христианином в Ливане с родным арабским языком, он был отправлен во французскую школу иезуитов в детстве. В 1976, спасаясь от войны на родине, эмигрировал во Францию, где начал карьеру писателя на французском языке и где жил с тех пор. Итак, Маалуф – ливанец, француз, араб, католик, писатель, мужчина и эмигрант – и это все одновременно. Возможно, именно эта множественность личностей позволила ему написать глубоко пронизательную книгу под названием «Во имя идентичности: насилие и необходимость принадлежать». Центральный вопрос книги находит глубокий отклик в наше время. Почему так много людей совершают преступления во имя идентичности? Он дает ответ, что во имя идентичности, которую считают осажденной, можно делать то, что человек никогда не мог сделать как личность, то, что он не мог никогда сделать от своего имени. В защиту своей страны, своей религии, региона, этноса, образа группы в мире можно делать вещи, которые иначе были бы невообразимы. Книга «Во имя идентичности» предлагает мощный тезис, который освещает вспышки терроризма, войны и геноцида, которые так отравляют современность. И в процессе, Маалуф описывает силу угрозы идентичности, которая накладывает отпечаток на нашу психику:

Люди часто видят себя с точки зрения того, какая из их идентичностей больше всего подвергается нападкам. А иногда, когда у человека нет сил защищать свою принадлежность, он скрывает ее. Тогда она остается погребенной в темноте, поджидая отмщения. Но принимает он ее или скрывает, провозглашает ее незаметно или щеголяет ей, именно с той принадлежностью, которая его беспокоит, он себя идентифицирует. *И затем независимо от того, относится ли она к цвету, религии, языку или классу, она вторгается в полную идентичность человека.* Другие люди, которые разделяют ту же принадлежность, сочувствуют; они все собираются вместе, объединяют силы, поощряют друг друга, бросают вызов другой стороне.

Маалуф делает акцент, похожий на мой: из всех вещей, которые делают идентичность выраженной в чувствах и мышлении, угроза в основе ее, пожалуй, самая главная. Это угроза публичного разоблачения, потерянных отношений и рабочих мест, которые привели студентку в моей аудитории к защите биполярной идентичности. Эта угроза делает

идентичность, на которую она направлена, из всех социальных идентичностей главной, которая доминирует над эмоциями, мышлением, той, что «вторгается в личность человека целиком».

Для Маалуфа, как и для меня сейчас, угрозы личной идентификации обладают наибольшей силой. Пребывание под угрозой потому, что у нас есть врожденное качество – это то, что делает нас наиболее осведомленным о том, что мы – определенный *вид* человека.

Чтобы увидеть это в своей жизни, подумайте о важных обстоятельствах в школе, на работе, в семье. Неужели нет ничего в вашем окружении, с чем вам приходится иметь дело потому, что вы – женщина, или человек в возрасте, или чернокожий, или носитель испанского акцента? И что заставляет эти характеристики становиться важной социальной идентичностью для вас в этой обстановке? Это те характеристики, которые у вас есть. Вы можете лелеять их по разным причинам. Но в этой обстановке они не будут сильно влиять на то, как вы видите вещи и предметы, с которыми вы идентифицируете себя, как вы эмоционально реагируете на события в своем окружении, к которым вы легко относитесь и так далее. Они не станут центральными для того человека, кем вы являетесь.

Таким образом, я предлагаю простой вывод: ощущение наличия данной социальной идентичности возникает из-за необходимости иметь дело с личными идентификациями, обычно угрожающими или ограничительными – такими, как негативные стереотипы о вашей группе, групповые сегрегации того или иного рода, дискриминации и предрассудки и так далее. Все это происходит потому, что у вас имеются данные характеристики. И это возводит качество, которое мы имеем, в ранг социальной идентичности. Это те идентификации, чаще всего угрожающие, которые идут в комплекте с качеством.

Скажи кто-то мне, когда мне было семь или восемь, что я должен быть более заинтересован в моем афроамериканском наследии, я бы, возможно, послушал со скромным интересом какое-то время. Но не пустите меня в бассейн, и даже в семь или восемь лет, я буду поглощен мыслью об идентичности. Она никогда не была бременем для меня, как для Бройяра. Я из более позднего поколения. Я был открыт воздействию различных расовых идентификаций в большинстве важных жизненных ситуаций и мощным позитивным вещам об этой идентичности, знал о людях, которые жили в зависимости от нее. Идентичность влияет на многое во мне – на мои вкусы, предпочтения, перспективы, мое чувство собственного достоинства. Но было бы глупо не помнить, что все сознание и индивидуальность, которая связана с ней, начались с личной

идентификации, факта плавания по средам и нахождения дома до конца недели.

У идентичности есть позитивные и негативные идентификации – вещи, с которыми человек сталкивается в обществе потому, что у него есть определенная идентичность, которая не угрожает ему, а просто влияет на события нейтрально или даже положительно. Мужчины должны ходить в мужские туалеты, а женщины – в женские. Эта договоренность – настоящая половая идентификация. Но она так рутинна, что по природе своей нейтральна. Мы ее не замечаем. Столь же нейтральная идентификация, как эта, не заставляет нас видеть, чувствовать и испытывать мир с точки зрения нашей сексуальной идентичности, если только мы по ошибке не заходим в неправильный туалет, или если у нас нет андрогинных черт. В противном случае туалеты, разделенные по половой принадлежности, представляют собой негативную идентификацию, которая заставляет нас сильно почувствовать собственную сексуальную идентичность.

Положительная идентификация также мало влияет на наше осознание собственной идентичности. Когда в школе или университете набирают команду для игры в баскетбол, меня могут выбрать почти сразу потому, что я афроамериканец и потому, что в этом обществе афроамериканцы отлично играют в баскетбол. Тем не менее, быстрый выбор игрока ничего не подрывает во мне, я, возможно, этого не замечу. Я могу не заметить, что у меня было преимущество. Я мог бы предположить, что меня оценили так же, как и всех остальных. И, не замечая моего преимущества, я, возможно, не буду сильнее осознавать свою идентичность, на которой этот выбор был основан.

Вид идентификации, который с наибольшей вероятностью повесит на тебя значок идентичности, – это угроза того, что что-то *плохое* может случиться потому, что вы имеете идентичность. Вам может не хватать уверенности в том, что оно произойдет. Достаточно того, что плохое может произойти. Подобная возможность требует бдительности, и вопрос идентичности становится назойливым.

Студентка с биполярным расстройством в моей аудитории не могла не задать вопрос. Она хотела знать: как может человек, который зарабатывает на жизнь изучением проблем личности, не упомянуть о моей проблеме? Неужели в настоящее время биполярное расстройство настолько серьезно, что о нем не может быть упомянуто в исследовании? Она искала подсказки, выясняла значения ее идентичности и того, как она повлияет на ее жизнь. Несмотря на то, что ее личность осталась скрыта, к ее вопросам нельзя относиться легкомысленно.

Джеймс Комер является новатором одной из самых успешных в стране программ школьной реформы. Снова и снова тщательная реализация его стратегий превращает плохие общеобразовательные школы в выдающиеся школы, обладающие огромным ростом в результатах тестов учеников. Комер знает, что ученики из малообеспеченных меньшинств могут страдать, помимо прочего, от угрозы идентичности, которую я описываю. Чтобы облегчить ее, он иногда дает им простой совет. Если происходит нечто, что может отражать предубеждение или несправедливость против людей из их района, он говорит, что им не следует обращать на это внимание. Если это случится снова, он говорит им, что им не следует обращать на это внимания. Если это происходит в третий раз, он говорит им, что они должны поднять всех на ноги и сообщить о проблеме.

Совет Комера – это стратегия вероятностей. Есть шанс, что первый сигнал, который может быть признаком расовых или классовых предрассудков, не является таковым. Я помню, что мы с Джимом размышляли, строя предположение: были ли 30 процентов первых сигналов невинными? А остальные 70 процентов? Изменился ли этот процент в дальнейшем? Невозможно получить точную цифру. Что мне понравилось в совете Комера – это то, что он был показательным в плане психической нагрузки учеников. Он сказал о том, что этот факт представлял собой, по большей части, беспокойство, порожденное двусмысленностью, беспокойство, как их класс и раса повлияют на суждение о них, беспокойство о личной идентификации. Если у них получалось его подтвердить, то это повышает порог того, насколько стоит беспокоиться о двусмысленности. До тех пор, пока все не станет яснее, они могут отодвинуть опасения по поводу идентичности на второй план.

По большей части это является угрозой, которая позволяет данной идентичности вторгнуться в нашу целую идентичность. Мои примеры показывают это по отношению к серьезным угрозам: возможная потеря работы, социальное отторжение, публичный конфуз и тому подобное. Но насколько серьезные идентификации необходимы для того, чтобы сделать идентичность центральной для нашего функционирования? Одна из наиболее выдающихся исследовательских традиций в социальной психологии последовательно иллюстрирует эту противоположность: даже самых минимальных угроз идентичности достаточно, чтобы заставить нас думать и вести себя как член группы.

Летом 1969 года вскоре после получения должности профессора в университете Бристоля в Англии, всемирно известный социальный психолог Анри Тэджфел с помощью М. Биллига, М.Г. Банди и К. Флэмента разместил восемь групп мальчиков общим количеством шестьдесят-четыре человека в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет в своей новой лаборатории в Бристоле. Они сказали мальчикам, что эксперимент направлен на визуальную оценку их знаний, и попросили их оценить количество точек в скоплении из сорока точек, которые мелькали на экране перед ними. На основании их оценок, каждому мальчику было сказано, что он либо «переоценщик», либо «недооценщик». Фактически ярлыки навешивались случайным образом.

Далее мальчиков отвели в отдельные кабинки и попросили двум другим мальчикам назначить баллы стоимостью в небольшую сумму денег. Для выполнения этих заданий им была дана таблица распределения выбора. Каждый выбор был настроен так, чтобы он давал одному мальчику больше очков, чем другому мальчику. Будут ли ребята благосклонны к мальчикам в своей группе, хотя их группы «переоценщиков» и «недооценщиков» были по существу бессмысленными?

Тревожный ответ – да. Когда мальчики выбирали распределение между двумя другими в их собственной группе, они распределяли очки настолько равно, насколько позволяла таблица выбора. Но когда ребята распределяли деньги между мальчиком в их собственной группе «оценщиков» и мальчиком в другой группе «оценщиков», они неизменно отдавали предпочтение мальчику из своей группы. Они дискриминировали в пользу даже этой минимальной идентичности.

Второе исследование разделило еще одну группу мальчиков аналогичного возраста на группы на основе их выбора картины: либо Клее, либо Кандинского, двух европейских художников начала двадцатого века, довольно схожих по стилю и технике живописи. И вновь мальчики совершили свои распределения. Но на этот раз ребят заставили выбирать общую стратегию распределения очков: распределить очки поровну между мальчиками двух групп, максимально увеличивать финальную прибыль мальчиков из обеих групп или максимально увеличивать прибыль мальчиков из своей группы относительно мальчиков из другой группы, даже если таким образом мальчик из их группы получит меньшую прибыль по сравнению с

беспристрастной стратегией выбора.

И снова мальчики совершали дискриминирующий выбор. При выборе между максимальным доходом для обоих мальчиков и максимальным доходом одного мальчика относительно мальчика из другой группы они добивались максимального преимущества мальчика из собственной группы, даже когда такая стратегия давала этому мальчику меньше денег, чем он получил бы при более справедливом распределении. Мальчики из Оксфорда были соревнующейся с ними партией. Они пожертвовали доходом ради преимущества группы, хотя та группа, которой они стремились принести преимущество, составлена действительно на случайной основе.

И если вы думаете, что только молодежь Оксфорда будет вести себя таким образом, важно подчеркнуть, что за тридцать пять лет с тех пор, как эти выводы были впервые опубликованы, они были воспроизведены более тысячи раз, в сотне различных примеров людей в десятках стран. Не существует вида личности или нации, где люди проявили бы невосприимчивость к минимальному влиянию группы, как оно сейчас называется.

Почему мы так легко совершаем дискриминирующий других выбор? Тэджфел и его ученик Джон Тернер дали простой ответ: из-за нашей самооценки. Мы хорошего мнения о нашей группе, и хорошо думаем о себе, даже если группа минимальная, проходная вроде группы «недооценщика точек».

Когда группа более важна, например, как наша средняя школа, процесс еще проще. Мы составляем хорошее мнение о своей школе, чтобы быть высокого мнения о себе. Это работает со всеми видами групп и объединений – наш район, наш город, возрастная когорта, уровень доходов и так далее. И полюбив нашу группу как часть любви к себе, мы как раз могли бы благоволить к членам нашей группы больше, чем к членам других групп – из-за потребности в самоуважении, развитии группового фаворитизма. Так случилось бы без нашего осознания. Но, кажется, это происходит само собой.

Эксперименты Тэджфела и его коллег зафиксировали несколько глубоких моментов, которые не были очевидны при взгляде невооруженным глазом: наша потребность в самоуважении была достаточно мощной, чтобы заставить нас заботиться даже о тривиальных групповых идентичностях; мы можем дискриминировать других людей, о которых мы ничего не знали кроме того, что они не были членами группы, частью которой мы были, даже когда группа была банальной; и все это верно практически для всех на земле (хотя есть

доказательства, что это менее верно для людей из коллективных обществ).

Как легко воспламенить человеческую предвзятость! Ничего особенного не требуется ни от исполнителя, ни от жертвы. Обычного человеческого функционирования – поддержания самооценки – достаточно. Произошло откровение о человеческой психике.

И показывая минимальные условия, необходимые для группового предубеждения, Тэджфел также показал минимальные условия, необходимые для чувства групповой идентичности. Нужно чувствовать данную идентичность, позволить ей завладеть нами и влиять на то, как мы функционируем. Идентификации, связанные с этими условиями, не обязательно грандиозны или логичны. Минимальные угрозы будут делать свою работу. Достаточно быть классифицированным как «переоценщик» – это минимальная угроза, но безусловно, достаточная для того, чтобы активировать идентичность, чтобы сделать ее по крайней мере на время «пронизывающей всю идентичность». Когда дело доходит до угрозы идентичности, мы, люди, наиболее чувствительны.

Не так давно я слышал интервью, проведенное Айра Глассом во время эпизода шоу «Эта американская жизнь» на Национальном общественном радио, в котором подчеркивалась значимость центрального скрытого смысла нашего мышления. Под скрытым смыслом подразумевается следующее: если наши социальные идентичности – наша расовая, сексуальная или политическая идентичность, например, глубоко коренятся в местной идентификации так же или больше, чем во внутренних чертах, то они, возможно, будут плохо работать. То есть наше ощущение принадлежности к определенному типу личности и наше функционирование как определенного человека может меняться от одного контекста к другому больше, чем мы думаем.

Развитие наших рассуждений подразумевало такой вариант. Наши эксперименты показали, что так может произойти. Женщины и чернокожие люди работали хуже, когда на них влияла личная идентификация, выраженная угрозой подтверждения стереотипа, а не тогда, когда эта идентификация была устранена. Влияние их идентичности резко менялось от одной ситуации к другой. Тем не менее я волновался. Просто трудно представить, что изменение обстановки может изменить степень, в которой данная социальная идентичность «пронизывает всю идентичность». Можем ли мы найти явления, которые иллюстрируют значительную податливость социальной идентичности в реальной жизни? Вывод стимулирует наше мышление. Иногда в решении проблем отдашь не «полцарства за коня», а полцарства – за хороший пример. И вот здесь произошло интервью Айра Гласса.

Программа строилась вокруг вопроса: «Почему так много американцев любят Париж?» Одна из сфер интересов Гласса – афроамериканская экспатриация и давняя традиция экспатриации в Париж афроамериканских писателей и художников, таких как Джеймс Болдуин, Джозефина Бейкер, Ричард Райт, и бесчисленного количества джазовых музыкантов. Это легендарный микрорайон начала двадцатого века. Экскурсии туда предлагают и по сей день. Гласс спросил у молодой афроамериканки, которая жила в Париже в течение нескольких лет, была ли экспатриация все тем же, что о ней думают.

Она начала свой ответ с описания своей жизни в Соединенных Штатах. Она родилась в Бруклине и выросла там, в жилом муниципальном доме.^[11] Она была хорошей ученицей, что не всегда

помогало ей в общении со сверстниками. Она поступила в хороший колледж и надеялась, что там будет учиться лучше. Но там у нее тоже были проблемы с окружением. Чернокожие женщины среднего класса, с которыми она пыталась подружиться, видели ее как «девушку из муниципального дома». Ей они казались «мажорками». Между ними чувствовалось напряжение. С белокожими девушками также не получилось общаться; им, по ее словам, нечего было делать вместе. И вот более широкий контекст расовых отношений в Соединенных Штатах. Наше общество, отражающее свою историю и продолжающийся образ жизни, по-прежнему в достаточной мере организовано расово, что создает личную идентификацию для всех нас – особенно, предположим, для чернокожей женщины из муниципального дома в Бруклине.

Затем был перелет в Париж. Она поехала ради забавы, но увидев, что там красиво и удобно, она переехала, нашла работу, серьезно занялась изучением языка и посвятила ему свое неопределенное прежде будущее.

Айра Гласс спросил девушку о расовом опыте в Париже. Ее настроение улучшилось, она засветилась счастьем. Она сказала, что остается чернокожей женщиной в Париже, но при знакомстве с людьми этот факт не ставится во главу угла. Ее черная кожа, сказала она, особенно для образованной женщины, не значит то же самое для людей в Париже – в отличие от Соединенных Штатов. Она описала любовь парижан к афроамериканцам, их роман с джазом и афроамериканскими писателями. Она говорит, что ее приняли в Париже в качестве полноправного человека.

Молодая афроамериканка быстро отметила, что французы не менее предвзяты, чем кто-либо еще. Она описала их отсутствие любви к североафриканским иммигрантам, людям из бывших колоний, многие из которых внешне похожи на нее. Она отметила, что ее французский язык с американским акцентом помогает ей избежать путаницы и сравнения с северными африканцами. Она сказала, что отношения между французами и североафриканцами похожи на отношения между белыми и чернокожими американцами, но французское общество еще мало открыто для принятия своих меньшинств гораздо меньше, чем американское общество. Она сказала, что независимо от того, насколько хорошо она говорит по-французски, она никогда не будет воспринята как настоящая француженка.

Тем не менее, иногда катаясь в метро, она понимает, что благодарна французам за то, что они разрешают ей жить в их стране. Она чувствует

себя в Париже как дома и, по всей вероятности, не вернется в Штаты.

Все местные идентичности укоренены в местных идентификациях. Когда эта женщина уехала в Париж, она изменила идентификацию. И с этим изменением психологическое, повседневное значение ее идентичности изменилось. Быть черной американкой в Париже было гораздо менее значимо в ее повседневной жизни. Иногда она даже могла вызвать привязанность. Кроме того, афроамериканка отбросила идентичность «девушки из муниципального дома» и конфликт с «мажорными» девушками. Абсолютно ничего, с чем ей приходилось иметь дело в парижской жизни, не связано с ее идентичностями. Нет идентификации, нет идентичности – таков аргумент. Как Гласс выразился центральный, определяющий идентичность конфликт ее жизни в Америке просто исчез в Париже.

Она добилась там многого из того, чего добился Бройяр, когда перешел из одной расы в другую расу. При переходе вы меняете свою расу, но сохраняете свою страну. При экспатриации вы сохраняете свою расу, но меняете свою страну. Эти стратегии, две разные стороны одной медали, есть стремление к менее ограничивающим личным идентификациям.

Это не значит, что у афроамериканки в Париже не осталось ее афроамериканской идентичности: предпочтение к гамбургерам и барбекю, бейсболу, американской улыбчивости и приветливости, любовь к некоторым стилям музыки и так далее. Она могла бы получать огромное удовольствие в компании других американских экспатриантов. Но внутренняя предрасположенность, оставшаяся от афроамериканской идентичности, будет менее уместной в ее новой жизни и постепенно исчезнет.

Слушая эту девушку настороже, пока она говорила, я подумал, какая черта отделяет ее от принятия во «француженки». Означает ли это, что она не может баллотироваться, быть частью профессионального класса, стать доктором или профессором? Мне также пришло в голову, что экспатриация – это не тактика, от которой легко отступить. Вернувшись из Парижа, наша афроамериканка должна была бы узнать современные американские идентификации относительно ее старых идентичностей, ее гендерной идентичности, ее расовой идентичности. Идентификации меняются. Чем дольше она отдаляется, тем больше ей придется узнать снова, чтобы вернуться. Экспатриация несет риск застрять в новой личности. Переход также несет этот риск. Может быть, поэтому Бройяру было так трудно раскрыть свою расовую принадлежность детям. Такой поступок вынудил бы его на репатриацию, на создание новой черной

личности, противостоящей новым идентификациям. Его жена Сэнди сказала Гейтсу, что она периодически умоляла Бройяра рассказать обо всем детям. Он категорически отказывался. Тяготы возвращения домой, необходимость учиться справляться с новыми идентификациями своей старой черной идентичности были угрожающими, особенно для такого заметного человека.

Эти мысли приходили мне в голову, когда я слушал интервью Гласс с афроамериканкой-экспатриантом в Париже. Но если эти мысли не пришли ей в голову, это не значит, что они ее еще не беспокоили.

Эксперименты, которые проводили мы с коллегами, показали, что нечто, исходящее из внутреннего потенциала, связанного с социальной идентичностью – например, уровень успеваемости в математике, который может исходить из математических способностей женщин, можно резко изменить путем изменения личной идентификации, путем изменения в этом исследовании, степени, в которой сдающие тест рискуют подтвердить плохие стереотипы о своей группе. И феномены изменения идентичности («переход» и экспатриация) предполагают, что то, что мы видели в лаборатории, было верхушкой айсберга, фрагментом более фундаментального факта о социальной идентичности. Они предполагают, что степень, в которой данная социальная идентичность присутствовала в жизни личности, состоит в идентификации, земных реалиях, с которыми человек имеет дело в связи со своей идентичностью. Уберите идентификации, позволив человеку перейти в другую расу или изменить свою идентификацию, позволив человеку экспатрироваться от своей группы, и вся идентичность может стать бесполезной. Один переезд в Париж, и конфликт определяющей жизнь идентичности становится исчерпан.

Что это говорит о социальной идентичности? Что это говорит о том, что необходимо исправить, чтобы добиться прогресса в проблемах, с которых началось наше исследование? Как представляется, можно сделать два неизбежных вывода. Во-первых, наша социальная идентичность – это адаптация к особым обстоятельствам нашей жизни, то, что я называю личной идентификацией. Если бы мы не нуждались в этих изменениях, то все перспективы, эмоциональные тенденции, ценности, амбиции и привычки, составляющие диспозиционную сторону нашей социальной идентичности, постепенно исчезли бы из нашей психики навсегда. Второй вывод предвещает более прагматичное направление, которое предпримет это исследование. Если вы хотите изменить поведение и результаты, связанные с социальной идентичностью – скажем, хотите изменить слишком малое число

женщин в информатике – не фокусируйтесь на изменении внутренних проявлений идентичности, таких, как ценности и отношения. Вместо этого сосредоточьтесь на изменении идентификаций, к которым адаптируются все внутренние проявления. Берт Уильямс, великий комик афроамериканского происхождения начала двадцатого века, однажды сказал: «Я никогда не был в состоянии обнаружить, что есть что-то позорное в том, чтобы быть негром, но я должен признать, что мне было неудобно им быть». С точки зрения Уильямса, нам не нужно беспокоиться о том, чтобы изменить нечто позорное в том, чтобы быть негром; вместо неудобства быть негром измените личную идентификацию.

Хотя наше постепенно расширяющееся понимание социальной идентичности казалось многообещающим, игра науки развивалась, как говорится, на основе эмпирических исследований. И это расширенное понимание имело четкий и проверяемый смысл: если эффекты, которые мы наблюдали сначала с женщинами, а затем с чернокожими людьми не были полностью обусловлены особенностями этих групп, а стереотипами и угрозой идентичности, как мы утверждали, тогда аналогичные эффекты должны наблюдаться во многих группах по отношению ко многим различным стереотипам, а также по отношению ко многим различным представлениям и поведению. Доказательство этого факта добавило бы эмпирический вес нашему формирующемуся пониманию. Вернемся теперь назад к сквозной линии этой книги, и постепенно расширяющейся программе исследований по угрозе идентичности и лекарству от нее.

Глава 5

Многочисленные примеры угрозы подтверждения стереотипа

Когда Тед Макдугал, белокожий студент престижного университета, пришел на первую встречу своей группы по афроамериканской политологии, он понял, что считает. В группе было сорок пять студентов: еще один, кроме него, белый, несколько азиатов, а все остальные оказались чернокожими. Тед мало знал об афроамериканской истории. Он записался в группу, чтобы расширить свой кругозор. Но, заняв свое место, он почувствовал, что над его головой, как в комиксе, повисло странное белое облако: что этот белый студент делает в группе по афроамериканской политологии?

Занятие началось с истории. Оно концентрировалось на роли насилия в поддержании политического господства белых на юге США после Гражданской войны. В презентацию добавили фотографии порки людей. Профессор подталкивал студентов к тому, чтобы они почувствовали себя на месте людей, переживших трагедию. Обсуждение оживилось. Тед заметил, что чернокожие студенты начали говорить: «мы». Он знал, что не входит в это понятие. Затем в обсуждении появился термин «белые люди»: «белые люди стараются избегать этой страницы истории, белые люди не ходят брать ответственность за свои преступления». Он почувствовал себя неуютно. Он сказал мне об этом несколько недель спустя, в ходе интервью в рамках исследования в кафе книжного магазина на территории университета: он часто беспокоился о том, чтобы проявить себя в учебе в этом университете. Но он знал, что на этой паре по афроамериканской политологии он должен проявить себя иным образом: как хороший человек, как союзник дела, как не расистски настроенный человек белой расы.

В классе он чувствовал эту многозадачность. Он принимал участие в лекциях и обсуждениях, но он также беспокоился, что, возможно, его заявления, даже его мысли, подтвердили бы подозрение по его поводу. Он сдерживал свои комментарии на уровне «верхушки айсберга», пытаясь быть безобидным – например, говоря вслух в классе, что ему очень понравился лидер гражданских прав Байард Растин, оставив при себе собственную неосведомленность о том, какую именно роль Рустин сыграл в движении за гражданские права. Он был слишком сдержан, чтобы искать ответы на свои вопросы. Он заметил то же самое в другом белокожем студенте в классе. В основном никто из них не говорил. К концу первого дня, когда профессор обошел комнату и попросил студентов назвать имена и факультет, он едва их выговорил. Он выжал из

себя скорее «Хед», чем «Тед». Он весь вжался в стул.

К моменту нашего интервью проходившего в середине квартала, дела не стали намного лучше. Я спросил, мешает ли его напряжение обучению. Он сказал, что, по его мнению, очень мешает. Он описал, как читал главу классического «Черного Метрополиса» Сент-Клер Дрейка и Горация Кейтона в своей комнате. В главе проанализировано, как растущее население чернокожих повлияло на политику города Чикаго в середине двадцатого века. Тед сказал, что он не был уверен, что правильно понял материал. Возможно, на него влияли предрассудки. Возможно, его мышление было неосознанно заражено стереотипами или просто наивностью. Даже когда он был один в своей комнате в общежитии, его мысли были подавлены, беспокойны.

Тем не менее он считал курс положительным для чернокожих студентов. «Он дает им шанс показать, насколько они умны», – сказал Тед. В большинстве классов в его школе, черные были в меньшинстве, часто очень крошечном. На тех занятиях они могли чувствовать то, что он чувствовал во время курса. Частично поэтому он остался. Поменять положение – честная игра, но, вероятнее всего, он что-то увидел. Он смог увидеть, как обстановка повлияла на его сообразительность. Давление, которое он чувствовал, приводило его мысли к безопасной, безобидной, поверхностной верхушке айсберга. У него не было ни минуты естественного участия в материале курса. Еще он рассмотрел, что черные студенты, чей опыт и количество позволили им доминировать на паре по политологии, были раскованы, энергично вовлечены и склонны говорить впечатляющие вещи.

Наше интервью продолжалось некоторое время. Тед не ожидал, что этот курс так сильно на него влияет. Я объяснил ему свои идеи, над которыми студенты и я работали: как значение социальной идентичности, такой, как белый и черный цвет кожи, укоренилось в ситуационной идентификации. Я сказал, что, вероятно, поэтому он чувствовал свою белизну так сильно в своей группе: она сделала его меньшинством. Также в тему занятия были вынесены негативные стереотипы о белых как о расистах или расово невнимательных. Это поставило Теда под давление, объяснил ему я.

Я объяснил это давление на него как личную идентификацию в классе, его крест. Он внимательно слушал. Воодушевленный, я стал еще более поучительным, говоря ему, что он, вероятно, учится на занятиях чему-то ценному. Он изучал опыт других групп, и он давал ему широту, за которой он охотился, делал его более космополитичным. Он внимательно слушал и сказал, что это было бы здорово. Но когда

интервью закончилось, Тед сказал, что больше всего его впечатлило в классе, как ему пришлось себя чувствовать, насколько это повлияло на «умность» его и его чернокожих одноклассников.

Опыт Теда в этом классе – его слабое участие, его рефлексия, его нерешительность в мышлении о материальном, его более низкая, чем обычно, производительность – похоже, все это отражает угрозу, подобную той, что испытывают женщины, решая трудный тест по математике, или чернокожие, проходящие сложный академический тест любого рода. Эти угрозы различаются по форме. Групповая идентичность отличается. Тед – белый мужчина, а не женщина или чернокожий, решающий тест. Аспект его поведения, затронутый угрозой, был другим: Тед был обеспокоен своим недостаточным участием и рефлексией в классе больше, чем своей успеваемостью как таковой. И стереотип, вызванный его поведением, беспокоил его по-другому: он волновался, что рассматривается как расово нечувствительный человек, а не как глупый. Он также знал, что он был в безопасности от этого давления на других занятиях, где он не был в меньшинстве – в отличие от негров на тех занятиях, для которых этот курс был одним из немногих мест, где они пользовались таким преимуществом. Тем не менее он испытал угрозу подтверждения стереотипа в группе, которая сильно на него повлияла.

История Теда многое объясняет: угроза идентичности того типа, который показательно влияет на интеллектуальную производительность женщин и чернокожих людей, вероятно, является общим явлением, которое в той или иной форме, в той или иной ситуации может затронуть любого. На земле не существует группы, которая не имеет негативных стереотипов вовсе – старики, молодежь, северяне, южане, протестанты, компьютерные вундеркинды, калифорнийцы и так далее. И когда люди с этими идентичностями что-то делают или находятся в ситуации, в которой негативный стереотип о группе актуален, они могут ощутить угрозу подтверждения стереотипа; они могут почувствовать давление перед перспективой подтверждения стереотипа из страха, что о них будут судить или относиться к ним согласно ему. Угрозы идентичности как эти, личная идентификация, являются частью жизни всех.

Тем не менее в начале нашего исследования у нас не было доказательств того, что это правда, что угрозы идентичности являются частью жизни каждого человека. Мы показали это влияние на сильных в математике студенток и сильных афроамериканских студентов. Образовалась некая общность: так получилось в двух группах, а не только в одной. Но скептик может возразить, что эти две группы

(женщины и чернокожие), возможно, усвоили негативный стереотип о способностях своей группы, и, возможно, данная интернационализация способствовала их восприимчивости к угрозе подтверждения стереотипов – восприимчивость, необходимую для возникновения эффекта, которую мы получили в нашем эксперименте. Вспомните цитату Гордона Олпорта из главы 3: «Не может человек ложную или истинную репутацию вдалбливать, вдалбливать, вдалбливать себе в голову, ничего не делая со своим характером». Проявились бы подобные эффекты на ком-либо, если бы не взросление с подобным «вдалбливанием» и неуверенность в себе, которая, по мнению, Элпорта следует за ним?

Как часто говорят в науке, это эмпирический вопрос, вопрос, на который можно ответить исследованиями, и, следовательно, на него должны ответить исследования, а не домыслы. Ответ на этот вопрос, как мы пришли к выводу, будет состоять из двух шагов. Во-первых, нужно определить, действительно ли эффекты угрозы подтверждения стереотипа требуют некоторой предварительной восприимчивости к стереотипу. Во-вторых, возможно ли обнаружить эффект угроз подтверждения стереотипа в других группах – в реакции на различные стереотипы и вызывающе иное поведение.

Мы начали с первого вопроса, общаясь в нашей лабораторной группе и с коллегами. В то время мой коллега Ли Росс сидел в кабинете напротив моего. За эту способность Ли – видеть проблему со многих сторон – его часто называют социальным психологом. Его бывший студент однажды представил его как Чарли Паркера^[12] от социальной психологии. Он чувствует самые щекотливые темы также точно, как подбирает ноты джазовый саксофонист. Было бы намного хуже не пойти в его кабинет, чтобы обсудить с ним идею. Мы поговорили.

Появился подход к нашей проблеме. От нас требовалось, казалось бы, невозможное: навязать угрозу подтверждения стереотипа группе, в область деятельности которой не входили негативные стереотипы, и, таким образом, у них не могло быть внутренней восприимчивости к стереотипам. Если в таком случае они покажут низкий результат, мы будем знать, что никакой предварительной восприимчивости к стереотипу не требуется, чтобы испытать угрозу. Мы будем знать, что угрозы подтверждения стереотипа в сиюминутной ситуации достаточно. Если они не покажут низкий результат, мы будем знать, что предварительная восприимчивость была необходима для них, чтобы испытать угрозу. Но как это сделать? Как мы можем заставить группу испытать угрозу подтверждения стереотипов в области, где не

существует таких стереотипов?

Джошуа Аронсон, Майкл Люстина, Келли Кио, Джозеф Браун, Кэтрин Гуд и я в конце концов, пришли к стратегии. Мы подвергнем успешных, крайне уверенных в себе белокожих студентов-математиков мужского пола угрозе подтверждения стереотипа по отношению к другой группе – американцам азиатского происхождения, вокруг которых существует позитивный стереотип в математике. Как только они начнут сложный тест по математике, мы скажем им, что они участвуют в исследовании, посвященном успехам азиатов в математике, и что тест, который они писали, это «тот, с которым азиаты, как правило, лучше справляются, чем белые». Мы поставим их в ситуацию, сопоставимую с той, в которой женщины и чернокожие люди сталкивались с угрозой подтверждения стереотипа в группах в наших предыдущих экспериментах. Они рискуют подтвердить математическую неполноценность их собственной группы – на этот раз не напрямую, а в отношении к стереотипному превосходству другой группы. Их нормальное разочарование в тесте, таким образом, может означать, что, как белые, они имеют ограниченные математические способности по отношению к азиатам. Для белых студентов, которые интересуются математикой, такое восприятие и возможность быть судимыми и рассматриваемыми с такой точки зрения, может быть достаточно печальной, чтобы отвлечь их и подорвать их результат тестирования.

Однако белокожие мужчины не жили со стереотипом о математической неполноценности своей группы, вдолбленным им в голову, и поэтому не должны иметь внутренних сомнений, которые мог бы такой опыт породить – и он, кстати, может быть необходимым компонентом эффектов угроз подтверждения стереотипа, которые мы наблюдали у женщин и чернокожих. Так, если они покажут плохой результат после того, как подвергнутся стереотипу об азиатах, мы будем знать, что так случилось из-за ситуативного влияния угрозы подтверждения стереотипа, а не из-за отсутствия уверенности в себе, приобретенной в течение долгого процесса социализации.

Таковы были наши доводы. Тем не менее мы знали, что можно оспорить, что белокожие студенты-математики при отсутствии вдолбленной в голову математической неполноценности, все еще могут знать математический стереотип об азиатах и, возможно, ощутят некую математическую неполноценность по отношению к азиатам. Некоторые соображения подсказывали нам не слишком беспокоиться об этом. Знать, что другая группа имеет позитивный стереотип в деятельности, не означает, уступать им, потому что вы не член этой группы. Кроме того,

если вы не близки к значительному числу сильных в математике азиатских студентов, возможно, вы не знаете об этом стереотипе или не верите в него.

Еще в качестве дополнительной меры предосторожности мы использовали только очень сильных белокожих студентов в этом исследовании – студентов Стэнфорда, средний балл которых по математике в АОТ составил 712 (по 800-балльной шкале теста) и чья средняя самостоятельная оценка их математических навыков была высокой. Казалось маловероятным, что члены этой группы имеют сомнения в своих математических способностях, основанные на стереотипах. Так, если они покажут отставание после воздействия положительного стереотипа об азиатах, можно сказать со значительной уверенностью, что воздействие было связано с ситуационным давлением косвенной формы угрозы подтверждения стереотипа.

И именно это произошло. Результаты оказались впечатляющими. Белые мужчины, решавшие сложный тест из восемнадцати заданий, представленный как тот тест, в котором «азиаты, как правило, лучше, чем белые», сделали в среднем целых три задания хуже, чем белокожие мужчины-участники, которым ничего не сказали о тесте.

Угроза подтверждения стереотипа, созданная этим комментарием, пошатнула математические показатели исключительно сильных белых студентов-математиков. Не было необходимости в особенной восприимчивости к сомнениям в себе.

Примерно в это же время другая исследовательская группа на другом конце страны в Гарвардском университете представила дополнительные доказательства ситуационного характера угрозы подтверждения стереотипа, и это были потрясающие доказательства. Маргарет Ши, Тодд Л. Питтински и Налини Эмбади задали интересный вопрос о том, как будет работать угроза подтверждения стереотипа для группы людей, которые имели две социальные идентичности, относящиеся к данной сфере деятельности, особенно, если одна идентичность обладала положительным стереотипом в данной области, а другая идентичность имела негативный стереотип. Они думали о женщинах-азиатках в математике. Члены этой группы имеют две математические идентичности: гендерную идентичность, обладающую негативным стереотипом в математике, и их этническую идентичность, которая имеет положительный стереотип.

Если угроза подтверждения стереотипа в значительной степени проявляется под ситуационным давлением, то можно менять результат азиаток в математике – в зависимости от напоминания о

соответствующих идентичностях в процессе – их этнической принадлежности или пола.

Ши и ее коллеги попросили азиатских студенток из Бостонских колледжей принять участие в исследовании, состоящем из двух частей. Сначала они заполнили краткую анкету и затем выполнили трудный двадцатиминутный тест по математике, состоящий из двенадцати задач канадского математического конкурса, престижного школьного соревнования в Канаде. Вопросы в анкете использовались для напоминания женщинам об одной из их идентичностей перед тестом. Результаты были ясны как день. Женщины, чья анкета напомнила им о гендерной идентичности (с вопросами, жили ли они в совместном общежитии и почему они предпочли бы совместное проживание), выполнили правильно 43 процента заданий – в то же время женщины, чья анкета с вопросами о телефонной службе не напомнила им о национальной идентичности выполнили 49 процентов заданий. Это сравнение существенно воспроизводило пагубное влияние угрозы подтверждения стереотипа на работу женщин, которым напомнили о поле. Важно, что, когда справочная анкета напомнила им об их этнической идентичности (вопросами о том, какие языки они использовали дома и сколько поколений в их семье жили в Америке), отставание было полностью устранено. Они выполнили 54 процента заданий без ошибок. Просто варьируя предположение о том, о какой из их идентичностей женщинам напомнили раньше, удалось получить результат по математике в тесте из двенадцати пунктов, отличающийся в среднем на два плюса – та величина эффекта, которая в более длинном обычном тесте резко снизила бы общую производительность

Данные выводы не означают, что математические навыки или даже слабые математические стороны, как внутренние черты этих женщин, не имели влияния на их производительность. Внутренние характеристики могли повлиять на общий уровень выступления участниц. Прежде всего они показали, то, что математическая производительность женщин зависела от того, какая из их идентичностей была более заметной в тестовой ситуации – идентичность, которая подвергает их угрозе стереотипа или нет. Получаем важную идею, что какие бы навыки и слабости не имела группа (возможно, ситуативные различия в угрозе подтверждения стереотипа), – социальная личная идентификация полностью достаточна для существенного влияния на интеллектуальную производительность.

И полученные выводы предлагают возможное средство от эффекта угрозы подтверждения стереотипа: напомните тестируемым об

идентичностях, которые противоречат соответствующему стереотипу. Несколькими годами ранее тогдашний аспирант Кирстен Стаутмайер и я случайно обнаружили доказательства этому. Как раз перед тем, как студентки решили трудный тест по математике, мы напомнили им, что они были студентками Стэнфорда. Это напоминание значительно уменьшило влияние угроз подтверждения стереотипа на их работоспособность. Позже мы обнаружили, что Р.Б. Макинтр, Р.М. Паулсон и Ч. Лорд обнаружили то же самое. Они резко снизили ухудшение математических показателей женщин из-за угрозы подтверждения стереотипа, напоминая им прямо перед тестом о благополучных женских ролевых моделях.

Наука, как и жизнь, редко бывает определенной. Но в свете новых результатов мы имели уверенность в прямолинейном заключении: угроза подтверждения стереотипа не ограничивается определенными группами, и, если люди должны иметь восприимчивость, чтобы испытать ее, эта восприимчивость не обязана быть больше, чем простое знакомство с соответствующим стереотипом и стремлением преуспеть в данной области. Как я описывал ранее, мы также знали, что угроза подтверждения стереотипа более всего коснулась сильнейших студентов в стереотипной группе, для нас – еще один повод усомниться в том, что неуверенность в себе была необходимым компонентом восприимчивости к угрозе подтверждения стереотипов. Картина прояснялась. Угроза подтверждения стереотипа представлялась ситуационным давлением, которое не требовало внутренней восприимчивости, чтобы вмешаться в интеллектуальные показатели.

Для того чтобы понять, что это так, нам нужны были доказательства широты влияния эффектов угроз подтверждения стереотипов. При отсутствии внутренней восприимчивости в корне этих эффектов должно быть возможно наблюдать их в различных группах и по отношению к широкому разнообразию стереотипов. Такова была задача, к которой наша лаборатория и другие социальные психологи обратились далее.

Жан-Клод Круазе – французский социальный психолог с докторской степенью, полученной в Соединенных Штатах. Он человек среднего роста и, что отражает его склонность к марафонскому бегу, тонкокостный. Он любопытный и вдумчивый, внимательный мыслитель и любознательный исследователь. Он родом из французского рабочего класса в обществе, в котором социальный класс находится настолько же в центре социального разделения как раса в Соединенных Штатах. Возможно, этот фон заставил его заметить нечто, что подрывало интеллектуальные и лингвистические достижения студентов низших классов во французском университете, где он преподавал, даже самых подготовленных среди них. Пока он размышлял, как изучить то, что он видел, он прочитал исследование, которое Джош Аронсон и я провели, демонстрируя эффект угрозы подтверждения стереотипа на выполнение теста афроамериканцами.

Его вопрос к себе был по существу обобщающим вопросом: может ли то же самое, что случилось с сильными афроамериканскими студентами в наших экспериментах, произойти с низшим классом французских студентов на его курсе? Могла ли угроза подтверждения стереотипов – конкретная форма, которую она приняла в низших классах французских университетов – быть причиной их языковых проблем и проблем успеваемости в колледже? Была ли угроза подтверждения стереотипа общей частью человеческого опыта?

Жан-Клод и его сотрудница Тереза Клэр подвергли такую вероятность первой проверке. Они провели эксперимент в университете Клермон-Ферран на юго-востоке Франции с высшим и низшим классом французских студентов колледжа, которые повторили эксперимент, который мы провели в Стэнфордском университете с белокожими и чернокожими американцами. Они дали по очереди обеим группам очень сложный языковой тест с использованием элементов экзаменов. Они сказали половине участников, что тест был диагностикой их языковых способностей – инструкция, которая вызывает угрозу подтверждения стереотипа для учащихся низших классов, превращает их неудачу в тесте в подтверждение французского стереотипа о том, что у низшего класса не хватает языковых способностей. Они сказали другой половине участников, что тест не являлся диагностикой их способностей, таким образом, создавая стереотип о социальном классе и языковых способностях безотносительным к их тесту.

Результаты, полученные Круазе, в точности совпали с нашими экспериментами, проведенными мной и Джошем. Когда двадцать один пункт теста был подан не как диагностический, низший класс французских студентов показал результат чуть лучше, чем у высших классов французских студентов, в среднем 11,4 по сравнению со средним значением 10,3 у высшего класса. Но когда было сказано, что тест диагностический (что сделало стереотип о способностях французских студентов в низшем классе имеющим отношение к их результату в этом тесте), низший класс французов показал результат почти на три пункта хуже, чем высший класс. Угроза подтверждения стереотипа, вытекающая здесь из стереотипов о языковых способностях и социальном классе, а не о когнитивных способностях и расе, или о математических способностях и поле, распространяется в другой группе, в другой ситуации, в другой стране и культуре.

Вернувшись в Соединенные Штаты, Томас Хесс и его коллеги в университете Северной Каролины протестировали обобщение угрозы подтверждения стереотипа ближе к себе, то есть для человека в возрасте, каким был я. Есть, конечно, стереотип о старении и памяти. Может ли угроза подтверждения этого стереотипа на самом деле влиять на память пожилых людей? Чтобы выяснить это, одно исследование попросило пожилых людей (средний возраст – 70,8 лет) и молодых людей (средний возраст – 19,3 года) изучить некоторые материалы, включающие тест на память, список из тридцати слов, которые участники изучали две минуты прежде, чем попытаться записать как можно больше слов в списке по памяти. Чтобы сделать стереотип о старении и памяти ярким для некоторых участников, тем самым помещая пожилых людей в группу под угрозой подтверждения стереотипа, им сначала дали прочитать газетную статью, утверждающую, что с возрастом действительно ухудшается память. По сравнению с участниками, которые не читали статью, утверждавшую, что возраст мало влияет на память, участники, читавшие статью, вызывающую стереотипы, выполнили краткий тест на память хуже, вспомнив 44 процента изученных слов по сравнению с 58 процентами слов участников без угрозы подтверждения стереотипа. На самом деле в группах с угрозой подтверждения стереотипа, чем более были осведомлены участники о стереотипе старения, тем хуже они работали. И по множеству экспериментов по угрозе подтверждения стереотипа, доля запомнившихся участникам слов была меньше у пожилых людей, которые больше всего заботились о том, чтобы иметь хорошую память.

Как последняя иллюстрация формирующейся общности эффекта угрозы подтверждения стереотипа, я напому вам об интригующем

исследовании Джеффа Стоуна и его коллеги из Аризонского университета, описанном мною в первой главе, где показано влияние угрозы подтверждения стереотипа на игру в гольф спортивных студентов Принстона.

Через почти пятнадцать лет с первой публикации исследование эффектов угрозы подтверждения стереотипов расцвело во всем мире. Эффект наблюдается у женщин, у афроамериканцев, белых мужчин, латиноамериканцев, американских учениц третьего класса, азиатских американских студентов, европейских мужчин, стремящихся быть клиническими психологами (под угрозой негативного стереотипа о мужской способности понимать чувства), а также французских студентов колледжа, немецких школьников, солдат США с армейских баз в Италии, студенток бизнес-школ, белокожих и чернокожих спортсменов, пожилых американцев и так далее. Было показано, что угроза подтверждения стереотипов влияет на многие результаты: математику, вербальные, аналитические и интеллектуальные тесты, игру в гольф, время реакции, использование языка, агрессивность в переговорах, емкость памяти, высоту прыжка и многое другое. Никакая особенная восприимчивость не нужна, чтобы испытать ее давление. Исследование обнаружило только одно условие: человек должен быть заинтересован в результате. Это делает перспективу подтверждения негативного стереотипа достаточно сильной, чтобы помешать работе.

После того как я говорю об этом в своих выступлениях, люди часто задают несколько вопросов сразу. Что именно эта угроза делает с человеком, когда вызывает эффект вмешательства? Что можно сделать для сокращения нежелательных последствий угрозы подтверждения стереотипов в обществе и в их жизни? И, возможно, отражая определенное разочарование, они спрашивают: «Дорогой Профессор, почему человек не может просто пристегнуться и преодолеть чертов стереотип?» Я слышу, как увещевания моих родителей по этому поводу звенят у меня в ушах, когда я пишу эти строки. В предстоящих разделах книги мы подробно рассмотрим первые два вопроса. Но сейчас, чувствуя разочарование, я обращаюсь к мнению моих родителей, разделяемому многими: *«Я слышал, сынок, угроза подтверждения стереотипа может быть довольно опасной, но ты должен использовать ее, чтобы мотивировать себя; иди и докажи, что стереотип, и те, кто его разделяет, заблуждаются».*

Глава 6

Угроза идентичности и жизнь в борьбе

Филипп Ури Трейсман – математик, разработавший инновационные семинары по обучению студентов колледжа математике в группах, чьи математические способности подвержены негативным стереотипам: сначала чернокожих студентов Калифорнийского университета в Беркли, а затем студенток Техасского университета в Остине. Когда слушаешь его, создается ощущение, что он, как и многие математики, рано научился получать удовольствие от работы ума. Он преследует интересное понимание сути – идею, на которой создаются другие идеи.

Его семинары – это вид такой идеи, которая принесла ему премию МакАртура для гениев в начале его карьеры. Эти идеи полагаются на погружение в сложную математику и, возможно, прежде всего, на учебу в группах – метод, который его успех помог распространить по всей стране. Чернокожие студенты на его первых семинарах в Беркли, например, превзошли все другие группы в первый год курса по математическому анализу. Существенная часть всех американских женщин, которые продолжили изучать математику в аспирантуре Соединенных Штатов, приходят после математических семинаров Трейсмана в Техасском университете.

Но здесь я хочу подчеркнуть еще одну важную часть его работы: антропологическое исследование, которое он провел в начале своей карьеры, стало исследованием из которого и родилась идея его семинаров. Оно началось с наблюдения, которое он сделал во время преподавания первому курсу математического анализа в Беркли (то же самое наблюдение, которое мне предстояло провести позже, когда я посетил Мичиганский университет и увидел оценки черных и белых студентов, разделенных по баллам за АОТ): черные студенты отставали. На первом курсе по математике, среди студентов, которые имели аналогичные баллы АОТ по математике, когда они поступили в Беркли, чернокожие студенты регулярно получали более низкие оценки, чем белые и азиатские студенты. Я всегда думал, что одной из основных идей Трейсмана было понимание, что подобное положение вещей не следует считать нормальным, что эта ситуация не должна быть. Здесь и началась его антропология.

С их разрешения он начал буквально следовать за своими учениками повсюду, наблюдая за ними в их жизни вне класса. Он наблюдал, как, где и с кем они учились. Он проводил время в их комнатах общежития, ходил с ними в библиотеку. Он тусовался с ними.

Вскоре в его поле зрения появилась групповая разница, в которой чернокожие и азиаты отличались больше всего с белыми посередине. Азиатские студенты учились в группах официально и неофициально больше, чем чернокожие и белые студенты. Такая практика принесла серьезные преимущества в изучении матанализа. Над домашней работой трудились несколько голов так, что, если один человек не мог решить задачу, получалось у кого-то другого, и он мог бы объяснить ее другим студентам. Они могли тратить больше времени на понятия, связанные с матанализом, и меньше времени тратить на подсчеты в домашнем задании. Это сократило время домашней работы. Недоразумения можно было быстро выявить и исправить, даже когда они шли от преподавательского состава. Азиатские студенты также мало разделяли учебную и общественную жизнь. Учеба в библиотеке субботним вечером считалась общественной жизнью группы друзей, связанной, в частности, совместным изучением и выполнением математических задач.

Белые студенты учились более независимо. Но они охотно обращались за помощью к другим студентам и ассистентам преподавателей. Они говорили о математическом анализе вне класса, даже сравнивали записи о трудных задачах, но сосредоточили свою социальную жизнь меньше на учебе, чем азиатские студенты.

Черные студенты, как обнаружил Трейсман, работали контрастно обоим стилям. Они были очень независимы, совершенно конфиденциальны в своей работе. После занятий они возвращались в свои комнаты, закрывали дверь и продирались сквозь долгие часы учебы – больше часов, чем и у азиатов, и у белых. Многие из них первыми в своей семье поступили в колледж, они несли надежды своей семьи. То, что Трейсман увидел, сидя на двухъярусной кровати, наблюдая за многими своими чернокожими учениками, разъяснило, что с ними происходило на его занятиях. Не имея возможности ни с кем поговорить, но испытывая необходимость определить, правильно ли они поняли концепцию задачи, студенты были вынуждены проверять ответ в конце книги. Они тратили значительное время на это, что заставляло их сосредоточиться меньше на понятиях матанализа и больше на сверке подсчетов с ответами в книге. Такая тактика ослабила их знание понятий. Несмотря на большее усилие, они часто работали хуже на тестах, чем белые и азиаты – те, кто, они знали, учатся не больше и даже меньше, чем они. В свете расового стереотипа, висящего в воздухе над их головами, такой опыт приносил разочарование, которое заставляло их задуматься, на своем ли месте они находились.

Лишенные поддержки, они мало говорили об учебе вне класса, строго разделяя их учебную и общественную жизнь. Это, в свою очередь, мешало им узнать, что другие студенты также имели тревоги и трудности в работе; это позволяло им думать, что их проблемы были исключительно их собственными, что отражало опять же их собственное (или, возможно, их группы), отсутствие способностей. Что столь плохо, они воздерживались от обращения за помощью к преподавательскому составу. После плохого результата они удваивали свои усилия, но в той же манере изоляции. За интенсивной работой следовала относительно низкая производительность. В конце концов они разочаровывались, решив, что матанализ и, возможно, даже сам Беркли были не для них. Кроме того, наличие низкой оценки за такой проходной^[13] курс как математический анализ делало определенные жизненные устремления менее достижимыми – стать врачом, стоматологом или инженером, например. Уже ближе к концу их первого курса по математическому анализу эти студенты, которые поступили в Беркли с самыми высокими устремлениями всего месяцами ранее, начинали отказываться от своих целей. Они бросали попытки стать врачом и вместо этого пытались стать, к примеру, государственным медицинским работником, где не требовался математический анализ.

Джефф был одним из опрошенных студентов Трейсмана. Он поступил в Беркли после одной из лучших церковно-приходских школ в Сан-Франциско. Его балл за АОТ по математике приближался к 600, что вносило его в высокий национальный процентиль, особенно для афроамериканских студентов. Он был сильно мотивирован, имея за спиной поддержку семьи и сообщества. Вот описание Трейсмана его воспоминаний о первом курсе:

На нашей первой встрече Джефф описал мне с трудом сдерживаемым гневом двух белых студентов, которые сидели рядом с ним во время лекции по матанализу, читали «Плейбой» и пили пиво из бутылок, которые они прятали в бумажном пакете. Перед экзаменом он сравнил их поведение с богохульством и предсказал с евангельским рвением, что справедливость непременно восторжествует. Когда он узнал несколько недель спустя, что эти белые ученики получили пятерки, а он – тройку, он был опустошен. Потрясенный Джефф пошел встретиться с ассистентом своего преподавателя, чтобы извиниться за свою плохую работу, и попросить помощи. Ассистент быстро предположил, что Джефф не получил правильной подготовки перед университетом и что ему следует рассмотреть вопрос о переводе в общественный колледж. Джефф ушел из Беркли в конце первого семестра по совету ассистента своего преподавателя, поступил

в Городской Колледж Сан-Франциско в следующем семестре.

Несколько лет спустя, когда мы снова говорили о его опыте в университете, Джефф описал успех пьющих пиво студентов как «первый удар». Последний удар был нанесен, когда он получил оценки за первый семестр. Он даже не догадывался, какие курсы он провалит. Ассистент Джеффа по предмету А (коррекционный английский), например, так поддерживала его, так тратила на него время, что он не мог понять, как она могла завалить его. Он чувствовал себя преданным. Он чувствовал себя, как будто бродил в лабиринте. Он не мог сказать, ничто было важно в его курсах, ничто он мог бы сделать, чтобы улучшить его успеваемость, если бы он начал заново. В дополнение к проблемам с учебой у Джеффа было недопонимание с административным персоналом в нескольких офисах кампуса. Ему казалось, что эти люди постоянно нарушали обещания, данные ему. Он почувствовал, что ему не место в университете.

Конечно, такие вещи случаются с другими студентами колледжа независимо от их групповых идентичностей. Сама общность урезанных стремлений в начале учебной жизни в колледже не дает разглядеть групповой шаблон. Как я уже сказал, проницательность Трейсмана подметила этот шаблон и пошла глубже, чтобы понять его. Там он увидел чернокожих студентов – в стремлении преуспеть там, где их способности подвергаются негативным стереотипам, следующих за ними стратегий интенсивных изолированных усилий, стратегии, которая часто настраивает их на поражения и разочарования. Они старались изо всех сил, они прислушивались к совету моего отца (и, может быть, советам своих отцов), но они пытались делать все самостоятельно в классе, где другие люди работали более эффективно и счастливо вместе, объединяя интеллектуальные возможности.

У меня имелось подозрение, что подобное «переусердие», если можно его так назвать, среди черных студентов, которое наблюдал Трейсман, может быть общим феноменом, общеизвестным фактом, и оно усилилось после разговора с моей доброй подругой Кэрол Портер во время посещения Принстонского университета несколько лет назад.

Кэрол, социальный психолог, посвятила большую часть своей карьеры улучшению студенческого опыта в таких университетах, как Принстон и Стэнфорд. По поводу спорного случая она и ее декан пригласили меня в Принстон, чтобы проконсультироваться о студенческой жизни меньшинств. Поскольку визит подходил к концу, Кэрол скорее небрежно рассказала мне о том, что она и другие видели во время консультаций для студентов по органической химии. Этот курс – государственный проходной курс в медицинский университет, провал в котором может лишить шансов попасть туда. Он сложный, поэтому Студенты из Принстона разработали стратегии для того, чтобы пройти его. Некоторые студенты проходят его один раз перед тем, как пройти его повторно с оценкой. Другие проходят курс в течение лета в менее конкурентоспособной школе, а затем пытаются получить зачет и перевести его результат в Принстон. Когда консультанты видят, что у студентов трудности в этом курсе, они могут перестроить одну из стратегий обучения так, чтобы студенты не оставались на курсе, не получили плохой оценки и не лишились шансов на медицинское образование.

Кэрол сказала, что, когда этот совет предлагается белым и азиатским студентам, большинство из них охотно принимают его, бросая курс без оценки и следуя одной из альтернативных стратегий. К удивлению Кэрол, когда подобный совет предлагается чернокожим студентам, имеющим сложности, они чаще отвергают его, упорно посещая курс до того времени, пока за него не становится обязательным получить оценку и от него невозможно отказаться, и часто получают низкую оценку, которая ставит под угрозу их шансы в медицинском университете.

К этому времени я уже знал об исследованиях Трейсмана. То, что Кэрол рассказывала мне, казалось еще одним выражением того, что он наблюдал. Как будто черные студенты, которых она описала, оставались на этом курсе, опровергая стереотип, висящий над их головами, но при этом, следуя совету их и моих родителей. Они продвигались вперед,

пока человек, не столкнувшийся с этим утверждением, мог просто переключиться на правильную стратегию. Переусердие в Принстоне, да?

Переусердие уже проскочило в ряде сообщений о достижениях, достаточно было предположить, что при некоторых обстоятельствах оно может выступать причиной академического отставания. Именно так Дэвид Нуссбаум и я подумали, когда мы исследовали эти случаи. Дэвид был новым аспирантом, который студентом в Йеле специализировался по философии. Он любит, как говорят в философии, обрабатывать вопросы, внимательно анализируя их смысл и логику. Мы столкнулись с интересным вопросом, достойным анализа: синдром чрезмерного усилия и самодостаточности, проявившийся в исследовании Трейсмана и наблюдениях Кэрол Портер за консультантами по органической химии, был вызван угрозой идентичности и угрозой подтверждения стереотипа? Или это, возможно, общая характеристика афроамериканцев, которая проистекает из процесса социализации – снова я слышу в голове слова моего собственного отца, который подчеркивает необходимость работать в два раза усерднее других, чтобы добиться успеха? Возможно, этот совет усваивается как принцип поведения и воспитывает интенсивное усилие даже в ситуациях, которые не представляют угрозы идентичности.

Как я уже сказал, Дэвид хорошо анализирует вопросы, и это привело к простому эксперименту с двумя целями. Первая цель должна была проверить, может ли синдром чрезмерного усилия быть вызван в лабораторном эксперименте; вторая – проверить, если он может быть вызван, какое из двух пониманий было более точным.

Мы сосредоточили эксперимент на решении анаграмм, задании, которое включает в себя перестановку наборов зашифрованных букв в значимые слова. Анаграммы бывают очень легкими – например, «бло» легко превращается в «лоб», или очень сложными, когда необходимо решить, как «аргмизирыйванлаион» превратить в «маргинализированный». В первой части эксперимента мы дали чернокожим и белым студентам Стенфорда двадцать одну трудную анаграмму. Мы хотели, чтобы задание было трудным и непонятным, чтобы они знали, что плохо справились, хотели дать что-то вроде высшей математики или органической химии. Вторым заданием было решение анаграмм и аналогий. Мы попросили их выбрать анаграммы для включения во второе задание, сколько они хотели. Так мы измеряли, насколько наши участники хотели продолжить пытаться решить вид анаграмм, с которыми они только что имели трудности в первом задании, аналогично тому, как много студентов, имеющих проблемы с

органической химией, возможно, захотят оставаться на курсе и рисковать провалом. У нас получился простой ответ: они не хотели делать очень много. Когда анаграмма была представлена как просто лабораторное задание, ни черные, ни белые участники не согласились делать еще много подобных – выбранные из вежливости четыре или пять заданий как максимум. Когда перед ними было просто лабораторное задание, чрезмерные усилия со стороны любых участников не прикладывались. Они смогли прекратить делать сложные анаграммы, как белые и азиатские студенты смогли остановить и перепланировать непонятный курс по органической химии.

Другая группа участников, однако, прошла точно ту же процедуру, но им сказали, что анаграммы должны оценить их когнитивные способности. Для чернокожих студентов в этой группе такая маркировка сделала стереотип о когнитивных способностях черных относящимся к заданию. Их неуспех в задании теперь мог подтвердить стереотип о способностях их группы. В отличие от белых в этой группе, они были под угрозой подтверждения стереотипа.

Как чернокожие студенты теперь ответили на приглашение сделать больше анаграмм по второму заданию? Будут ли они делать меньше, чтобы, возможно, избежать угрозы подтверждения стереотипов? Или, если студенты идентифицировали себя с познавательной способностью, будут ли они следовать совету моего отца и делать больше, чтобы попытаться опровергнуть стереотип? Опять же мы получили четкий ответ. Они вели себя так же, как черные студенты, которых Трейсман наблюдал в комнатах в общежитии Беркли, и так же, как студенты, которых Кэрол Портер описала в Принстоне на курсе по органической химии. Они упорствовали по-крупному. Белые участники этой группы, не находящиеся под угрозой подтверждения стереотипа, согласились сделать те же самые четыре дополнительные анаграммы, которые согласились сделать участники группы без угрозы подтверждения стереотипа. Чернокожие студенты в этой группе, однако, согласились сделать целых восемь дополнительных анаграмм, вдвое больше, чем все остальные, переусердствуя по максимуму.

Таким образом, у нас были ответы на оба вопроса. Чрезмерные академические старания среди чернокожих студентов легко можно было вызвать лабораторно. Это реальное явление. Более того, они, кажется, вызваны давлением угрозы подтверждения стереотипа. Обошлось без угрозы, когда задания были представлены как анаграммы – как головоломки, не связанные с когнитивными способностями. Черные участники не были просто супермотивированными студентами. Когда на

них не действовала угроза подтверждения стереотипа, они не пытались быть сильнее, чем кто-либо другой. Но когда имелся стереотип, который нужно было опровергнуть, они старались вдвое усерднее всех остальных, затрачивая именно то количество дополнительных усилий, которое подчеркивает классический совет моего отца.

Если бы у этих чернокожих студентов были проблемы в учебе, они бы, кажется, не образовались бы из тенденции сдаваться перед лицом трудностей и давления стереотипов. Они старались именно перед угрозой давления, как и их собратья в органической химии и математическом анализе, которых я описал. Они не нуждались в родительской заботе. Когда стереотип о способностях их группы был в игре, они очень старались сами по себе.

Итак, является ли дополнительная мотивация всегда проблемой для деятельности и достижений? Могут ли буквально миллионы родителей ошибаться? В афроамериканском сообществе история Джеки Робинсона легендарна. Журнал «Эбони» каждый месяц более пятидесяти лет отводил страницу людям, которые сломали тот или иной расовый барьер. Использование мотивации для преодоления стереотипов, чтобы стимулировать достижения, является центральной темой жизни чернокожих людей в Америке, как и для других групп, борющихся с негативными стереотипами – для женщин, например. Всегда ли этот мотив имеет неприятные последствия, когда дело доходит до деятельности и достижений?

Большинство исследований угроз подтверждения стереотипа сосредоточены на работе на грани навыков человека: сложные тесты по математике, IQ-тесты, которые становятся все более сложными, тесты вербальных навыков, усложненные до предела, строгие учебные программы колледжа и так далее. Разочарование в этих заданиях делает стереотип актуальным в качестве правдоподобного объяснения того, почему люди испытывают разочарование. Оно грозит страхом подтверждения негативного стереотипа, что вызывает отвлекающие эмоции и мысли. Результат ухудшается. Риск подтверждения стереотипа усугубляется. Образуется порочный круг. Вот как дополнительный мотив опровергнуть стереотип, похоже, мешает работе на грани возможностей – в органической химии, например. Следующая глава изучает эти процессы более внимательно.

Но что происходит, когда вы справляетесь легко и хорошо в области, в которой ваша группа имеет негативные стереотипы? Что происходит, когда задача находится в пределах вашего уровня квалификации, так что вы не испытываете большого разочарования из-за угрозы подтвердить стереотип? Подобный результат является опровержением стереотипа, и это опровержение, и поскольку вы достигаете его довольно легко, вы можете вообразить, что вы особенно мотивированы, чтобы хорошо выступить. В таком роде ситуации мотив опровержения стереотипа может способствовать достижению более хорошей производительности.

Два социальных психолога из университета Канзаса Лори О'Брайен и Кристиан Крэндэлл решили протестировать именно эту идею и придумали незамысловатый эксперимент. Они дали выборке студентов и студенток Университета Канзаса один сложный и один более простой

тест по математике. Более простой тест просил участников выполнить столько трехзначных умножений, сколько они могут за десять минут. Трудный тест предлагал сделать пятнадцать алгебраических задач из математического раздела АОТ за то же самое время. Одна группа решала тест под воздействием угрозы подтверждения стереотипа: участникам рассказали, что тесты ранее показывали разницу между полами. Другая группа прошла тесты без угрозы подтверждения стереотипа: его участникам говорили, что тесты не могут показать гендерные различия. То, что произошло, подтверждало доводы Крэндалла и О'Брайена. На сложном тесте женщины под угрозой подтверждения стереотипа справились хуже, чем женщины, не подверженные угрозе подтверждения стереотипа, и хуже, чем мужчины в любой группе. Но обратимся к легкому тесту. *Женщины, подвергнутые угрозе подтверждения стереотипа, выполнили тест лучше, чем женщины без угрозы подтверждения стереотипа и лучше, чем мужчины в любой группе.*

На пределе навыков угроза подтверждения стереотипа и мотив опровергнуть стереотип ухудшали результат, предположительно – через совокупность интерферирующих реакций, описанных ранее. Но поодаль от границы там, где задача была легче, а разочарование – слабее, попытки опровергнуть стереотип повысили производительность выше всех других групп.

Здесь кроется важный момент для родителей. Предположительно, увидев результат вроде этого, мой отец и миллионы других родителей убедились, что стремление победить стереотипы можно использовать для достижения. Можно. Эксперимент О'Брайена и Крэндалла показывает, что, когда работа управляема, дополнительная мотивация опровергнуть стереотип может поднять производительность до уровня выше, чем в противном случае она будет.

Как выглядит этот мотив опровержения стереотипа в реальной жизни? Превращает ли он людей в сверхуспевающих и трудоголиков? Валери Джонс, творческий аспирант в моей лаборатории со склонностью к проведению исследований в реальных жизненных ситуациях, и я сделали простой опрос, чтобы пролить свет на этот вопрос. Идея заключалась в следующем: на рабочих местах, где женщины представлены в недостаточном количестве, они могут испытывать больше давления, чтобы проявить себя, работая усердно и опровергая негативные стереотипы, чем на рабочих местах, где женщины имеют больше рабочих мест. Валери опросила сорок одну женщину, посещающую местную конференцию Силиконовой долины по

технике. Она задала им вопросы о количестве женщин на их рабочем месте и о том, какое давление они чувствовали, чтобы отстоять себя, работая усерднее. Результаты были очень впечатляющими. По сравнению с женщинами, работающими в местах с большим количеством женщин, женщины, на чьей работе было меньше женщин, сообщили, что чувствуют существенно больше давления в том, чтобы показать себя при помощи усердной работы, и сообщили о большем количестве видов поведения, которое отражало давление, например: приезжать на работу раньше, уходить с работы позже и участвовать в меньшем количестве мероприятий за пределами работы. В реальной жизни также есть доказательства того, что женщины могут использовать давление стереотипов, чтобы проявить себя, в качестве постоянного мотива или, по крайней мере, в качестве мотива работать усерднее.

Но является ли это безусловным благом? Когда все эти исследования собраны воедино, можно было бы сказать, что нет. Проблема в том, что давление опровержения стереотипа меняется тогда, когда вы *почти* находитесь в ситуации. Оно дает вам дополнительную задачу. В дополнение к обучению новым навыкам, знаниям и способам мышления в школе или в дополнение к попытке поработать наилучшим образом на рабочем месте, как было у женщин в высокотехнологичных фирмах, вы заодно пытаетесь убить призрака в своей комнате, негативный стереотип и его утверждения о вас и вашей группе. Вы ставите перед собой много задач, и потому, что ставки высоки – выживание и успех против провала в важной для вас области, вы испытываете стресс от этой многозадачности.

У нее имеются серьезные последствия. Во-первых, стресс и рассеянность, которую она вызывает (как мы увидим более подробно в следующей главе), может непосредственно влиять на производительность, особенно, когда вы работаете на грани ваших навыков и знаний – именно там, где нужно работать, чтобы учиться и развиваться. Так же, как мы можем увидеть из истории Джеффа и наблюдений Трейсмана, многозадачность может вызвать крайне неэффективные стратегии и закрепощенность. Вы не просто учитесь или выступаете – вы также опровергаете стереотип. Так вы не можете просто бросить зачет по органической химии и запланировать пересдать его в следующем семестре. Может показаться, что вы подтверждаете стереотип как яркую характеристику себя и своей группы. Вы должны держаться, даже если это стоит вам вашего выбранного карьерного пути.

И когда вы понимаете, что стрессовый опыт, вероятно, является хронической особенностью обстановки вокруг вас, вам может быть

трудно остаться в этой обстановке, поддерживать вашу мотивацию к успеху там. Опровержение стереотипа – сизифов труд, его придется делать снова и снова пока вы находитесь в области, где применяется стереотип. Джефф, казалось, чувствовал себя так в Беркли: он не мог найти свое место там, где он мог бы считаться своим. Когда мужчины бросают специальности в колледже, то обычно это происходит потому, что у них плохие оценки. Но когда женщины бросают специальности в колледже, как правило, их решение не имеет ничего общего с их оценками. Виновником в их случае не являются их качественные навыки, а скорее, перспектива провести значительную часть жизни в обстановке, где они могут вечно сталкиваться с необходимостью себя проявлять, и хроническим стрессом, который этому сопутствует.

Это не аргумент против усердных попыток или против выбора стрессового пути. Развитие невозможно без усилий, и редко большое достижение или разрыв шаблонов обходятся без стресса. И на благо всех нас многие люди противостоят такому давлению. Мы прочитаем о некоторых из них в следующей главе. Здесь мы концентрируемся на том, что нужно убрать, чтобы сделать эти игровые поля более ровными. Люди, испытывающие угрозы подтверждения стереотипа, уже вовсю стараются. Их идентифицируют с их результатами. У них есть мотивация. Дополнительная борьба с призраками встает на их пути.

Существует синдром, который мой отец, я и многие другие родители, возможно, не оценили полностью. В ограниченных обстоятельствах мотивация опровергать стереотипы может иметь конструктивный характер. Но именно в том месте, где производительность и легкость функционирования являются наиболее важными, пока человек на пределах своих способностей и знаний пытается развиваться и расти в школе и на работе, эта форма мотивации очень часто имеет неприятные последствия. Там, как ни странно, она может вызвать ту самую групповую неуспеваемость, от которой так много родителей пытались предостеречь своих детей.

В главе 9 будут рассмотрены решения этой проблемы, вещи, которые отдельные лица и учреждения могут сделать, чтобы уменьшить это давление и неуспеваемость, к которым оно приводит. Но невозможно завершить эту главу, не отметив, что Трейсман нашел решение проблемы Джеффа, которое работало феноменально. Это решение усиливает возникающий анализ и показывает, что найденные средства против обозначенной проблемы могут быть просты и эффективны.

Он задумал программу, которая касалась математического анализа сделала попытку заставить чернокожих студентов учиться как азиатские

студенты – работать в группах, группах, которые проводили много времени (не менее шести часов в неделю) вместе вне класса, среди прочего обсуждая математический анализ. Он ожидал тех же преимуществ, что и в азиатских группах: когда много людей работали над задачами совместно, они могли тратить пропорционально больше времени на изучение важнейших понятий и меньше времени тратить на подсчеты при проверке ответов; они могли более точно оценить собственное понимание и навыки; они могли быть более уверенными во взаимодействии с преподавательским составом и так далее. Эта попытка сработала. Они улучшили оценки: чернокожие студенты на семинарах Трейсмана теперь поучали оценки за первый курс математического анализа лучше, чем белые или азиатские студенты на занятиях в Беркли. Если бы только Трейсман разработал программу вовремя, чтобы помочь Джеффу!

Семинары Трейсмана учат навыкам группового обучения, что делает непосредственно обучение математическому анализу проще. Но что эти навыки исправляли? Здесь его антропологические исследования оказались показательными. Они исправляли тенденцию среди чернокожих студентов изолировать себя в качестве защиты и брать на себя обязательство самодостаточности – те самые стратегии, которые могли бы помочь им избежать людей, которые, как они беспокоились, могут стереотипно судить о них, но также изолировали их от необходимой помощи. Не то, чтобы этим студентам не хватало родительского совета. Следование совету вплоть до полного отчуждения было проблемой, и не заставляло их больше интересоваться своей работой. Трейсман разгадал, как они могли лучше реализовать существующий интерес.

В последние годы ряд гениальных ученых начал точно выяснять, что такая опасная для идентичности ситуация делает с человеком, а именно – вызывает проблемы в деятельности и постоянстве, которые инициировали данное исследование. Я считаю, что, увидев подобный эффект, человек, наконец, видит силу опасной ситуации и то, почему, например, она делает совет моего отца, хоть и необходимый, непригодным.

Глава 7

Разум, мечущийся и перегруженный, под угрозой подтверждения стереотипа

Несколько лет назад Дональд Даттон и Артур Арон, два социальных психолога, попросили группу студентов колледжа, состоящую только из мужчин, перейти через мост Капилано, расположенного недалеко от Ванкувера, провинции Британской Колумбии в Канаде. Мост Капилано представляет собой узкий шаткий переход с веревочными перилами длиной в 450 футов над рекой Капилано на высоте 230 футов. Как только каждый мужчина переходил на другую сторону моста, его встречала привлекательная молодая женщина-интервьюер, которая после того, как он заполнял анкету, давала ему свой номер телефона и предлагала ему позвонить ей, если у него возникнут дальнейшие вопросы об исследовании, которое она якобы проводила.

Даттон и Арон интересовались базовым вопросом о человеческой природе: есть ли у нас прямое знание наших эмоций или мы можем быть настолько оторваны от них, что иногда мы не подозреваем о них или путаем их, ошибочно принимая одну эмоцию за другую?

Этот большой вопрос о человеческой природе в их эксперименте был сведен к конкретному вопросу: могло ли длительное беспокойство, которое мужчины испытывали после того, как они пересекли мост Капилано, быть перепутанным с влечением к молодой женщине-интервьюеру, которую они встречали на другой стороне моста? Если мы не всегда напрямую осознаем наши эмоции и если одну эмоцию иногда можно принять за другую, тогда мужчины могут ошибочно принять рассеивающееся беспокойство, которое они испытали, пересекая страшный мост, за влечение к молодой женщине, стоящей на мосту прямо перед ними. Даттон и Арон измерили влечение к молодой женщине числом мужчин, которые звонили ей тем вечером якобы за дополнительной информацией.

В эксперименте участвовали еще две группы. В одной из них мужчины пересекли мост Капилано, но встретили мужчину-интервьюера на другой стороне. Их группа проверяла, приведет ли тревожность, оставшаяся после перехода моста, к большему количеству телефонных звонков, даже когда она, по всей вероятности, не связана с привлекательностью интервьюера. Во второй группе мужчины встретили привлекательную женщину-интервьюера, но они не пересекали мост Капилано, а пересекали другой мост, который был прочным и низким, мост и не вызывал никакого беспокойства. Эта группа проверяла, сможет ли привлекательность интервьюера сама по

себе вызвать больше телефонных звонков тем вечером.

Что же случилось? Множество мужчин, которые встречали молодую женщину после пересечения моста Капиано, позвонило ей тем вечером. Пересечение этого моста вызвало беспокойство, которое задержалось на некоторое время. Не осознавая беспокойство напрямую, а затем сталкиваясь лицом к лицу с привлекательной молодой женщиной, эти мужчины интерпретировали свои чувства не как беспокойство, а как сильное влечение.

Мужчины в других группах, очевидно, мыслили прямо. Когда интервьюер был мужчиной, они не принимали свою продолжительную тревогу за влечение. В этой ситуации просто не было сигнала, который мог сделать влечение имеющейся правдоподобной эмоцией. И у мужчин, которые пересекли нестрашный мост, просто не было никакого затяжного беспокойства, чтобы подкрепить какую-либо особую привлекательность интервьюера. Мужчины в этих группах звонили интервьюеру редко.

Значит, наша способность улавливать эмоции несовершенна. Когда они очень сильные, их легче узнать напрямую. Но когда они умеренные, например такие, как длительное беспокойство, которое можно ощутить, пересекая мост Капиано, у нас меньше прямого доступа к ним. Чтобы знать и интерпретировать наши более спокойные эмоции, мы полагаемся больше на то, что происходит непосредственно в данной ситуации. Стоя перед привлекательным интервьюером, мужчины, в эксперименте Даттона и Арона, которые только что пересекли мост Капиано почувствовали интенсивное притяжение, хотя то, что подпитывало это притяжение, было остаточным беспокойством после перехода через опасный мост.

Хорошо, что Стив Спенсер, Джош Аронсон и я знали об этом, когда мы обратились к проблеме того, как угроза идентичности достигает своего эффекта, потому, что мы столкнулись с этим ограничением человеческого функционирования, ограниченным доступом людей к своим чувствам и причинам своих чувств. Мы всегда предполагали, что угроза идентичности вызывала беспокойство и само беспокойство вредило результату работы. Беспокойство, как мы думали, было служанкой угрозы. Это казалось очевидным.

В наших самых первых экспериментах, когда мы со Стивом спросили женщин, решавших трудный тест по математике под угрозой подтверждения стереотипа, насколько тревожно они себя чувствовали, мы узнали, что они чувствуют не больше тревожности, чем женщины, делавшие тест без угрозы подтверждения стереотипа (то есть когда они считали, что тест не демонстрирует никаких гендерных различий). Женщины показывали свой результат хуже под угрозой подтверждения стереотипа – находка, с которой началось исследование – но они не сообщили, о чем больше беспокоятся. Мы были озадачены.

Позже мы с Джошем получили еще более загадочные результаты. Когда пришли данные, показывающие влияние угрозы подтверждения стереотипа на результат чернокожих студентов в речевом тесте, мы задавались вопросами, заставляла ли угроза их беспокоиться, и не из-за того ли они показали отставание. Джош начал опрашивать участников нашего исследования. Он не нашел ничего. Те, кто находились под угрозой подтверждения стереотипа, испытывали, по их словам, не больше тревоги, чем те, кто не находился под угрозой подтверждения стереотипа. Участники под угрозой подтверждения стереотипа казались спокойными, решительными. Они сказали, что испытание было трудным, но они были полны решимости преодолеть его и показать хороший результат. Они верили, что их усилия оправдаются. Они говорили об этом, даже когда мы могли видеть по их тесту, что они не справились.

Хорошо, что мы знали, насколько ограничены люди в передаче внутренних состояний, таких, как тревога. Мы смогли не попасть под убеждение отсутствия доказательств, демонстрирующих тревожные реакции на угрозу подтверждения стереотипа. И мы смогли более серьезно отнестись к некоторым из противоречащих доказательств. Помните, как люди под влиянием угрозы подтверждения стереотипа

дополнили больше фрагментов слов, связанных со стереотипом? Это говорит о том, что они беспокоились о подтверждении стереотипа или боялись выглядеть как живое подтверждение этих слов. Чернокожие студенты под угрозой подтверждения стереотипа также совершали поступки, которые предполагали, что они беспокоились о стереотипах. Они отдавали меньшее предпочтение вещам, связанным с чернокожими (джаз, хип-хоп и баскетбол), и большее предпочтение вещам, связанным с белыми (классической музыке, теннису и плаванию). Они больше оправдывались перед началом деятельности, например, предупреждая, что плохо спали накануне. Такие тенденции говорят о том, что они беспокоились. Но эти же участники прямо не сказали нам, что они беспокоились. Возможно, они не хотели в этом признаваться. Или, возможно, как мужчины, которые встретили привлекательную женщину-интервьюера, переходя мост Капиано, не знали, что они беспокоятся.

Чтобы узнать, как центральное беспокойство влияло на эффект угроз подтверждения стереотипа, нам понадобилось принципиально иное измерение беспокойства, которое не зависело от того, что люди знали о себе.

Сид Джеймс Блазковиц из университета Калифорнии в Санта-Барбаре и команда – Стив Спенсер, Диана Куинн и я – провели эксперимент, который непосредственно измерял физиологический компонент стресса и тревоги, среднее артериальное давление (АДСР). Тот эксперимент был в значительной степени похож на любой другой эксперимент – например, на угрозу подтверждения стереотипа за исключением нескольких отличий. Когда чернокожие и белые студенты колледжа прибыли в лабораторию, их подключили к оборудованию, записывающему сердечнососудистые измерения, якобы для фиксирования физиологических реакций на умственные задачи. Пять минут спустя после сбора информации об обычном давлении они приступили к речевому заданию: версии так называемой задачи Удаленной Ассоциации, каждый пункт которой дает три слова, а участнику необходимо придумать четвертое слово, которое относится к данным словам, как например, «сыр» относится к «мышь», «острому» и «с плесенью». Они поняли, что задание будет проверкой интеллекта.

Участникам группы под угрозой подтверждения стереотипа более ничего не сказали. Помните: восприятие задания как теста на интеллект – это все, что нужно, чтобы подвергнуть чернокожих угрозе подтверждения стереотипа об их интеллектуальных способностях.

Для группы без угрозы подтверждения стереотипа тест охарактеризовали как «расово честный». Было сказано, что чернокожие всегда так же хорошо справлялись, как и белые в этом конкретном тесте, и что тест был разработан в колледжах для чернокожих расово интегрированной исследовательской группой. Такое заявление сделало стереотип о способностях черных неправдоподобным как интерпретацию их успеваемости в этом конкретном тесте.

Результаты оказались впечатляющими. Кровяное давление и белых, и чернокожих участников, которым сказали, что тест был расово честным (без угрозы стереотипа) фактически упало с того момента, как им надели манжету измерения давления и до середины теста. То же самое произошло и у белых, которым испытание было представлено в качестве теста на интеллект. Но среднее артериальное давление чернокожих участников резко возросло, пока они делали тест. Люди под угрозой подтверждения стереотипа могли быть не в состоянии передать, что они беспокоились или испытывали чувство тревожности или любви, но это не значит, что они не беспокоились. Их физиологические реакции

ясно показали, что это так.

Вскоре наше понимание физиологических эффектов угрозы подтверждения стереотипа расширилось еще больше. Венди Мендес, давняя коллега Джеймса Бласковиц, и еще одна команда исследователей проверили, может ли угроза подтверждения стереотипа, которую белые могут чувствовать при взаимодействии с черными, повысить их кровяное давление. Их эксперимент был поразительно прост. Надев манжету тонометра, белые студенты колледжа просто разговаривали с белокожим или чернокожим однокурсником, которого они не знали. Разговор с черным незнакомцем по сравнению с разговором с белым незнакомцем должен был подвергнуть белых участников большему риску быть увиденными стереотипно, возможно, охарактеризовать как расово невнимательных. И если угроза подтверждения стереотипа вызывает беспокойство, эти участники должны иметь более высокое кровяное давление. Так оно и произошло: давление было существенно более высоким.

Начала вырисовываться картина. Хотя люди не очень осознавали угрозу идентичности, такой была угроза подтверждения стереотипа, ее оказалось достаточно, чтобы вызвать у участников беспокойство, как показало их измерение давления. Но вы спросите: какое беспокойство? Достаточно ли сильно беспокойство, вызванное угрозой идентичности для того, чтобы вмешиваться в его деятельность человека, например, в способность выполнять задания?

Предположим, я подвергаю человека какой-то угрозе подтверждения стереотипа. Скажем, у меня была группа женщин, идентифицированных с математикой, которые собирались писать очень сложный тест по математике. И я попросил их сделать что-то легкое, а затем что-то трудное: многократно написать их имена (это легко) и многократно написать их имена задом наперед (это сложно). Будут ли беспокойство и возбуждение, вызванные этой угрозой подтверждения стереотипа, достаточны, чтобы реально помешать выполнению этих задач?

Это интересный эксперимент потому, что написанные от руки задания не связаны со стереотипом математики. Плохое выполнение задания не будет подтверждением стереотипа о математических способностях женщин. Страх перед подтверждением этого стереотипа не повлиял бы на их результат в таких заданиях. Единственное, что могло повлиять на их работоспособность, было беспокойство, вызванное угрозой идентичности, которую женщины чувствовали, пока ждали трудного теста по математике. Если только наличия тревоги достаточно,

чтобы помешать их работе, то эти женщины не должны хорошо справляться с письменными заданиями, особенно со сложным заданием, в котором нужно написать имя задом наперед.

Этот вопрос Авив Бен-Зеев и его ученики задали в эксперименте, который они организовали в Университете штата Калифорния в Сан-Франциско. Они получили четкий ответ. Даже небольшого беспокойства, которое связанные с математикой женщины испытали во время ожидания сложного теста по математике, было достаточно, чтобы вмешаться в то, насколько хорошо они смогли написать свое имя задом наперед. Это не похоже на возбуждение, вызванное переходом через мост Капилано, или на возбуждение на реальном математическом АОТ, на который делаются большие ставки. Угроза идентичности присутствует постоянно. Типичный лабораторный эксперимент может реализовать эту угрозу в полном сознании только в скромной степени, например та степень угрозы, которую женщины испытывают в ожидании теста по математике в эксперименте против той степени стресса, которую они испытали бы в ожидании реального выпускного экзамена. Но даже ограниченная реализация вызывает достаточный стресс сердечно-сосудистой системы, который заставляет участников запинаться даже в сравнительно несложных вопросах.

Так что теперь можно сказать, что часть эффекта угрозы подтверждения стереотипа – ухудшение успеваемости женщин по математике, французских учащихся низшего класса на языковых экзаменах, успехов белокожих мужчин в мини-гольфе и так далее, создается напрямую влиянием на увеличение частоты сердечных сокращений, артериального давления и соответствующие физиологические признаки беспокойства до такой степени, что эти реакции мешают результативности. Мы также можем сказать, что люди мало осведомлены о том, как это происходит. Они не упоминают об этом, когда их спрашивают. Кажется, мы не осознаем, что платим эту цену. Но единственный ли это способ, которым угроза идентичности мешает деятельности? Не влияет ли она напрямую и на наше мышление?

Как вы увидите, ответ на этот вопрос утвердительный. Угроза заставляет нас беспокоиться о подтверждении стереотипа («Обо мне подумают, что мне это не по зубам?»), последствиях этого («Как люди будут реагировать, если они думают, что я расист?»), о том, что мы должны сделать, чтобы уничтожить стереотип («Будет ли у меня есть шанс показать этим людям, что я хороший человек?»). Оно вызывает глубокие размышления, которые занимают наш ум, отвлекая нас от поставленной задачи – от вопросов стандартного теста, который мы сдаем, или от разговора с людьми другой расы. Так что за пределами физиологических реакций, которые вызывает угроза идентичности, она также ухудшает производительность и другие действия, мешая нашему мышлению.

Или по крайней мере так думал Жан-Клод Круазе, французский социальный психолог, и его коллеги, о которых я писал в главе 5. Они нашли особенно гениальный способ проверить эту идею. Ученые зацепились за малоизвестный, но удивительно простой факт физиологии человека – прямую связь между разумом и телом: интервалы между вашими сердцебиениями, как правило, тем более стабильны, чем более активное участие вы принимаете в умственной деятельности или, на языке психологии, чем больше ваша когнитивная нагрузка. Данное явление отражает метаболические требования от умственной деятельности, а это значит, что разброс в том, как быстро бьется ваше сердце, является показателем того, сколько вы думаете. Чем больше когнитивная нагрузка, тем стабильнее сердцебиение; чем меньше нагрузка, тем более переменным является его интервал.

Имея это в виду, а также приготовив необходимое физиологическое записывающее оборудование, Круазе и его группа проверили простую идею: если угроза подтверждения стереотипа налагает большую когнитивную нагрузку на людей, заставляя их размышлять об угрозе и ее последствиях, тогда люди под угрозой подтверждения стереотипа должны иметь более стабильное сердцебиение, чем люди, не находящиеся под угрозой.

Команда Круазе воспользовалась тем, что мы, психологи, считаем особенно сомнительным стереотипом во французском университете: студенты естественнонаучных специальностей умнее, чем учащиеся на психологических. Мы ненавидим этот стереотип. Но вот он в деле. Команда дала будущим специалистам тест Рейвена на интеллектуальное

развитие и получила стандартную закономерность эффекта угрозы подтверждения стереотипа. Студенты психологических специальностей набрали меньше очков, чем студенты естественнонаучного отделения, когда тест был представлен как тест на интеллектуальные способности. Студенты психологических специальностей испытывали риск подтверждения негативного стереотипа об интеллекте своей группы, но они набрали то же самое количество баллов, что и студенты-естественнонаучники, когда избавились от давления, представив тест как головоломку без диагностики интеллекта.

Конечно, Круазе и его коллеги интересовались другим. Они измерили интервалы сердцебиения на протяжении всего теста у всех участников. Они обнаружили, что интервал сердцебиения был более стабильный у всех тех, кто думал, что тест проверял интеллектуальные способности. И будущие психологи, которые были под угрозой подтверждения стереотипа, и студенты естественнонаучных специальностей, которые находились под меньшей угрозой стереотипа во время теста, казалось, несли значительную когнитивную нагрузку. Нечто другое позволило провести различие между двумя группами: интервал сердцебиения и качество выполнения. Чем упорнее естественнонаучники думали (меньше угрозы подтверждения стереотипа), как указывал более стабильный интервал сердцебиения, тем лучше они справлялись. Но чем больше ломали голову психологи, рискуя подтвердить стереотип, чем стабильнее был их интервал сердцебиения, тем хуже они выполняли задание. Усердные раздумья естественнонаучников при малом давлении стереотипа отражали конструктивное взаимодействие с испытанием. Старания будущих психологов, рискующих подтвердить стереотип, отражали глубокие раздумья, мешающие их результативности.

Когда мы рискуем подтвердить стереотип, который нам не нравится, и это то, что мы любим, наш разум несется. Он, возможно, делает такие вещи: оспаривает стереотип, отрицая его применимость к нам; ругает всех, кто мог когда-либо так подумать о нас; ощущает жалость к себе; пытается собраться, чтобы опровергнуть стереотип. Мы защищаемся и справляемся с угрозой стереотипности. Мы, вероятно, в курсе части этой защиты и совладания с самим собой. Но большую часть времени мы не обращаем внимания на эти мысли, только если мы не будем очень стараться прислушаться. Большой смысл находки команды Круазе заключается в том, что ум, пытающийся победить стереотип, оставляет мало умственных способностей для всего, что мы делаем.

Два психолога из Университета Аризоны, Тони Шмадер и ее

аспирант Майкл Джонс, развили точную модель того, какие именно возможности теряет мечущийся разум. Его основным недостатком является рабочая память – «тип памяти, используемой для того чтобы сохранить и манипулировать информацией для немедленного или близкого к немедленному использованию» – например, для сдачи тестов, участия в беседах или дискуссиях, чтение домашних заданий по политологии у афроамериканцев в одиночку в комнате общежития.

Шмадер и Джонс попросили студенток колледжа, заинтересованных в математике, подсчитать гласные в ряде предложений, и между предложениями они вставляли не связанные с ними слова. Они обнаружили, что женщины под угрозой стереотипа, ждавшие сложный тест по математике, могли сосчитать гласные в предложениях на отлично, но не могли запомнить слова между предложениями – по крайней мере, не так хорошо, как женщины, которые ждали простой тест и не были под угрозой стереотипа. Мечущийся разум ухудшил способность женщин выбирать лишние слова между предложениями, то есть ухудшил их емкость памяти. И что так же важно, Шмадер и Джонс показали, что, чем больше угроза подтверждения стереотипа вредила емкости памяти – например, путем запоминания меньшего количества случайных слов, тем хуже женщины справлялись с последующим тестом по математике. Ухудшение рабочей памяти вследствие угрозы подтверждения стереотипа вызывало непосредственное ухудшение математических показателей.

Шмадер и Джонс разработали модель мечущегося ума. Во-первых, угроза подтверждения стереотипа заставляет нас быть бдительными ко всему, что имеет отношение к угрозе, и к тому, каковы наши шансы избежать ее. Во-вторых, она вызывает сомнение в себе, а затем размышления, насколько оправданы сомнения. В-третьих, данные тревоги ведут нас к тому, чтобы постоянно контролировать, насколько хорошо мы работаем (и это может быть причиной удушья у спортсменов, например). Наконец, волнение заставляет нас подавлять угрожающие мысли о том, что дела идут плохо или о плохих последствиях подтверждения стереотипа. Были ли вы на этом месте? Если так, то вы знаете, что требуется масса умственной деятельности, и в то время как она осуществляется, не так много ресурсов остается на другое.

Это мнение подкреплено исследованиями Анны Крендл, Дженнифер Ричесон, Уильяма Келли и Тодда Хизертона, которые использовали магнитно-резонансную томографию для изучения влияния угрозы подтверждения стереотипов на мозговую активность. Они

пригласили двадцать восемь сильных в математике студенток, чтобы решить пятьдесят сложных математических задач, лежа в томографе, сканирующем их мозг. Обнаружив поток крови в зонах мозга, сканер мог измерить уровень умственной активности в разных областях мозга, пока женщины делали математику. Половина женщин находилась под угрозой подтверждения стереотипа, пока они работали (перед началом решения математических задач им напомнили, что исследования показали гендерные различия в математических способностях и производительности); другая половина женщин не была под угрозой стереотипа, или была в относительно меньшей степени, пока они работали (им не напомнили о математическом гендерном стереотипе).

Какие нейронные структуры были активированы угрозой стереотипа? Ученые нашли четкую закономерность: «Хотя женщины [не под угрозой подтверждения стереотипа] использовали нейронные сети, которые [из предыдущих исследований] связаны с математическим обучением (т. е. угловая извилина, левая теменная и префронтальная области коры головного мозга), женщины, которые [под угрозой подтверждения стереотипа] не использовали данные области и показали повышенную активность в нейронной области, которая [из предыдущих исследований] связана с социальной и эмоциональной обработкой (вентральная передняя поясная кора)». Угроза подтверждения стереотипа ослабила деятельность в той части мозга, которую мы используем для решения задач, и повысила активность в части мозга, связанной с бдительностью к своему социальному контексту и эмоциям. Опять же по словам авторов, угроза подтверждения стереотипа может направить внимание женщин на негативные социальные и эмоциональные последствия подтверждения негативного стереотипа о своей группе, тем самым повышая тревожность». Другие исследовательские группы показали аналогичные результаты, и исследования в этой области стремительно расширили наше понимание нейронных структур, подверженных угрозе стереотипа.

Но даже сейчас, благодаря физиологическим исследованиям когнитивной нагрузки, мыслям, высказанных Тони Шмадер и Майклом Джонсом и их исследованию мозга, появляется крепкий рабочий консенсус относительно того, как угроза подтверждения стереотипа влияет на нас. Вот он: угроза подтверждения стереотипа и угроза идентичности, личная идентификация, повышают бдительность к возможным угрозам и негативным последствиям в социальной среде, что отвлекает внимание и умственные способности от непосредственной задачи, что ухудшает производительность и общее функционирование, что, в свою очередь, еще больше усугубляет беспокойство, которое еще

больше усиливает бдительность в отношении угрозы и отвлечение внимания. В результате создается полномасштабный порочный круг, стоящий дорого для нашей производительности и общему функционированию.

Что-то подобное случилось с Тедом на его занятиях афроамериканской политологией. Это случилось со всеми участниками, подверженными угрозе подтверждения стереотипа во всех экспериментах по угрозе подтверждения стереотипов. Так часто происходит со стереотипизированными людьми на реальных тестах, когда они разговаривают со своими учителями или когда они участвуют в занятиях, работают в лабораториях и на рабочих местах, где они могли бы подтвердить стереотипы, которые они ненавидят. Их разум мечется, кровяное давление повышается, они начинают потеть, удваивают свои усилия, они пытаются опровергнуть стереотип, созданный в своей голове, и то, что они не могут опровергнуть, они пытаются подавить их, мозговая активность, которая лежит в основе бдительности к угрозе, увеличивается, и это еще больше подавляет деятельность мозга, что критично для их производительности и функционирования. Когда работа трудная, то люди часто отстают. Чем больше они стараются, тем больше разочаровываются, и, чем выше ставки на результат, тем больше подобный эффект. И если угроза является частью длительной ситуации в их жизни – частью их длительного опыта на работе, например, в колледже, в отношениях, в школе – тогда такие реакции могут стать постоянными, хроническими личными идентификациями.

И все это время у большинства людей может быть не больше осознания того, что происходит, чем у мужчин, которые пересекли мост Капилано, осознания мысли, почему их так привлекла женщина – интервьюер.

Таким образом, имеется четкий набор фактов. Мы знаем, что угроза подтверждения стереотипов оказывает реальное воздействие на людей. Она заставляет ум метаться и вызывает полный набор физиологических и поведенческих эффектов. Мы знаем, что люди не очень осведомлены о том, как это происходит, или, по крайней мере, они не хотят признать этого. Мы также знаем, что эти угрозы и их последствия – это угрозы и эффекты идентичности, которые идут рука об руку с особой социальной идентичностью в конкретных ситуациях: женщины в углубленной математике, белокожие мужчины на последних десяти метрах стометровки, чернокожие студенты в авангарде своего класса и так далее.

Данные эффекты важны. Но они были изучены, в первую очередь, в

экспериментах с одним эпизодом. Таким образом, мне стало любопытно, что происходит, когда угрозы становятся хроническими, когда они являются постоянным опытом в какой-то области жизни. Почему от них страдают школьники в классах, люди на рабочих местах, обладающие разными специальностями колледжа, в разных видах спорта причем не только эпизодически, но и в течение длительных периодов: месяцев, годов, иногда десятилетий? Что с ними происходит тогда?

Факты свидетельствуют о тревожном ответе: если люди находятся под угрозой подтверждения стереотипов или иных личных идентификаций в течение длительного периода, им приходится за это платить. Постоянное дополнительное давление может подрывать их чувство благополучия и счастья, а также способствовать проблемам со здоровьем, вызванным длительным воздействием физиологических последствий угрозы. И все это время, как участники исследования на мосту Капиано, они могут мало осознавать, чем они расплачиваются.

Эта мысль привела меня к простому вопросу: есть ли доказательства тому, что приносит людям долгосрочное воздействие угроз идентификации?

Встречайте новый пример с исследованием, которое провел афроамериканский эпидемиолог и исследователь общественного здравоохранения Шерман Джеймс. Он родился и вырос в Хартсвилле, Южная Каролина. Джеймс специализировался в психологии в колледже Талладега и получил степень доктора психологии в Вашингтонском университете в Сент-Луисе, Миссури. К концу его аспирантуры старый школьный друг рассказал Джеймсу о работе в области эпидемиологии и гигиены окружающей среды. Джеймс был поражен. Он всегда хотел заниматься подобным делом. Прошел год. После окончания университета он неожиданно получил звонок с кафедры эпидемиологии медицинской школы университета Северной Каролины в Чапел Холм. Ему предложили работу – должность ассистента профессора по эпидемиологии. Он не мог объяснить, почему ему позвонили, но он знал, что ответить «да».

В Северной Каролине он погрузился в вопрос о расовой диспропорции в области здравоохранения. Он привел его к известному явлению: афроамериканцы как мужчины, так и женщины имеют более высокие показатели артериальной гипертензии (артериальное давление выше 140/90), чем белые американцы. В недавнем докладе говорилось: «Почти треть чернокожих мужчин (34 %) и чернокожих женщин (31 %) считаются гипертониками по сравнению с 25 % и 21 % белых мужчин и женщин соответственно». Кто-то мог бы подумать, что эти различия отчасти объясняются различиями между черными и белыми людьми по доходам, уровню образования, индексу массы тела, курению и тому подобное – всем факторам, которые вызывают гипертонию. Но различия сохраняются, даже когда они корректируются под действием этих факторов. Кто-то мог бы подумать, что генетика африканского происхождения способствует этой болезни, но черные африканцы лишены повышенного давления.

Джеймс начал писать исследовательский грант. Его подготовка включала опрос амбулаторных черных больных гипертонией в больнице университета Северной Каролины. Один человек ему особенно запомнился, рассказчик и лидер местного сообщества, который порадовал Джеймса рассказами о его жизненных победах.

Мужчина родился в районе верхнего Пьемонта штата Северная Каролина в 1907 году в крайней бедности в семье испольщика^[14]. Хотя он, в конце концов, научился читать и писать, он ходил в школу только

до второго класса. Вот что пишет Джеймс:

«Еще более впечатляюще [...] через неустанную работу и упорство, [...] несмотря на огромные трудности, он вызволил себя и свое потомство из долгового рабства испольщины. В частности, к тому времени, когда ему было 40 лет, ему принадлежало 75 акров плодородных земель Северной Каролины. [...] Но ближе к 60 годам он страдал от гипертонии, артрита и язвенной болезни настолько тяжелой, что 40 % его желудка пришлось удалить».

Однажды Джеймс пришел беседовать с ним в полдень. Они сидели во дворе. Человек начал свой рассказ о борьбе и победе. Через некоторое время его жена закричала из дома: «Джон Генри, пора обедать». Слушая о борьбе человека перед лицом трудностей, а затем услышав его имя, Джеймс подумал, что оно будет определять всю его карьеру. Имя мужчины было таким же, как у легендарного Джона Генри, «стального человека» из американского фольклора, и сходство между жизнями двух Джонов Генри было трудно игнорировать.

Легенда о «стальном человеке» возникла в конце девятнадцатого века среди железнодорожников и туннельных рабочих. История сообщает, что события легенды произошли, вероятно, в конце 1870-х годов возле туннеля Биг Бенд в Западной Вирджинии. Согласно легенде, Джон Генри известен повсюду своей удивительной силой и выносливостью в забивании железнодорожных костылей. Его втянули в состязание с паровой машиной, забивающей костыли, и началось их эпическое соревнование. Они шли ноздря в ноздю в течение нескольких дней. На последнем отрезке соревнования Джон Генри сделал финальный бросок к победе шквалом ударов своего девятифунтового молотка. Его победа, однако, далась ужасной ценой. Джон Генри упал в обморок от усталости и умер через несколько секунд после пересечения финишной черты, что стало хорошим уроком для индустриальной эпохи.

Для Шермана Джеймса, слушающего об испытаниях нового Джона Генри и знающего о состоянии его здоровья, легенда была больше, чем легендой – это была метафора психосоматического синдрома, который мог способствовать повышению показателей гипертензии у черных. Джеймс уже знал гипотезу С. Саймса, в 1970-х годах, предположившего, что длительные, большие усилия по совладанию с трудными психосоциальными стрессами могут быть самым скудным объяснением более высокого уровня гипертонии среди бедного населения, включая чернокожих. Хотя Джон Генри Мартин – новый Джон Генри, по Джеймсу – преодолел много невзгод, интенсивные и длительные усилия,

которые, возможно, сказались на его здоровье. Джеймс видел бедственное положение Джона Генри Мартина как символ «более тяжелого положения афроамериканских мужчин и женщин (особенно рабочего класса), пытающихся освободиться от всепроникающих и глубоко укоренившихся систем социально-экономического угнетения». Он намеревался проверить гипотезу «активное сопротивление/ гипертония». В дань исторической драме, которую он увидел в жизни Джона Генри Мартина, он называл ее гипотезой Джон-Генриизма.

Джеймс сперва разработал шкалу для того, чтобы измерить ценности, которые входили в Джон-Генриизм. Шкала включает в себя двенадцать заявлений, таких, как «я всегда чувствовал, что могу сделать из своей жизни то, что хочу» и «когда все идет не так, как я хочу, это заставляет меня работать еще усерднее». Респонденты должны оценивать согласие с каждым заявлением по пятибалльной шкале. Джеймс выдвинул гипотезу, что справляться со стрессом от того, что у вас низкий доход и вы чернокожий, тяжело для всех, но будет особенно тяжело тем, кто набрал высокие баллы по своей шкале, то есть тем, кто находится в группе людей, «кто бы упорствовал с результативным активным сопротивлением тяжелым условиям». Измеренный таким образом, Джон-Генриизм выступает в качестве отношения людей, которые демонстрируют эффекты угрозы подтверждения стереотипа – людей, которые с ней ассоциируются и стараются преуспевать в области, в которой их группа подвержена негативным стереотипам.

Джеймс впервые проверил эту гипотезу на небольшой выборке черных мужчин из округов Питт и Эджкомб в Северной Каролине – два округа, которые, за некоторыми исключениями, являются малообеспеченными и сельскими. Каждый участник заполнил шкалу исследования, и ему измерили артериальное давление. Вот все, что было в исследовании. Догадка Джеймса была правильной: люди, которые набрали высокие баллы в шкале, имели более высокое кровяное давление, чем люди с меньшими баллами, и этот эффект был сильнее среди бедных, чем среди состоятельных мужчин. Дальнейшие исследования в тех же округах включили большее количество участников и подтвердили то же самое. Одно исследование в округе Питт включало 1784 участника в возрасте от двадцати пяти до пятидесяти лет. Было установлено, что среди чернокожих в нижней трети доходов, те, кто набрал мало в Джон-Генриизме, имели только 19,3 процента заболеваемости артериальной гипертензией – в то время как те, кто набрал высокие баллы, составили 35 % случаев.

Отвратительные условия, с которыми сталкиваются чернокожие с

низкими доходами в сельских районах, сами по себе не могут поднять кровяное давление. Для того чтобы это произошло, люди должны в высокой степени разделять ценности Джон-Генриизма; они должны заботиться о том, чтобы преуспевать достаточно, для того чтобы вытерпеть борьбу со сложными условиями. Раса тоже является определяющим фактором. Белокожие, жившие в тех же условиях и разделявшие ценности шкалы, не имели повышенного давления. Именно высокие баллы по шкале в совокупности с условиями бедности и черного цвета кожи в тех южных сельских районах увеличивали кровяное давление у людей. Новейшие исследования обнаружили подобные результаты даже среди чернокожих среднего класса.

Исследование в этой главе несет несложное, если не очевидное сообщение: заботясь о том, чтобы преуспеть в тех областях, где ваша группа имеет ущемленное положение, дискриминирована и подвержена негативному стереотипу, вы можете заплатить, иногда очень высокую цену. У вас может не быть выбора, кроме того, как внимательно относиться к этому. Было бы трудно, например, не обращать внимание на то, чтобы быть финансово преуспевающим – предполагаемый мотив участников с высоким уровнем Джон-Генриизма в исследовании Шермана Джеймса. Вы платите свою цену даже тогда, когда единственный барьер, с которым вы сталкиваетесь – это негативные стереотипы. Вот что демонстрируют эксперименты по физиологическому воздействию угрозы подтверждения стереотипа. Даже слабые и недолговечные дозы угрозы подтверждения стереотипа, которые можно воплотить в экспериментах, достаточны, чтобы повысить ваше кровяное давление, резко увеличить глубокое мышление, мешать кратковременной памяти и ухудшать результат в трудных заданиях. И если вы будете продолжать в течение длительного времени уделять внимание и стремления той области, где ваша группа негативно стереотипна, ущемлена и дискриминируема, ваши острые реакции могут перерасти в хронические проблемы со здоровьем – с высокой вероятностью, гипертензии.

Тед испытал острую угрозу идентичности в своей группе по афроамериканской политологии. Он не понимал, что происходит. Но он мог сообщить об интенсивных симптомах – крайней нервозности, мечущемуся уму, отсутствию уверенности в обычных вещах, даже в произношении собственного имени. Непосредственные последствия угрозы были сильными, но в случае Теда – недолговечными. Предположим, они продолжались долго. Предположим, что, для того, чтобы он достиг своей основной цели, он должен был бы провести большую часть своей жизни в условиях, где из-за одной из его идентичностей ему бы пришлось выдержать угрозу, которую он перенес в той группе. Он бы привык к этому. Он бы развил навыки совладания. Он бы начал общаться с людьми в одной лодке с ним. Все-таки ему пришлось бы иметь дело с этой угрозой на постоянной основе. Было бы закономерно ожидать, что через некоторое время он начал бы расплачиваться своим здоровьем.

Даже когда, как Джон Генри Мартин, Тед мог бы заплатить такую

цену, настолько сильно давление в обществе относительно того, чтобы стать финансово защищенным и успешным. Но правда в том, что он, скорее всего, заплатил бы цену, осознавая ее в той же степени, в которой мужчины, шедшие по мосту Капилано, понимали, почему им так понравился интервьюер, с которым они познакомились. Жизненные потребности и цели находятся в психологии на переднем плане, цена следования им находится в тени. Мы не можем полагаться ни на ответы Теда, ни на слова Джона Генри, чтобы увеличить расходы на здравоохранение, которые они несут по мере необходимости.^[15]

Чтобы сократить эти расходы, нам нужно понять, что делает их большими и что делает их маленькими, что делает давление идентичности, которое способствует им, хуже, а что делает его лучше – вопрос, к которому я и сейчас обращаюсь.

Глава 8

Роль сигналов в силе угрозы подтверждения стереотипа

23 июня 2003 года Верховный суд США огласил решение по двум прецедентным делам позитивной дискриминации, в которых Мичиганский университет защитил свое право на рассмотрение расы абитуриента при поступлении в его бакалавриат (Гратц против Боллинджера) и поступлении в юридическую школу (Граттер против Боллинджера). За недели до объявления решения 23 июня я был уверен, что знал, какими будут решения. Я слышал интервью судьи Сандры Дей О'Коннор для Нины Тотенберг на Национальном Общественном Радио в программе «Учитывая все обстоятельства» от 13 мая. Общепринятая точка зрения тогда заключалась в том, что другие восемь судей Верховного Суда разделятся поровну в этих двух решениях, оставив О'Коннор в качестве решающего голоса.

Позитивная дискриминация совсем не упоминалась в интервью. Оно в основном было построено вокруг недавно опубликованных мемуаров О'Коннор, «Его Величество закон»^[16], которые начинались с ее юности на ранчо «Лейзи Би» в Аризоне и следовали по всему ее пути в Верховный суд. Когда Тотенберг спросил О'Коннор о ее первых годах работы в Суде, будучи единственной женщиной, О'Коннор сказала, что этот опыт был «удушающим». «Куда бы Сандра ни направилась, пресса следовала за ней по пятам», – сказала она и добавила, что после каждого решения следовало небольшое добавление: чем судья О'Коннор занималась в этом деле? Ее назначение сопровождалось вопросами: «Она достаточно хороша? У нее были феминистские наклонности? Была ли она недостаточно феминисткой?» Гиперконтроль был по всем фронтам.

Затем Тотенберг спросила О'Коннор: «Когда судья Гинзбург (вторая женщина, назначенная судьей) пришла на работу, дела наладились?» О'Коннор ответила: «О, это были небо и земля. Как только появилась судья Гинзбург, давление пропало. [...] Мы просто превратились в двух из девяти судей. [...] Это была такая приятная перемена». Услышав это, пока я ехал в машине, я почувствовал, что знаю, как пройдут решения по позитивной дискриминации. Я чувствовал, что знаю потому, что ее заявление показало, что О'Коннор понимала понятие «критическая масса», основа защиты Мичигана.

Термин «критическая масса» относится к моменту, когда появляется достаточно меньшинств в окружении, таком, как школа или работа, так что отдельные меньшинства больше не чувствуют себя неудобно потому,

что они являются меньшинствами – говоря нашим языком, они больше не чувствуют мешающего уровня угрозы идентичности. Когда судья О’Коннор была единственной женщиной в суде, ей не хватало критической массы. Она была напряжена, обременена дополнительным вниманием, ей приходилось быть как Джеки Робинсон^[17] только от женщин в законодательстве. Когда Гинзбург, вторая женщина, пришла на работу, в суде появилась критическая масса женщин. Стресс и чувство нагрузки у О’Коннор утихли. Перемена была психологической. Ее фактические ограничения изменились. Пресса меньше брала у нее интервью после каждого решения суда; они меньше задавали вопросов о «женской точке зрения» в отношении решений; они больше не следили за ней в ресторанах. Ее рабочая среда теперь включила кого-то еще, кто разделял опыт и видение женщин. Она могла меньше беспокоиться о том, что ее увидят стереотипно.

Когда О’Коннор ушла в отставку и оставила Гинзбург в качестве единственной женщины в суде, Гинзбург потеряла «критическую массу», и ее личные идентификации стали напоминать те, с которыми О’Коннор столкнулась ранее. «Я не понимала, как сильно я буду скучать по ней, пока она не ушла», – сказала Гинзбург вскоре после отставки О’Коннор и добавила: «Мы имеем разный взгляд на много важных вопросов, но мы имели опыт роста, и у нас есть определенные чувства, которых не хватает нашим коллегам-мужчинам». Она сказала, что не хотела, чтобы суд дал понять, что женщина-судья «разовая диковинка, а не естественный порядок вещей». После ухода О’Коннор личная идентификация Гинзбург ухудшилась. Она ушла от естественного порядка вещей к неестественному порядку вещей.

«Критическая масса» не является точным термином. Трудно привязать его к точному числу. О’Коннор, например, наслаждалась чувством «критической массы», имея всего лишь одну коллегу-женщину в суде. Мало колледжей тем не менее могли бы считать двух студентов из числа меньшинств, критической массой. Что тут вообще происходит? Один из вариантов заключается в том, что число меньшинств вокруг должно быть достаточно большим, чтобы улучшить идентификации отдельных меньшинств. Только двух черных студентов в кампусе колледжа слишком мало, чтобы повлиять на учебное сообщество – преобладающие стили, статус, студенческих лидеров, вероятность быть стереотипным и так далее. Например, будет ли 100 или даже 500 чернокожих достаточно для достижения критической массы чернокожих в Мичигане, где более 36000 студентов? Тем не менее приход всего одной женщины в Верховный Суд из девяти судей резко изменил идентификацию второй женщины Сандры О’Коннор.

Известный Гарвардский организационный психолог Ричард Хакман и его коллега Ютта Оллмендингер рассмотрели этот вопрос относительно включения женщин в симфонические оркестры по всему миру. Их находки были захватывающими. В оркестрах с небольшим процентом женщин (от 1 до 10 процентов) женщин-музыканты чувствовали себя так же, как Сандра Дей О'Коннор в Верховном Суде до появления второй женщины-судьи. Они чувствовали интенсивное давление в том, чтобы отстоять себя и соответствовать мужской модели поведения на работе того, как вели себя хорошие участники оркестра. Оркестры, в которых процент женщин приблизился к 20 процентам от общей массы или около того (некоторая степень критической массы) еще были проблемы-проблемы, которые отличались от тех, когда женщины были только единицами в оркестре. И только когда доля женщин в оркестре достигала около 40 процентов, мужчины и женщины стали демонстрировать более положительный опыт общения с ним.

Поэтому трудно быть точным в отношении критической массы. Но слушая автомобильное радио в тот день в 2003 году, я знал, что Сандра Дей О'Коннор понимала, что критическая масса реальна и важна, несмотря на всю неточность этого понятия. Она пережила ее отсутствие и ее присутствие в своей жизни.

Судья О'Коннор, возможно, желала бы, чтобы мир был проще: например, что мы все просто личности, что в любой школе и на любой работе была по существу одинаковая ситуация для всех независимо от идентичности. Она наверняка хотела, быть единственной женщиной в Верховном Суде равнялось тому, каково быть мужчиной в Верховном суде. Она могла бы предпочесть интерпретацию закона, который бы строго учитывал только взгляд на индивидуальность и не признавал бы групповую личную идентификацию. Ее все-таки воспитали на приграничном Западе, в регионе, известном своим индивидуализмом. Но она также знала свой собственный опыт. И, в конце концов, решение по Мичиганскому университету она вынесла, опираясь на него. Вместе с О'Коннор в качестве решающего голоса, Мичиган проиграл дело бакалавриата (за использование методов, которые считались слишком близкими к строгому квотированию), но дело юридической школы, которое сохранило право университетов рассматривать расу как один из нескольких важных факторов при принятии решения – это сигнал суда о том, что он считает критическую массу студентов из меньшинств важной для умения студентов функционировать и учиться в университетской среде. Это дело о том, что Мичиган выиграл.

Сандра Дей О'Коннор испытала интенсивную угрозу идентичности в обстановке, имеющей для нее большое значение, такой, в частности, как Верховный Суд. Центральный вопрос этой главы состоит в том, что делает эту угрозу ощутимой и что определяет, насколько сильно человек от нее зависит?

Моя первая догадка, как я уже признался, следовала за моими психологическими наклонностями. Должно быть что-то психологическое в том, что делает человека восприимчивым к угрозе – отсутствие уверенности в себе, повышенная чувствительность к возможности дискриминации, низкая готовность к борьбе с разочарованием. Но наши ранние исследования показали другое направление. Люди, наиболее пострадавшие от этой угрозы, были такие люди, как Сандра Дэй О'Коннор, Рут Бейдер Гинзбург и учащиеся из числа меньшинств и женщин в топе группы. Если еще большие способности достигать своей цели были необходимы для преодоления угрозы, то это было почти невозможно.

Поэтому мы начали изучать роль обстоятельств. Таким образом, мы дошли до идеи личной идентификации, конкретных обстоятельств, которые сопровождали личность человека в конкретных ситуациях. Она привела нас к следующей идее: то, что определяет, какую степень угрозы идентичности человек чувствует в обстановке, – это ключ к обстановке, который может сигнализировать об идентификациях, такой ключ, как в случае О'Коннор, было повышенное внимание к ее решениям по сравнению с решениями других судей и вопросы, которые ей задавали, руководствуясь гендерными стереотипами и так далее. Мы пришли к рабочей гипотезе о том, что заставляет чувствовать угрозу идентичности и что дает ей влияние: это более чем индивидуальные черты, сигналы личной идентификации в обстановке.

Пока мы думали об этом, у меня произошло событие, которое наглядно проиллюстрировало мне эту мысль. Я посетил стартап Силиконовой долины. Возрастные сигналы там были повсюду. Генеральному директору было двадцать шесть лет, а остальные сотрудники были моложе его. Велосипеды висели на крючках над рабочими кабинками сотрудников. Играла музыка, которую я никогда раньше не слышал. Я чувствовал себя старым. Я представлял, как бы я себя чувствовал, если бы работал там. Я представлял, что беспокоюсь о своих коллегах. Они могли не иметь общего предубеждения против

пожилых людей, но в этой ситуации они бы увидели меня стереотипно – как «пожилого человека без компьютерной смекалки». Они могут встретить меня с покровительственно низкими ожиданиями или обесценивать мой вклад в рабочий процесс. Они могут рассматривать меня как малоинтересную личность или даже беспокоиться, что общение со мной будет стоить им статуса, и не садиться рядом со мной в кафетерии или на собраниях. Я мог бы беспокоиться обо всех этих идентификациях, даже если никто в фирме не сказал бы мне ни слова. Велосипеды, висящие над кабинками, или какая-то музыка этих сигналов вокруг было бы достаточно.

Данная идея стала нашим главным исследовательским вопросом: могут ли сигналы, часто невинно появляющиеся сигналы, которые, казались естественными, неизбежными ингредиентами ситуации, регулировать, как сильно человек ощущает угрозу идентичности?

Есть веские причины так думать. Если вы интегрируетесь в обстановку (как О'Коннор в Верховном Суде, как Тед на занятии по афроамериканской политологии) тогда бдительность к возможным личным идентификациям находится в центре внимания. И какая еще имеется релевантная информация кроме характеристики обстановки? Часто больше ничего нет. Это не самая простая задача. Любой конкретный сигнал может рассказать вам все, что вам нужно знать, или ничего вообще. Вы постоянно должны выискивать, используя иногда множественные сигналы, чтобы отыскать значение. Количество телефонных сообщений, которые получала Судья О'Коннор от репортеров после решения суда могло говорить ей о том, что ее роль в решении находится под особым вниманием – ее личная идентификация в суде. Или тенденция обращения адвоката к зрительному контакту только с судьями мужского пола могла говорить ей о том, что ее пол умаляет ее положение в зале суда – еще одна личная идентификация. Она не знала наверняка. Эти детали могли ни о чем не говорить. Но на каком-то уровне явно или неявно она, вероятно, перебирала их, пытаясь их понять и используя для этого ценные когнитивные ресурсы.

Мы пришли к простому рабочему правилу: если сигналы в обстановке, которая вызывает тревожность, накапливаются, чувство угрозы идентичности, скорее всего, появится. Но если такие сигналы редки в обстановке и / или доброжелательны, то чувство угрозы идентичности не возникает или идет на спад. Правила хороши, если они работают. В последующих главах, я надеюсь, что это правило пригодится, чтобы показать, как уменьшить угрозу идентичности, особенно в местах, где ее последствия вредны. Но пока, чтобы передать

масштабы детективной работы, которая переходит в формулировку идентификаций, позвольте мне привести несколько примеров сигналов, о которых я говорю, и их несколько основных типов.

Сигналы, подразумевающие маргинальность, должны быть на первых позициях в этом списке. И номер один среди сигналов – это число других людей в окружении с такой же идентичностью, это сигнал «критической массы». Как сказал Артур Эш, афроамериканская звезда тенниса прошлого поколения, однажды: «Как и многие другие чернокожие, когда я оказываюсь в незнакомой ситуации в обществе, я буду считать. Я всегда считаю. Я считаю количество присутствующих черных и коричневых лиц...». Тед считал лица у него на занятии по афроамериканской политологии, как считала их и Рут Бейдер Гинзбург в Верховном Суде. Практически все считали. Почему? Потому что это говорит нам, достаточно ли собратьев по идентичности находится вокруг нас, чтобы мы не были маргинализированы на основе этой идентичности в ответ на вопрос «критической массы». Малое количество говорит о плохой вероятности: у нас могут быть проблемы с принятием, нам, возможно, не хватает партнеров, которые разделяют наши чувства, нам может не хватать статуса и влияния в окружении. Оно не подтверждает идентификацию. Малое количество увеличивает возможность нашего окружения, которое заставляет нас использовать наши психические ресурсы, оценивая вероятности. Тед, будучи одним из единственных двух белых в своем классе по афроамериканской политологии, все время сохранял бдительность и сидел как на вулкане.

Другие сигналы общества вокруг тоже говорят о маргинальности. Если в окружении нет влиятельных людей вашей идентичности, это вам о чем-то говорит. Возможно, ваши чаяния в нем не сбудутся. Возможно, вам будут насильно присвоены маргинальные роли. Важная вещь о президентских кандидатурах Хиллари Клинтон и Барака Обамы заключается в том, что они помогли политически демаргинализировать людей двух основных идентичностей – женщин и чернокожих. Данные идентичности больше не препятствуют доступу на высший уровень национального лидерства.

Как детектив в погоне за идентификациями, вы также можете отметить, какая обстановка организована вокруг вашей личности. Моя столовая разделена по расам? Дружба в моей школе сгруппирована по социальному классу? У мужчин-профессоров зарплата больше, чем у профессор-женщин? Большинство директоров в моем школьном округе – это мужчины? Мой доступ к ресурсам – от местного бассейна до знания того, как поступить в колледж – зависит от богатства моей

семьи?

И тогда возникают сигналы инклюзивности обстановки. Моя школа оценивает опыт группового разнообразия как существенный или маловажный для чьего-либо образования? Имеет ли школьная администрация единое понимание вопроса или имеются разногласия? Ответы на такие вопросы являются сигналами идентификации: они рассказывают вам с чем, возможно, придется столкнуться в окружении.

И, конечно, есть сигналы предрассудков. Является ли выражение предрассудков общим, нормативным? Некоторые группы презираемы на моем рабочем месте? Люди из разных групп конкурируют друг с другом на групповой основе?

Важно помнить несколько вещей об обнаружении личной идентификации. Во-первых, вы, вероятно, не сделали бы этого, если бы вы не интегрировались лично в обстановку. Могут быть некоторые исключения из этого правила. Студенты меньшинств в школах для меньшинств, например, могут считать ветхость школы как сигнал, что большое общество обесценивает их. Но, по большей части, акт интеграции идентичности вызывает эту детективную работу, которая освещает всю обстановку как источник сигналов о том, с какими идентификациями вам придется иметь дело.

Во-вторых, детективная работа состоит не только о выявлении предрассудков. Как я надеюсь, список проблем интеграции показывает, что не каждая угроза идентичности исходит от предвзято настроенных людей. Подумайте об О'Коннор в Верховном Суде до появления Рут Бейдер Гинзбург. Многие идентификации, с которыми она сталкивалась, имели мало общего с предрассудками ее коллег-судей или ее сотрудников. Некоторые из них, возможно, относились предвзято, но ее проблемы выходили за рамки их мнения: суд, который определяла мужская чувственность и референты, и которые были менее деликатными с точки зрения женщин; отсутствие «критической» массы женщин, которые могли дать ей чувство принадлежности в суде; негативные стереотипы о женщинах в обществе в целом и в правовом мире, которые находились в прямом доступе, чтобы охарактеризовать ее работу; она была единственной женщиной в суде, единственным представителем ее пола в каждом решении суда, и так далее. О'Коннор пришлось бы иметь дело с этими вещами, даже если бы не было ни капли сексизма в людях, с которыми она работала.

Печально, но факт: угроза идентичности не является угрозой предрассудков в одиночку, это угроза идентификации.

Как и у нас, у вас могут возникнуть вопросы. Могут ли несколько сигналов подорвать чувство принадлежности человека? Люди так сильно настроены на детали их социальной среды? Мы подошли к нашим идеям достаточно разумно, хотя, пока мы держались на расстоянии, наше утверждение о влиянии ситуационных сигналов выглядело сильным. Выдержит оно эмпирический тест?

В разработке этих идей я работал в основном с двумя коллегами – Валери Пюрди-Вонс и Мэри Мерфи. Хотя Валери и Мэри родом из разных стран (Валери, афроамериканка из Нью-Йорка, а Мэри, частично латиноамериканка из Техаса) – их различное происхождение, казалось, произвело совокупный талант: обе обладали большой психологической проницательностью, и обе были очарованы тем, как социальная идентичность влияет на повседневный опыт на рабочих местах и в школах. К нам иногда присоединялся Пол Дэвис, проницательный, быстрый аспирант из Университета Ватерлоо в Канаде (в настоящее время он профессор университета Британская Колумбия в Келоуне), и Дженнифер Рэндалл Кросби, еще один, молодой социальный психолог, сильно интересовавшийся, как идентичность формирует образовательный опыт. Наша команда была взбудоражена вопросом, который можно назвать вопросом: «Один в поле не воин?».

Может ли быть оказано влияние на что-то базовое, как наше чувство сопричастности в окружении, случайными сигналами в окружении: велосипедами, свисающими с потолка, сообщениями на телефон от репортеров, пребывание одним из двух белокожих студентов на занятии политологией или проявление этих факторов только двусмысленно сигнализируют об идентификации? Наш внутренний голос говорил, «Да», но мы знали, что разумно предположить, что люди могут легко преодолеть влияние таких сигналов, если они захотят – если, например, для них важно окружение.

Наша интуиция была подкреплена новейшими исследованиями. Майкл Инцлихт и Авив Бен-Зеев провели исследование, в котором женщины решали сложный тест по математике в группах по три тестируемых человека. В группах без мужчин женщины справились с тестом лучше, чем женщины в группах с одним мужчиной, и в группах с одним мужчиной женщины решали задание лучше, чем женщины в группах с двумя мужчинами. Когда число женщин в группах пошло на спад – случайный и неоднозначный сигнал – то же самое произошло с их

результатом. Женщины не были «воинами». На них повлиял контекст – фоновый сигнал, который они, возможно, собирались преодолеть.

Наш собственный Пол Дэвис вместе со Стивом Спенсером опубликовали еще одну демонстрацию силы сигналов. У них студентки колледжа посмотрели шесть телевизионных рекламных роликов, которые были представлены якобы как часть медиаисследования. Для половины этих студентов в двух рекламах показывали женщин, изображенных в глупых стереотипных гендерных ситуациях (например, студентка, превозносящая тусовочную жизнь в своем университете) и для другой половины в рекламных роликах не было гендерного содержания. После просмотра рекламных роликов каждый студент переходил через зал якобы для того, чтобы пройти другое исследование, где ему нужно было помочь выпускнику. Они могли работать над столькими словесными и математическими задачами, над таким количеством, скольким они хотели. Результаты были очевидны. Женщины, которые видели стереотипные образы женщин в предыдущих рекламных роликах, выбрали меньше математических задач для работы, выполнили хуже те задачи, которые все-таки выбрали, и сообщили, что менее заинтересованы в математических специальностях колледжей и карьере, нежели те женщины, которые не видели этих роликов. Совершенно случайное проходное использование сигналов, вероятно, вызвавшее образы женщин, которых эти женщины не хотели подтверждать, не только ухудшило их математические результаты, но и снизило их интерес к математике, математическим специальностям и карьере.

Когда я впервые увидел результаты, я подумал, насколько они соотносимы с реальностью. Безусловно, такие проходящие сигналы могли иметь только слабое и временное влияние. Тогда я вспомнил, что в жизненных ситуациях, как было с Сандрой Дэй О'Коннор до появления Гинзбург в Верховном суде, как было у Теда на занятиях по афроамериканской политологии, как было у женщин в компьютерном классе. Сигналы, которые вызывали такой эффект, не были мимолетными, они являлись сопутствующими ситуации. Таким образом, они имели серьезное и продолжительное влияние. Мы не воины в поле: случайные особенности нашей среды могут повлиять на наши жизненно важные решения и переломные результаты, даже если мы не будем до конца это осознавать.

Так что теперь у нас есть доказательства, что сигналы и угроза, которую они вызывают, могут снизить производительность и даже сделать человека менее заинтересованным в карьерном пути. Но нам не

хватало прямых доказательств того, что случайные сигналы могут заставить людей чувствовать, что они не на своем месте в окружении или что они не могут доверять ему. Так ли это?

Валери Пюрди-Вонс и я придумали простой эксперимент, чтобы это выяснить. Мы выдали черным и белым респондентам реалистичный информационный бюллетень якобы от компании из Силиконовой долины и попросили их (после того, как они прочитают его полностью) оценить, насколько они могли ощутить принадлежность к такой компании, и насколько они бы доверились ей. Чтобы увидеть, будут ли случайные особенности компании, предположительно, сигналы о возможных идентификациях на этом рабочем месте, оказывать влияние на чувство принадлежности и доверия людей, мы составили другие информационные бюллетени – бюллетени, которые включали характеристики компании – и после этого сравнили их влияние на чувство принадлежности и доверия людей.

Некоторые из бюллетеней включали фотографии повседневной жизни – изображали небольшое число меньшинств (чернокожих, латиноамериканцев и азиатов) в компании. В других информационных бюллетенях эти фотографии изображали большее количество меньшинств в компании. Мы также хотели узнать эффект другого сигнала – заявленную политику компании в отношении представленности меньшинств. Некоторые бюллетени включали приметную статью о том, что компания была сильно привержена «политике равного отношения к цвету кожи» – показанная как оказывающая лечение людям и пытающаяся способствовать их благополучию как личностей. И некоторые бюллетени содержали основную статью о том, что компания имеет приверженность «ценностям многообразия» – показанная как ценящая различные взгляды и ресурсы, которые люди из разных слоев общества привносят в работу.

Получилась простая и мобильная процедура. Мы смогли вручить бюллетени различным выборкам черно-белых респондентов – конечно же, студентам в лаборатории колледжа, а также учащимся в кафетерии бизнес-школы, организации чернокожих профессионалов на пятничной вечеринке и совершенно невинным людям в пригородном поезде между Пало Альто и Сан-Франциско. Мы использовали все выборки, и для всех их мы исследовали влияние двух сигналов «критической массы» меньшинств и политики многообразия на то, насколько, по их мнению, респонденты будут ощущать принадлежность компании и доверять ей.

Результаты были очевидны практически для каждой изученной

нами выборки. Белые респонденты (изображенные как группа большинства в наших бюллетенях) чувствовали, что они будут испытывать принадлежность компании и доверять компании независимо от того, какие реплики содержал бюллетень – независимо от того, изображено ли небольшое или среднее число меньшинств в компании (самый высокий процент меньшинств составлял 33 % в наших изображениях) и того, имела ли компания политику помощи дальтонику или проводила политику многообразия. Статус большинства внутри и вне компании допускал чувство принадлежности.

Черные респонденты, однако, вели себя так же, как Артур Эш: они считали. Когда компания была изображена как имеющая среднее количество меньшинств, они доверяли ей и говорили, что они будут чувствовать принадлежность к ней как белые респонденты. И они чувствовали это независимо от политики многообразия компании. Заложенная «критическая масса» успокаивала их бдительность.

Но когда компания была изображена как имеющая низкое число меньшинств, доверие чернокожих и чувство принадлежности компании были более обусловленными. Политика многообразия приобрела решающее значение. Интересно, что политика равного отношения к цвету кожи – возможно, доминирующий подход Америки к этим вопросам – не сработала. Она породила меньше доверия и чувства принадлежности. Как будто негры не могли воспринимать политику равного отношения к цвету кожи за чистую монету, когда число меньшинств в компании было небольшим. Но при этом важно и также интересно, что черные больше доверяли компании, когда она поддерживала политику ценности многообразия. При наличии такой политики они доверяли компании и верили, что могут испытывать в ней чувство принадлежности, даже когда в ней было мало меньшинств. Практический урок здесь заключается в том, что и «критическая масса», и подход, который ценит многообразие, могут способствовать тому, что меньшинства будут чувствовать себя более комфортно в обстановке.

Результаты также показывают нечто более общее: когда люди оценивают угрозу идентичности, один сигнал может сформировать интерпретацию другого. Политика, которая явно ценит многообразие, привела чернокожих респондентов к тому, чтобы не обращать внимания на низкое число меньшинств в компании, сигнал, который в противном случае беспокоил их значительно. И изображение большого количества меньшинств в компании заставило их упустить из виду тревоги, которые они в противном случае имели бы относительно политики равного отношения к цвету кожи. Тогда значение одного сигнала зависело от

того, какой другой сигнал также присутствовал.

Здесь может лежать принцип лекарства: если достаточно сигналов в обстановке могут привести членов группы к ощущению «безопасности идентичности», это может нейтрализовать влияние других сигналов в настройках, которые могли бы в противном случае угрожать им. Как только судья Гинзбург пришла в Верховный Суд, многие из сигналов в этой обстановке, которые заставили судью О’Коннор чувствовать угрозу идентичности, все еще присутствовали: такие сигналы, как доминируемая мужская культура и деликатность суда, история суда, в котором все судьи были мужчинами, культурные подозрения о способности женщины быть хорошей судьей и так далее. Но с появлением Гинзбург в суде, О’Коннор хватило безопасности идентичности – достаточно было изменить критическую личную идентификацию – чтобы другие сигналы не беспокоили ее так сильно. Она знала, что была в большей безопасности.

Исследования, которые мы с Валери делали, открыли возможность: чтобы сделать обстановку безопасной для идентичности, возможно, вам не нужно менять все, например, искоренять все возможные угрозы для личности. Возможно, вы могли бы обойтись парой серьезных изменений, которые внося значительную степень безопасности личности, могли бы уменьшить угрозу значения других сигналов. К этому мы вернемся в следующей главе.

Но прежде чем исследовать эту идею, Мэри Мерфи хотела глубже взглянуть на влияние сигналов. Она присоединилась к нашей лаборатории, испытывая интерес к отношениям между разумом и телом, связи между психологическим и физиологическим функционированием. Ее вопрос был похож на вопрос Джона Генри: какова физиологическая стоимость угрозы идентичности? Сандра Дэй О’Коннор и Тед Макдугал заплатили физическую цену за то, что выдержали угрозы, спровоцированные сигналами, с которыми они столкнулись? Могут ли случайные ситуационные сигналы подобные тем сигналам, что попали в эксперименты, которые Валери и я проводили, иметь физиологические эффекты – вызывать учащенное сердцебиение, повышенное артериальное давление, повышенную потливость как признаки стресса? Мы знали к тому времени (см. главу 8), что ощущение угрозы подтверждения стереотипа во время прохождения теста имело такие последствия. Но решение теста вызывает напряжение. Вопрос Мэри был о физиологической стоимости угрозы идентичности в обыденной, повседневной ситуации. Если бы я действительно начал работать в Силиконовой долине в стартапе, велосипеды, свисающие с потолка,

повлияли бы на меня *физиологически*? У Теда Макдугала была физиологическая реакция на занятие по афроамериканской политологии?

Нам нужна была помощь с этим исследованием. Мэри поднялась в наше здание и попросила у Джеймса Гросса, одного из ведущих национальных исследователей в области психологии и физиологии человеческих эмоций, разрешения присоединиться к проекту. Он очень занятой человек, но он любезно согласился. Наша маленькая команда начала действовать, обращаясь к основному вопросу: случайные ситуационные сигналы, которые могут говорить об угрозе личной идентификации, но которые полностью случайны в обстановке – способны ли влиять на людей физиологически? К этому вопросу мы добавили еще один: делают ли эти сигналы людей более бдительными в окружающей среде, заставляют ли они их больше ожидать неприятностей? Мы могли проверить их бдительность в обстановке, тестируя их память на случайные особенности – например, количество женщин и мужчин там, где они сидели, где была дверь, и так далее. Чем более бдительными они были, тем больше таких особенностей они должны помнить.

Мы привели мужчин и женщин, специализирующихся в математике и естественных науках в Стэнфорде, в лабораторию по одному. Нашей заявленной для них целью было попросить их оценить видео, которое рекламировало математическую, научную и техническую лидерскую конференцию (МНТ) в Стэнфорде следующим летом. Мы объяснили, что мы также были заинтересованы в их физиологических реакциях на видео, и спросили их разрешения прикрепить физиологические сенсоры к их запястьям на время просмотра. На видео представлены фотографии, якобы сделанные на предыдущей летней конференции. Некоторые участники увидели «сбалансированное видео», в котором каждая фотография содержала изображения мужчины и женщины. Другие увидели «несбалансированное видео», в котором каждое фото включало в себя трех мужчин на каждую женщину, сигнал, который, по нашему мнению, мог вызвать угрозу идентичности у женщин-зрителей. После показа видео мы с помощью анкеты проверили память всех участников на случайные черты, содержащиеся на видео и черты экспериментальной комнаты в конце эксперимента.

Что случилось? Почти ничего не изменилось для мужчин, специализирующихся в математике и науке. Их физиологические реакции не были затронуты соотношением полов на видео. Они были спокойны в течение всего времени. Их память на случайные черты видео

и окружения была одинаково плоха. Совсем иначе было для женщин, специализирующихся в математике и естественных науках, которые смотрели видео «три к одному». По сравнению с женщинами, которые смотрели видео «один к одному», и с мужчинами, у этих женщин была отмечена повышенная частота сердечных сокращений, кровяное давление и потоотделение, и они помнили больше случайных особенностей как на видео, так и в экспериментальной комнате. Они были возбуждены и уделили больше внимания, предположительно, выискивая сигналы идентификации в «лидерской конференции». Простое увеличение доли мужчин среди женщин достаточно сильно влияло на их физиологические реакции, их бдительность в окружении и, в конечном счете, их память.

Сандра Дэй О'Коннор и Рут Бейдер Гинзбург, возможно, не понимали этого, но во время своих одиночных периодов в Верховном Суде, они несли дополнительную физиологическую нагрузку, невидимую стоимость их дополнительной бдительности, которую им приходилось чувствовать. Мэри и я обнаружили, что вызвать подобную реакцию достаточно легко. Она происходит при самых обычных обстоятельствах. Разница между видео «три к одному» и «один к одному», если вы не женщина в этой экспериментальной ситуации, вряд ли заметна. Тем не менее, видео «три к одному» было достаточно, чтобы ускорить пульс, повысить кровяное давление и увеличить стресс женщин-участниц, а также заставить их рассматривать видео и экспериментальную комнату в поисках подсказок о вещах, с которыми им, возможно, придется иметь дело как женщинам из мира математики, науки и техники.

Мы с Мэри проводили другие подобные эксперименты. Они также показали силу случайных привычных сигналов и то, как они способны вызывать угрозу идентичности. И они показали, что сигналы делали это, заставляя людей беспокоиться о плохих вещах, с которыми они могут иметь дело в ситуации на основании того, кто они есть. Что важно, эти эксперименты воспроизвели обнадеживающее нас открытие, которое Валери и я делали ранее: сигналы, которые демонстрировали безопасность идентичности, часто подавляли угрозу идентичности участников, даже когда другие сигналы в обстановке все еще представляли ее.

Мы начали исследование (Валери, Мэри и я) в поисках того, от чего зависит сила угрозы идентичности. Я думаю, мы нашли ответ. Это сигналы и особенности обстановки демонстрируют плохие личные идентификации. Чем больше таких сигналов, тем хуже угрозы они

предвещают. Тем больше шансов у угроз, чем больше мы чувствуем угрозу своей идентичности. Речи Сандры Дей О'Коннор в первые дни работы в Верховном Суде были наполнены сигналами – не ненависть, не явное предубеждение со стороны коллег, а просто обычные черты суда и его контекста, которые демонстрировали идентификации, основанные на ее поле – от малочисленности женских туалетов до стереотипных вопросов от репортеров.^[18]

Итак, у нас был рабочий ответ, который мне нравился потому, что было ясно: сигналы и идентификации, по крайней мере на некоторое время, вы можете изменить. Вы можете взяться за них, и вы можете формировать то, что люди думают об этих сигналах. Если угроза идентичности коренится во внутренней психологической особенности, некой уязвимости, тогда ее будет труднее излечить. Хватит ли для этого врачей? Но окружающая среда (по крайней мере на некоторое время) может измениться. И степень, в которой она воспринимается как угрожающая, также может измениться. Мне понравился ответ, который мы получили. Он предложил понимание того, как угроза идентичности и ее пагубные последствия в важных местах, возможно, сократятся. Ответ дал нам подсказку, как подумать о лекарстве. Он поставил акцент на окружении – его значимых особенностях и договоренностях, его «неудобствах», как Берт Уильямс постановил, и на том, как они воспринимаются.

С этим пониманием я чувствовал, что у нас есть что-то, что может улучшить опыт интеграции идентичности в реальных условиях. Я надеялся, что это так потому, что в этот раз мы бросили сами себе этот вызов.

Глава 9

Как уменьшить угрозу идентичности и угрозу подтверждения стереотипа:

Осенью 1967 года я поступил в аспирантуру по социальной психологии в университете штата Огайо в Коламбусе. Первое, что нужно сказать об аспирантуре – или медицинском университете или юридической школе, если уж на то пошло – так это то, что практически никто не начинает учиться без некоторого чувства робости. Вы – новичок в сложном, оценочном мире, в котором вы хотите преуспеть. Вы считываете доступные подсказки в поисках доказательства, что вы на своем месте. Все так делают. Но быть единственным черным студентом по моей программе и одним из двух чернокожих на факультете психологии, где учится более ста аспирантов, в эпоху, когда расовая интеграция была еще в новинку для высшего образования, было удивительно. В общем, я испытывал дополнительное беспокойство.

Соответствовал ли я образу того места? Как и предполагают все аспирантские программы, моя подчеркивала превосходство: ценности, которые определили университет, качество работы, которая его воплотила. Они вдохновляли меня. Но они пришли с багажом – с моей точки зрения единственного черного человека – с багажом полностью «белой» программы. Таким образом, некоторые из случайных особенностей бытия белокожих ученых – выбор мантии, любовь ко всему европейскому, выбор сухих вин, меньшее знание черной жизни или популярной культуры – неявно ассоциируются с превосходством. Превосходство, казалось, имело идентичность, которой я не совсем обладал и беспокоился, что не смогу ей соответствовать. Возможно, я мог бы притворяться некоторое время, но скоро, я был уверен, за красивым фасадом начнет проглядывать неидеальный я. Многие аспиранты, думаю, проходят через подобие данного синдрома самозванца, когда пытаются ассимилироваться в профессиональную культуру. Но, когда между идентичностями пролегает раса, такая профессиональная ассимиляция может показаться почти невозможной.

Средняя форма угрозы подтверждения стереотипа также висела в воздухе. Это было место, где интеллектуальные способности ценились больше всего из человеческих черт, и до меня не преминули донести, что в американском сознании именно этой характеристики моей группе недостает. Чтобы я не забыл об этом, сама наука психология продолжает поднимать вопрос о том, имеют ли черные и белые люди одинаковый генетический интеллектуальный потенциал. В те дни Артур Дженсен выражал сомнения в работе под названием «Насколько мы можем

повысить IQ и научные достижения?» Позже об этом напишут Ричард Хернштейн и Чарльз Мюррей в «Колоколообразной кривой». Психология задает этот вопрос с сезонной регулярностью. И вот я здесь, представитель группы чернокожих решил узнать ответ на этот вопрос.

Трудно было поверить, что естественное поведение без осторожной самопрезентации не принизит меня – не покажет в свете плохих стереотипов о моей группе или не выставит человеком, не попадающим под позитивные стереотипы о тех, кто преуспел в этой области. Давление оказывалось очень большое, оно не ограничивалось рамками тестов. Я чувствовал его на занятиях, в разговорах, пока сидел и смотрел футбол. Оно могло вызвать паралич личности, особенно на факультете, даже в неформальных ситуациях, таких, как пикник. Я никогда не задавал вопросов в классе. Я чувствовал себя, как Тед на его занятии афроамериканской политологией, за исключением того момента, что давление не ограничивалось одним предметом. Я помню, однажды я заметил свои руки посреди семинара. Что значит темнота моей кожи? Ничего? Или все?

Важно подчеркнуть, что происходящее вытекало не из враждебности тех, кто окружал меня. Штат Огайо – это город университета; моя программа добрососедствовала в нем. Люди вообще вступались друг за друга. И со своей стороны я очень старался интерпретировать вещи безобидными способами. Но в те первые дни все время была необходимость в чем-то разобраться. Интеграция в общество – тяжелый труд.

На этом раннем этапе моего обучения в аспирантуре мне не хватало концепции, понимания ситуации, которая могла бы вдохнуть в меня доверие. Не то, чтобы концепции были недоступны. Была концепция «Старайся работать вдвое больше и игнорируй, что другие люди думают о тебе», концепция гражданских прав на терпение и выносливость, концепция под названием «просто верь в себя» и другие. Я выбирал из всего этого. Но уменьшить мое напряжение могла только концепция, которая заставила бы меня на самом деле чувствовать себя в безопасности.

Что-то должно было дать мне эту концепцию. И есть доказательство того, что одна и та же вещь может помочь другим в моем положении. Но сначала возникает более простой вопрос: является ли угроза идентичности такой уж важной? Является ли она основной причиной слабой успеваемости группы, из-за которой я начал это исследовательское путешествие, или это просто незначительный труд? Прежде чем остановиться на том, как все исправить, мы должны знать,

насколько важно исправить угрозу идентичности в реальных колледжах и университетах.

Билл Боуэн – человек с потрясающей энергией. Родом со Среднего Запада, экономист по образованию, он был назначен из профессорско-преподавательского состава президентом Принстонского университета в возрасте тридцати девяти лет. Он стал одним из самых успешных президентов в Принстоне и после ухода в 1988 году стал президентом Фонда Эндрю Меллона, который известен своим значительным вкладом в американское высшее образование, а также в искусство и гуманитарные науки. Как президент Меллона, Боуэн отличался твердым убеждением: основные вопросы политики в сфере высшего образования должны основываться, насколько это возможно, на эмпирических исследованиях. В исследовании должны быть рассмотрены следующие вопросы: Какие факторы происхождения способствуют высокой успеваемости в колледже? Они одинаковы для меньшинств и студентов с низким уровнем дохода? Сколько времени лица, пользующиеся политикой равных возможностей, вкладывают в развитие общества с возрастом? Сколько академически сильных студентов вытесняются с учебы типичной приверженностью колледжа к легкой атлетике? И Боуэн решил показать, что можно провести полезные эмпирические исследования по этим вопросам.

Боуэн также имел силу убедительности и положение, чтобы заставить ведущие колледжи и университеты предоставить данные, необходимые для этого исследования. Он основал свое собственное исследование под названием «Колледж и за его пределами», спонсируемое Фондом Меллона, которое следило за тремя когортами студентов в двадцати восьми лучших колледжах и университетах страны – группы 1951, 1976 и 1987 годов, начиная со времени их учебы и вплоть до взрослой жизни, часто до сорока лет. На основании этих данных Билл Боуэн и Дерек Бок, бывший президент Гарвардского университета, написали в своей книге «Форма реки», что студенты, принятые в эти учебные заведения в рамках политики равных возможностей, даже если во время учебы они шли «против течения» в колледже, впоследствии в жизни достигали результатов выше среднего.

За это время Фонд Меллона также профинансировал еще одно исследование студенческого опыта в селективных школах, его провели социологи Стивен Коул и Элинор Барбер. И Боуэн, и Бок, и Коул, и Барбер нашли серьезные доказательства недостаточной успеваемости учащихся из числа меньшинств – то же самое явление, которое я видел в

комитете по удержанию и набору в Мичиганском университете много лет назад. Ясно, что проблема существовала не только в Мичигане. Но здесь более важно, что обе авторские группы предположили, что причиной может быть угроза подтверждения стереотипа. Боуэн и Бок говорили об этом потому, что неуспеваемость по отношению к белым студентам сильнее всего проявлялась среди сильных чернокожих студентов, а поскольку угроза подтверждения стереотипа влияет на более сильных студентов больше всего, возможно, и в этом случае не обошлось без угрозы подтверждения стереотипа. Коул и Барбер сочли так потому, что, глядя только на сильных студентов (их исследование изучало, что привело студентов к развитию академической карьеры, и, таким образом, было сосредоточено только на более сильных студентах), они обнаружили: неуспеваемость была выше в элитных учебных заведениях, где, по мнению ученых, угроза стереотипов может быть наибольшей. Эти выводы могли иметь и другие объяснения, такие, как нехватка культурного богатства или отсутствие институциональных ноу-хау. Но в течение длительного времени исследователи предоставили убедительные свидетельства влияния угрозы подтверждения стереотипов на успеваемость студентов в реальной жизни – влияние, которое обнаружили в надежных условиях в лабораторном исследовании.

Представляю вам Дугласа Масси и его коллег (сначала в университете Пенсильвании, а затем в Принстонском университете), которые поставили перед собой задачу непосредственно измерить угрозу подтверждения стереотипа, испытываемую чернокожими и латиноамериканцами в лучших колледжах. У Дага Масси имеется много общего с Биллом Боуэном: рост, колоссальная энергия и производительность, а также внимание к тщательным исследованиям важных общественных проблем – сегрегации жилья и латиноамериканской иммиграции, если назвать хотя бы пару примеров. Снова финансируемые Меллоном, Масси и его коллеги запустили национальное исследование успеваемости в колледже, проводимое с несколькими исключениями в тех же заведениях, где работали над исследованием Боуэн и Бок – большая часть Лиги Плюща, крупные престижные государственные университеты и выдающиеся гуманитарные колледжи. На этот раз акцент был сделан на то, как особенности происхождения студентов повлияли на их успеваемость в колледже. Обыграв заголовок книги Боуэна и Бока «Форма реки», они назвали свой первый доклад «Исток реки».

Почти четыре тысячи учащихся, поступивших в исследуемые заведения – в приблизительно равном количестве белые, чернокожие,

азиаты, и латиноамериканцы – были опрошены лично: прежде, чем они прибыли на соответствующие кампусы для первокурсников, и затем вновь, по телефону, каждой весной на первых курсах. График интервью значил, что научно-исследовательская группа нуждалась в способах измерения угрозы подтверждения стереотипа, которую студенты чувствовали в течение почти всего своего первого года. Поэтому они учли особенности происхождения, которые, по их мнению, могли сделать учащегося восприимчивым к угрозе подтверждения стереотипов на территории кампуса. Студентов спросили, насколько они сомневаются в собственных способностях и как сильно они беспокоятся, что профессора и преподаватели свысока посмотрят на их способности. Студенты без таких уязвимых мест все еще могли подвергнуться угрозе подтверждения стереотипа, но команда Масси обнаружила, что подобные уязвимые места влияли на раннюю успеваемость в колледже чернокожих и латиноамериканских студентов, как влияла на них и сила академической подготовки, измеряемая школьными оценками, числом пройденных программ по подготовке в университет, социально-экономическим положением семьи, восприимчивостью студентов к влиянию сверстников и так далее. По словам команды Масси, в значительной степени [...] ранние различия в полученных оценках [между черными и латиноамериканскими студентами и другими группами] объясняются различной восприимчивостью к угрозе подтверждения стереотипа и различными уровнями подготовки к колледжу, которые учащиеся в разных группах имеют, когда приезжают на территорию кампуса.

Так же надо было выяснить, влияет ли на показатели успеваемости угроза подтверждения стереотипа, которую черные и латиноамериканские студенты фактически испытывают на кампусе при сравнении с их восприимчивостью к ней при поступлении в вуз? Команда Маэсси использовала весенние телефонные звонки, чтобы ответить на этот вопрос, спрашивая, например, насколько студенты обеспокоены тем, что их профессора и другие могут увидеть их стереотипно. Исследователи обнаружили, что, чем больше чернокожих и латиноамериканских студентов беспокоят о восприятии, тем хуже их оценки в течение семестра, и это подтвердилось как для студентов с низкой восприимчивостью к угрозе, так и для студентов с высокой восприимчивостью к ней.

Плохая успеваемость в колледже имеет много причин, и команда Масси пришла к выводу, что чернокожие и латиноамериканские студенты столкнулись большим количеством причин, чем их белые и азиатские одноклассники. Чернокожие и латиноамериканские студенты

реже имели обоих родителей в семье; их семьи больше испытывали отвлекающий уровень насилия и травмы в то время, как студент был в колледже; эти студенты родом из сегрегированных слоев, которые дали им меньше доступа к культурным знаниям и ноу-хау, которые сопутствуют хорошей успеваемости в колледже; деньги, необходимые для колледжа, занимали более высокий процент от их семейного дохода; они с меньшей вероятностью ходили в старшую школу с курсами подготовки к университету; их друзья до колледжа с меньшей вероятностью были сосредоточены на достижениях в колледже и так далее.

Такие результаты показывают, как недостатки, связанные с расой, классом и этносом (личная идентификация, если вы за пределами колледжа), влияют на успеваемость в колледже. Такие студенты сталкиваются с тысячами укусов, как выразился Масси. Тем не менее, как и все исследования Фонда Меллона, эти исследования показали, что угроза подтверждения стереотипа подрывала успеваемость в колледже в дополнение к влиянию других недостатков. Это горький факт. Он означает, что даже когда черные, латиноамериканцы и коренные американцы преодолевают другие препятствия в попытке получить паритет с белыми и азиатскими одноклассниками, они сталкиваются с дальнейшим давлением угрозы подтверждения стереотипа и угрозы идентичности. Даже привилегированные студенты из этих группы испытывают дополнительное, основанное на идентичности давление, которое работает против их достижений.

Команда Масси, однако, нашла нечто, облегчающее данный эффект – присутствие чернокожих профессоров. Черные и латиноамериканские студенты в вузах практически не испытывали угрозы подтверждения стереотипов на занятиях, где профессор и, вероятно, большее количество других студентов были черными и латиноамериканцами. Опять проявляется эффект «критической массы»? Как сказал Тед о чернокожих студентах в его группе по афроамериканской политологии, просто казалось, что с таким количеством чернокожих студентов вокруг они чувствовали себя свободнее от угрозы идентичности.

Таким образом, угроза подтверждения стереотипов влияет на успеваемость студентов из числа меньшинств в реальных колледжах. Вот в чем дело. Я ожидаю, что будущие исследования найдут факторы, которые смягчают этот эффект: возможно, это давление больше в элитных школах; возможно, оно является меньшим фактором для иммигрантских меньшинств первого поколения (они могут рассматриваться не как часть стереотипной группы); возможно, дело в

цвете кожи студентов.

Тем не менее результаты, которые имеются, ясно говорят, что угроза идентичности является существенной причиной недостаточной успеваемости меньшинств в американском высшем образовании, и это явно требует исправления, которое возвращает меня к тому факту, который изменил мой собственный опыт аспиранта много лет назад.

Томас Остром был назначен моим научным руководителем на факультете, он должен был помочь мне превратиться в ученого с помощью научной практики. Том был тихий и прямолинейный, с клочковатыми волосами, которые, когда мы познакомились, осуществляли переход от коротких волос начала 1960-х годов к длинным волосам конца 1960-х годов. С точки зрения нового аспиранта, он выглядел главным образом как пастор научной строгости. Когда мы говорили об исследованиях в его кабинете, он часто зажигал жирную белую свечу на видном месте на его столе и улыбался с надеждой.

Напомним, что в то время моя личность находилась в полной изоляции, особенно в вузе. Хотя мне действительно нравилось общаться с Томом. Он был спокойный, серьезный и приятный, но не очень открытый. Он, казалось, не беспокоился о моем «параличе». Может, он не знал, что с ним делать, или, может быть, он даже не заметил этого. Кажется, Том не акцентировал внимание на мне. Скорее, в свете свечи он видел свое исследование, которое захватило его. Прошло много лет прежде, чем я получил какую-либо прямую похвалу от него, но его интерес к тому, что мы делали вместе, был крепким с самого начала.

Я понял его посыл: он верил в меня как в достойного партнера. Каким-то образом его предположения о том, что он делает как ученый, включали меня как, по крайней мере, потенциально способного коллегу. Моя расовая и классовая принадлежность ему не помешала. Если бы он хвалил меня, я, возможно, не доверял бы ему, настолько бдительным я был к угрозе. Но я мог доверять спокойным рабочим отношениям. Мой паралич начал ослабевать. Я дразнил Тома из-за игры на банджо. Он убеждал меня, что блюграсс^[19] – действительно крутая музыка, и что я должен дать ей шанс, хотя он знал наверняка, что для ребенка из Чикаго это вряд ли произойдет. Мы смеялись. Моя мотивация росла. Я заинтересовался исследованием так же, как и он. Тому это понравилось. Мы нашли точки соприкосновения.

Когда наши отношения с Томом установились, меня стали меньше беспокоить те же сигналы, что беспокоили меня и раньше: постоянные ссылки на то, кто был умным; почти полное отсутствие меньшинств в программе или в сфере; преподаватель, который использовал слово на букву «N»^[20] в классе – все это были доказательства того, что я был из культуры, отличной от той, которая доминировала в моем окружении. Мне они не нравились. Но они не значили, что я не могу стать своим. На

научном уровне люди будут принимать мою работу за чистую монету. Мой научный руководитель поступил так.

У Тома не было ни знаний об угрозе подтверждения стереотипов, ни знаний об афроамериканском опыте, если на то пошло. Они не лежали в основе нашего взаимопонимания: оно опиралось, скорее, на прямые, добрые, но в основном рабочие отношения, выступавшие как сигнал для высокой «критической массы» (т. е. большое число меньшинств или женщин в обстановке) в экспериментах, которые проводили Валери Пэрди-Вонс, Мэри Мерфи и я. Это изменило значение других сигналов в моем окружении.

Много лет спустя совершенно самостоятельно очень вдумчивый аспирант по имени Джеффри Коэн, человек с манерой поведения, не похожей на Тома Острома, разработал гениальный эксперимент, который фактически подверг стратегию наставничества Острома эмпирической проверке.

Джефф – социальный психолог, интересующийся как психологической теорией понимания основных психологических процессов, так и практическим применением психологии. В студенческие годы в Корнелле он работал в образовательных программах для социально незащищенных лиц и провел семестр зарубежных исследований по социальным проблемам и политике в Сассексе, Англия. Этот опыт Джеффа привел его к практическому и важному вопросу: как белый учитель может сделать критическое замечание черному ученику, чтобы он поверил ему и получил дальнейшую мотивацию?

Сначала можно спросить, почему черные студенты в первую очередь не доверяют замечаниям? Давайте взглянем на ситуацию с их точки зрения. Сам факт быть черным, в свете стереотипов создает затруднительное положение в том, как интерпретировать критическое замечание по учебной работе. Замечание основано на качестве работы или на негативных стереотипах о способностях группы? Двусмысленность часто является личной идентификацией чернокожих студентов. Возможно, вы действительно не верите, что пример критического замечания связан со стереотипами, или вы можете не хотеть верить этому, но возможность не всегда можно легко отбросить. И поэтому сложно принять критику полностью. Таким образом, затруднительное положение может изолировать учащегося от ценной обратной связи. Как вы обеспечите конструктивную обратную связь со студентами в этом затруднительном положении? Чтобы ответить на вопрос, мы с Джеффов и Ли Россом, которого я представил ранее, разработали один из самых трудоемких экспериментов в моей жизни.

Мы привели черных и белых студентов Стэнфорда в лабораторию по одному и попросили их написать эссе о своем любимом учителе, которое, если оно окажется достаточно удачным, якобы будет опубликовано в новом университетском журнале о преподавании. Когда они закончили, им сказали вернуться через два дня, чтобы получить комментарий по качеству их эссе. В этот промежуток времени Джефф и его коллеги на самом деле прочитали, исправили грамматические ошибки и подготовили замечания по каждому эссе – задание, которое, по ходу эксперимента, часто задерживало их допоздна.

Когда студенты вернулись через два дня, им представили замечания одним из трех способов; после этого, они указали, насколько они

доверяют комментариям, и насколько они мотивировали их на то, чтобы улучшить свое эссе.

Два способа дать комментарий не сработали с черными студентами. Не получилось быть нейтральным. Не сработало предварять критические замечания о работе общими поддерживающими словами. В отличие от белых студентов, черные студенты не доверяли этим формам обратной связи, и, не доверяя им, они не были мотивированы улучшить свои эссе. Такие формы обратной связи, в конце концов, могли прикрывать некоторые расовые предубеждения.

Но одна форма обратной связи сработала, как для черных, так и для белых студентов. Я назову ее стратегией Тома Острома. Комментатор объяснил, что он «использовал высокие стандарты» при оценке эссе для публикации в учебном журнале. При этом он сказал, что, прочитав эссе ученика, поверил, что ученик может соответствовать этому стандарту. Его критика в форме обратной связи подразумевает помощь студенту в том, чтобы соответствовать высоким стандартам издания. Черные студенты доверяли такой обратной связи так же, как и белые студенты, и доверие к ней сильно мотивировало их улучшить свое эссе. Для чернокожих студентов стиль обратной связи Острома был похож на воду для пересохшей земли – они редко получали подобное, и как только они ее получили, восстановили доверие и способность быть мотивированными критикой.

Почему такая обратная связь была так эффективна? Она разрешила учеников затруднения с толкованием. Она пояснила им, что учеников не рассматривали с точки зрения стереотипа о плохих интеллектуальных способностях группы. Комментатор использовал высокие интеллектуальные стандарты и считал, что они подпадали под них. Они могли чувствовать себя в безопасности. Мотивация, которая у них всегда была, высвободилась.

Похоже, это было то, что Том Остром сделал для меня. Требуя много и в то же время полагая, что я мог удовлетворить его требованиям, он разбил мою беспокойную концепцию об окружающей обстановке. И помню, причина, почему у меня сложилась концепция и возникла потребность ее разрушить, была в том, что соответствующие стереотипы моей группы наряду с бесчисленными особенностями вуза проецировали идею, что я находился не на своем месте. Я не верю, что у меня сложилось такое мнение из-за какой-то «психической травмы», которая, возможно, образовалась из моего расового опыта в Соединенных Штатах. Положение просто обязывало принять концепцию «Я не на своем месте» как нечто, от чего сложно

отгородиться, как статус меньшинства у Теда на занятиях афроамериканской политологией. Что у меня было, и чего не было у Теда – это наличие некоего человека в окружении, работа с которым помогла изменить концепцию.

Может ли это быть общей стратегией повышения успеваемости в группах со стереотипами об их способностях? Чтобы ответить на этот вопрос, вам придется дать стратегии развернуться в реальном мире и посмотреть, так ли она сильна, чтобы на самом деле улучшить успеваемость на фоне давления и сложности реальной жизни в колледже. [\[21\]](#)

Грег Уолтон был аспирантом Джеффа Козна в Йельском университете в начале 2000-х. Сейчас он профессор психологии в Стэнфорде.

Как Джефф, Грег – творческий, преданный делу ученый с обширными интересами, одним из которых является апробирование социально-психологических идей в реальном мире, чтобы увидеть, могут ли они свернуть горы.

Вопрос, который они подняли вместе, был таким: если бы вы могли как-то непосредственно заменить весьма бдительную к угрозе установку, которая могла возникнуть естественно из сигналов обстановки колледжа, установкой, которая предложила бы убедительную надежду на принадлежность и успех— этого было бы достаточно, чтобы улучшить достижения студентов в колледже? Они придумали простой способ проверить.

Представьте, что вы Афроамериканский студент и вы продираетесь сквозь первый курс конкурентного университета с собственной установкой собственного опыта, которая очень напоминает мою в первые дни в штате Огайо. Место переполнено сигналами, которые вызывают вопросы о вашем собственном месте – небольшое количество чернокожих и других студентов из числа меньшинств, мало администрации и преподавателей из меньшинств, этнические программы исследований, которые рассматриваются как ценные в первую очередь для учащихся из числа меньшинств, а не для учащихся общего профиля, организация социальной жизни, которая в значительной степени формируется расово и так далее. Соответственно, ваша установка о ситуации предупреждает вас о возможности, что в этом учебном заведении вам нет места, чтобы преуспевать и процветать.

Затем в один прекрасный день, в течение чуть менее часа, вам показывают результаты предполагаемого опроса старшеклассников, который суммирует в повествовательной форме их социальный опыт в этом университете. Опрос интересуется вас, потому что вы хотите увидеть что студенты, похожие на вас, но немного старше, испытали в процессе учебы. Результаты показывают, что старшекурсники чувствовали большое разочарование во время первого курса, как и вы, даже глубокое отчуждение от учебного заведения – в смысле ощущения, что они находились не на своем месте – но с течением времени, они приобрели

чувство принадлежности и счастья, благодаря ресурсам и преимуществам учебного заведения и многочисленным примерам долгой дружбы, которая завязалась в нем. Установка, переданная через опрос, заставляет первые разочарования выглядеть как проходящие неприятности на пути к полному надежд будущему. Предположим также, что вы достаточно внимательно изучили результаты опроса, чтобы переложить его на ваш собственный опыт. Ослабит ли он вашу бдительность к угрозе, усилит ли чувство принадлежности и улучшит ли академическую успеваемость?

Когда Грег и Джефф проводили именно этот эксперимент с первокурсниками в северо-восточном университете, они получили обнадеживающий результат. Черные студенты, которые подверглись краткому нарративному вмешательству, которое я только что описал, в среднем получили оценки на треть выше в следующем семестре, чем черные студенты в контрольной группе, которые получили результаты опроса о политических взглядах, а не о жизни в колледже

Это многообещающий результат. Подумайте о долгосрочных эффектах, которые может иметь подобное нарративное вмешательство. Если оно помогает улучшить оценки черных студентов в первых семестрах колледжа, значит, более высокие оценки в дальнейшем повысят уровень чувства принадлежности студента, а оно в свою очередь может еще больше улучшить оценки – во взаимоусиливающей спирали доверительная установка улучшает оценки, а оценки способствуют доверительной установке. Последующие предварительные доказательства свидетельствуют о том, что, возможно, именно это и произошло.

Помощь в формировании установок, которые студенты, находящиеся под воздействием стереотипов, могут использовать, чтобы интерпретировать свой учебный опыт, может быть «рычаговой» стратегией вмешательства. И можно действовать множеством путей. Исследование, которое провели мои коллеги Стив Спенсер, Ричард Нисбетт, Мэри Хаммел, Кент Харбер и я в начале 1990-х годов, в Мичиганском университете, предлагает пример совсем иного вида воздействующих установок. В академической программе на базе общежития мы спонсировали поздние полемические сессии, на которых студенты в группах не более пятнадцати говорили на личные темы: отношения с родителями и семьей, дружба и романтические переживания, случаи из учебной жизни, студенческих братств и женских обществах и тому подобное. Отражая демографические данные университета, чернокожие студенты неизменно составляли небольшое

меньшинство из двух, трех или четырех человек на сеансах. Тем не менее, они приобрели в ходе сессий больше всех, получив оценки на треть выше, чем черные студенты, случайно назначенные на контролируемые программы, которые не предполагали таких сессий, и достигнув среднего балла почти как у белых студентов – тех, которые находились в программе и тех, которые участвовали в контролируемых программах.

Почему? Видимо, ночные разговоры дали чернокожим студентам ту информацию, в которой они нуждались, чтобы иметь более точную и доверительную установку об их опыте. Расовая сегрегация дружеских связей в колледже означает, что, когда дело доходит до личных бесед, чернокожие разговаривают в основном с чернокожими, а белые – с белыми. Черные ученики, возможно, не понимают, что у белых студентов есть такие же проблемы, как и у них. И не видя этого, используя более развитую расовую бдительность в свете более широких сигналов в обстановке, они понимают, что раса играет большую роль в их жизни – как нечто, что держит их на чеку относительно расовых аспектов их деятельности. Беседы помогли исправить это. Они показали, что все стрессы студенческой жизни: оценки, ниже, чем ожидалось, не перезвонивший ассистент преподавателя или однокурсник, недружелюбное поведение другого студента, хроническая нехватка денег – случаются со всеми, независимо от расы. Этот факт меняет установку чернокожих студентов; он делает расовую идентичность менее значимой для интерпретации опыта и повышает доверие к университетской среде. Наличие установки, которая требует меньше бдительности, оставляет больше умственной энергии и мотивации, доступной для академической работы и, таким образом, улучшает оценки чернокожих студентов в этой программе.

Идея о том, что изменение академических установок у студентов, подверженных стереотипам о неуспеваемости, может улучшить их успехи в обучении, показана еще одним способом в гениальном исследовании, которое Джошуа Аронсон, Кэрри Фрайд и Кэтрин Гуд выполнили несколько лет назад. Они хотели уменьшить влияние угрозы подтверждения стереотипа, ненавязчиво дав чернокожим и белым студентам Стэнфорда более обширную установку об интеллекте. Данная идея пришла из исследований психолога Стэнфордского университета Кэрл Дук и ее учеников о том, как наши личные теории о способностях, влияют на нашу способность взяться за серьезное задание в школе, на работе, в спорте. Дук и ее студенты обратили особенное внимание на две теории: «поэтапную теорию», которая представляла способности, необходимые для решения сложного задания, как

тренируемые и постепенно расширяемые, и «фиксированную теорию», которая представляет способность как фиксированный объем, который нельзя содержательно расширить, но который может ограничить чье-то функционирование. Вот как Кэрол описывает свой собственный шестой класс: «Мой учитель, казалось, отождествлял нас с нашими баллами IQ. Нас рассадили по уровню IQ. Если ваш IQ был не высок, она не разрешала вам мыть тряпку для доски, носить флаг на собрании или передавать записки директору... Ученики с более низким IQ чувствовали себя ужасно, а ученики с более высоким IQ жили в страхе, что они пройдут еще один тест на IQ и потеряют свой статус. Не в такой атмосфере воспитывается [...] способность бросить вызов трудностям».

Когда стереотип указывает на интеллектуальные способности вашей группы, подразумевается, что, будучи членом этой группы, вы становитесь как студенты с низким IQ в классе Кэрол – вам не хватает критической фиксированной способности. Такая установка делает разочарование верным признаком того, что вы не можете выполнить работу, что вы не на своем месте. И она мешает вам взяться за учебное задание из-за страха, что вы подтвердите фиксированное ограничение, заложенное стереотипом.

Джошуа, Кэрри и Кэтрин задали вопрос, может ли влияние угрозы подтверждения стереотипа быть уменьшено путем представления учащимся установки об интеллекте как о чем-то расширяемом. Таким образом, академическое разочарование будет представлено как исправимая проблема, а не как неизменное ограничение, уменьшая риск, связанный с подтверждением стереотипа.

Ученые придумали умный способ: они попросили черных и белых студентов Стэнфорда написать письма мнимым учащимся из меньшинств начальной школы в Ист Пало Альто в Калифорнии, поддерживая мнение о расширяемом человеческом интеллекте. Им предоставили сведения, документально подтверждающие способность человеческого интеллекта расширяться: информацию о природе обучения, о том, как изменяется мозг, отражая опыт и образование, и доказательства больших успехов людей в развитии интеллектуальных навыков. И, конечно же, процесс написания письма дал им возможность основательно переработать данные. На белых студентов Стэнфорда, не подверженных отрицательным стереотипам в этой области, письмо не оказало влияния на их последующие оценки. Однако, в случае с чернокожими студентами Стэнфорда, над которыми довлеет отрицательный стереотип о способностях, результат работы над письмом увеличил оценки на одну в следующем семестре.

Иногда вы можете предоставить людям, сталкивающимся с угрозой идентичности, информацию, которая задает более точную и обнадеживающую установку об их окружении. Когда это получается, наши эксперименты демонстрируют, что успеваемость людей в реальных колледжах улучшается; это может задать их достижениям очень разные траектории.

Тем не менее провели исследование среди сильных студентов, поступивших в элитные колледжи. Будет ли уменьшение угрозы идентичности также помогать академической успеваемости стигматизированных учащихся в общеобразовательной школе? К счастью, теперь у нас есть ответы на этот вопрос.

Но есть и другие вопросы: маленькие дети достаточно развиты психологически, чтобы испытать угрозу подтверждения стереотипа? Могут ли они понять некоторую перспективу отрицательного стереотипа на основе женского пола или черного цвета кожи?

Как оказалось, я уже представил доказательства на этот счет. Вспомните психолога Налини Амбади, который тестировал эффект угрозы подтверждения стереотипа на успеваемость молодых азиатских девушек по математике в Бостоне. Девочки в самой молодой группе в ее исследовании были в возрасте от пяти до семи лет. Налини дала всем участникам соответствующее возрасту математическое задание. У некоторых девочек вызвали гендерные образы, попросив их перед тестом раскрасить картинку с девочкой, держащей куклу. Девочки от пяти до семи лет, которые раскрашивали такую картинку, выполнили тест значительно хуже, чем те, которые раскрашивали пейзажный рисунок или рисунок азиатских детей, поедающих палочками рис. Оказалось, что успеваемость девочек в возрасте от пяти до семи лет была нарушена, когда они получили сигнал, содержащий обычное изображение маленькой девочки, держащей куклу. Они, казалось, смогли хорошо почувствовать, как их группа воспринималась в математике.

Двое итальянских исследователей Барбара Муззатти и Франка Аньоли обнаружили, что такого же случайного сигнала (показанная в классе между делом информация, что мужчины доминируют в высшей математике) было достаточно, чтобы ухудшить успеваемость по математике в выборке итальянских девочек десяти лет. И наконец, исследование Иоганна Келлера и его коллег обнаружило, что угроза подтверждения стереотипа ухудшила математические показатели девочек шестого класса в Германии.

Подобные доказательства показывают, что маленькие дети обладают нужной степенью психологического развития для переживания угрозы подтверждения стереотипа, по крайней мере, уже в возрасте пяти или шести лет. Как и у взрослых, угроза ухудшает их работоспособность в

областях, связанных со стереотипом. Такая способность значит, что она может иметь пожизненные кумулятивные последствия – например, уход женщин от интересов в математике прежде, чем у них был шанс заняться ей. Сила этого давления зависит, как и для взрослых, от плотности сигналов в обстановке, которые вызывают стереотипные образы^[22].

Но есть еще более сильный способ проверить роль угрозы идентичности в появлении расовых, гендерных и классовых разрывов в тестовых баллах среди школьников: протестировать посредством интервенционных исследований. Вы идете в реальные школы и вмешиваетесь в то, что, как вы ожидаете, уменьшит угрозу идентичности среди студентов, подверженных стереотипу. Если ничего не происходит, тогда угроза идентичности, вероятно, не является важной причиной этих разрывов в обстановке. Но если то, что вы делаете, делает разрывы меньше, тогда вы знаете, что угроза идентичности является существенной причиной разрывов в данной обстановке, и вы осознаете, что можете сделать, чтобы уменьшить разрывы. Ряд людей, которых я уже представил – Джеффри Коэн, Джошуа Аронсон, Кэтрин Гуд и Кэрол Дуэк – и один исследователь, которого я собираюсь представить, Хулио Гарсия опробовали эту стратегию в том, что я считаю экстраординарным научным поворотом – серией элегантных, иногда очень острых интервенционных исследований в общеобразовательной школе.

Джефф Коэн и Хулио Гарсия встретились в качестве аспирантов в программе социальной психологии в Стэнфорде в мои первые годы там. Вы встречались с Джеффом, но еще не знаете Хулио. Мексиканский американец, который вырос в Сакраменто (Калифорния) в семье среднего класса, которая владела авокадным ранчо в Мексике, Хулио был своим и в Соединенных Штатах, и в Мексике – и был очарован человеческой природой. Джефф и Хулио покинули Стэнфорд, начали серьезную исследовательскую карьеру, снова встретились и в течение серии разговоров пришли к идее вмешательства в общеобразовательную школу, которая волновала и беспокоила обоих.

Идея была основана на теории самоутверждения, которая, как я описывал, была разработана более ранним поколением аспирантов и мной в 1980-х. Она утверждает основной человеческий мотив воспринимать себя хорошего и компетентного человека как «морально и адаптивно адекватного». Когда такое восприятие под угрозой, из-за событий, которые не соответствуют нашим стандартам, мы изо всех сил пытаемся восстановить хороший образ. Если восстановление невозможно или терпит неудачу, мы размышляем, мы пересматриваем наши действия и другие события, чтобы произвести самооценку своей компетентности и морали.

Наиболее убедительным доказательством этого процесса является то, что, поставив под угрозу самооценку человека, например, показав ему, что он противоречит сам себе в важном вопросе, можно упредить рационализацию образа, дав человеку шанс сделать шаг назад, вдохнуть и подтвердить более высокое чувство собственного достоинства. Мы назвали эту возможность, сделать шаг назад, «самовнушением». Против данного более масштабного образа целостной личности определенная провоцирующая угроза кажется менее доказательной, и человек чувствует меньше необходимости рационализировать ее.

Джефф и Хулио рассуждали, что угроза идентичности похожа на угрозу самооценки, описанные в этой теории, и по существу представляет собой угрозу ощущения студента быть морально и адаптивно адекватным. Сигналы в школьной жизни (пребывание в группе, возможно, обесценившегося меньшинства; плохой стереотип о вашей группе, постоянно актуальный для важных мероприятий в классе; социальная организация вокруг группы, которая сигнализирует о вашей маргинальности) могут быть постоянной угрозой для вашего понимания

своей целостности. Предполагается, что угроза идентичности работает так в реальных классах. Она постоянно затрагивает чувство компетентности и принадлежности.

Таким образом, идея исследования заключалась в том, чтобы просто дать студентам со стереотипами об их способностях шанс развить самовнушающую установку и уменьшить угрозу, которую они чувствуют в классе. И если бы это произошло, улучшились бы их показатели? Джеффу и Хулио понравилась эта идея. Она теоретически имела смысл. И если бы она сработала, она бы имела огромное практическое значение, предложив полезный и недорогой способ сократить разрыв в достижениях меньшинств.

Но может ли она сработать? Может ли что-то временное повлиять на что-то столь глубокое, как разрывы в достижениях меньшинств? Думая так, мы слишком полагались на теорию. Как я уже подчеркнул, пробелы в достижениях студентов из меньшинств имеют множество причин от социально-экономических до семейных, относящихся к неподдерживаемым субкультурам, и многие существенные школьные реформы не смогли сделать даже шаг к сокращению разрыва или поддержанию первоначальных улучшений, которых они добились. Может ли кратковременное самовнушение уменьшить эти пробелы? Об этом волновались Джефф и Хулио.

Но не настолько, чтобы не попробовать. Теперь в компании Валери Пэрди-Вонс, которую я представлял ранее, и Нэнси Апфел и Эллисон Мастер, студентками, работающими с Джеффом, они протестировали идею на нескольких расово интегрированных седьмых классах недалеко от Хартфорда, Коннектикут. Ближе к началу школьного года, они попросили, чтобы учителя дали каждому студенту в их классе конверт с его именем. Инструкция в конверте просила половину случайно выбранных студентов записать их две или три наиболее важные ценности (например, семейные отношения, дружбу, рвение к музыке или религии), а затем написать краткий абзац о том, почему эти ценности были важны для них, то есть представить ценностные высказывания в виде установки. Это заняло всего около пятнадцати минут. Когда они закончили, то положили материал обратно в конверт и передали его учителю. Впоследствии они провели несколько подобных письменных заданий. Вот и все.

Другие ученики в этих классах – контрольная группа – сделали то же самое, только в инструкции они написали свои наименее важные ценности и объяснили, почему другие могут считать их важными. Эти студенты получили возможность подумать о ценностях, но без шанса

внушить о них какую-либо самостоятельную установку. Может ли короткое самовнушение повлиять на школьную успеваемость?

Да, колоссально да. Упражнение по самовнушению улучшило в первые три недели оценки всех, кроме самых сильных черных студентов, прежде, чем они делали внушение. И учащиеся с самым плохим результатом в начале улучшили его больше всех. Они справлялись лучше в классе, где они сделали внушение, и в других классах тоже. Другие меры показали, что внушение даже уменьшило количество мыслей о расовых стереотипах за весь семестр. Результаты чернокожих школьников в контрольном состоянии (те, которые не делали ценностного высказывания) помогли выявить, что внушение остановило ухудшение оценок, которое в противном случае произошло бы. Оценки других учащихся ухудшились, делая очевидным разрыв в расовых достижениях в этих классах все шире в школьном семестре. Что самовнушение сделало для чернокожих студентов, которые его выполнили, так это то, что остановило или замедлило спад. При этом оно сократило разрыв с белыми студентами на 40 процентов в течение семестра. Так же удивительно, что последующие исследования показали их более высокие достижения, и, следовательно, меньший разрыв с белыми студентами продлился не менее двух лет.

Самоутверждение не помогло белокожим студентам в этом исследовании. Авторы объяснили это так: «Мы... ожидали, что вмешательство улучшит работу всех групп лиц, подверженных угрозе, достаточно распространенной и интенсивной, чтобы препятствовать средней производительности всей группы». Но белые как группа не чувствовали угрозы, основанной на их расовой идентичности в классе. Они, возможно, чувствовали такую тотальную и интенсивную угрозу идентичности в элитном баскетбольном лагере с большим количеством черных игроков вокруг, но не чувствовали ее в этих классах, где они были большинством. Таким образом, очевидная сила убеждения, способная избавить от угрозы, мало повлияла на их среднюю успеваемость.

Много людей изумлены этими заключениями, возможно настолько, что засомневаются в них. Хорошо, могли бы сказать вы, пятнадцать минут письменного размышления о своих самоопределяющих ценностях это очень нужно, но как этого может быть достаточно, чтобы улучшить оценки студентов меньшинств в этих классах, особенно тогда, когда так много усилий не увенчалось успехом? И как мог подобный эффект продолжаться больше двух лет?

Такие находки вызывают восторг у скептика. И когда вы ученый,

который произвел их, все, что вы действительно можете сделать – это попытаться повторить их – так Джефф, Хулио, Валери и их ученики поступили в другом исследовании, проведенном около Боулдера, штат Колорадо, с латиноамериканцами. Повтор задания, однако, еще больше поднимает вопрос о том, как работает вмешательство.

В ответ исследователи предлагают объяснение из двух частей. Первая часть – это идея самоутверждения. В более широком смысле компетентности и ценности, представленных в письменном упражнении, прежняя плохая успеваемость в семестре и другие угрожающие идентичности сигналы в классе были менее важны для студентов, которые стали менее бдительными, высвобождая их умственные ресурсы и повышая успеваемость.

Вторая часть объяснения заключается в том, что более высокая успеваемость прерывает отрицательный рекурсивный процесс, процесс, который ярко выделялся при наблюдении черных в контрольном состоянии. Без внушения ранние разочарования и угрожающие сигналы в окружающей обстановке беспокоили их больше, что ухудшало их работоспособность и волновало их еще больше вплоть до появления полномасштабной нисходящей прогрессии в итоге. По словам ученых, афроамериканцы, стереотипная группа, проявили большую психологическую уязвимость к раннему провалу [и, я бы добавил, к другим угрожающим идентичности сигналам в том числе]. Ранний провал, возможно, подтвердил, что стереотип действовал как стабильный глобальный показатель их способности успевать в школе. Укрепив внутреннюю интеграцию студентов, внушение помогло поддерживать их чувство адекватности и прервало цикл, в котором плохая успеваемость повлияла на более позднюю успеваемость и психологическое состояние.

Если эта книга и раскрывает что-то, так это факт, что понимание развивается в процессе исследований. Так получается и с процессами, лежащими в основе проекта о внушении. То, что социальные психологи называют модераторами внушения, несомненно, появятся в будущем, ведь это факторы, без которых благотворное влияние внушения на оценки студентов из меньшинств не произойдет. Возможно, внушение поможет с оценками в хороших школах с хорошим обучением, но не в плохих школах с плохим обучением. Авторы подчеркнули, что успех их вмешательства зависел от хорошего преподавания и ресурсов в наличии в школах. Снижение угрозы идентичности, предполагали они, просто расширило доступ студентов к обучению. Если бы качественное обучение не было доступно в этих школах, внушение могло бы иметь

небольшой эффект. Или, возможно, внушение поможет классам в интегрированных школах, где угроза идентичности больше выражена, но не поможет с оценками в более однородных в плане идентичности школах, где угроза идентичности менее важна. Я задумываюсь, например, о школах для девочек или о школах для меньшинств и малообеспеченных детях, где практически все имеют идентичность, на которую влияют стереотипы. Учащиеся под влиянием стереотипа могут чувствовать меньше осуждения и стереотипного отношения в таких школах.

Тем не менее последние находки помогают сделать важный вывод: психологическое вмешательство, которое делает студентов из числа меньшинств менее восприимчивыми к негативным стереотипам о способностях их группы, может значительно улучшить их показатели в реальных школах в течение длительного времени. Угроза идентичности – это непроходящая опасность, которая наблюдается только во время испытаний. Это скрытая угроза, которая может питаться всеми видами ежедневных разочарований и контекстных сигналов и становится более разрушительной с течением времени. Судьба чернокожих студентов контрольной группы показывает, насколько глубоко социальное психологическое давление в реальной жизни. Для интегрированной школы, к примеру той, что появляется в наших исследованиях, маскирующие эффекты угрозы идентичности могут составлять большую часть разрыва в расовых достижениях, и сокращение угрозы – необходимая часть решения.

Если вы возьмете вмешательство Джеффа, Хулио, Валери и их коллег как доказательство, того, что уменьшает угрозу идентичности, может также улучшить успеваемость студентов под влиянием стереотипа даже на долгое время, тогда вы можете захотеть узнать, что это можно сделать другими практическими способами. К счастью, это можно сделать.

Кэтрин Гуд и Джошуа Аронсон проверили гипотезу, может ли метод обучения Кэрл Дуэк, а именно поощрение мнения о том, что способности расширяемы, путем уменьшения влияния угрозы подтверждения стереотипа в школе увеличить оценки и тестовые баллы студентов, подверженных стереотипам о способностях. Исследователи произвольно сделали выборку из малоимущих учащихся и учащихся из числа меньшинств вступительного класса сельской средней школы в Техасе и назначили каждому из этих учеников студента колледжа в качестве наставника, который консультировал их в течение года дважды лично и постоянно по электронной почте. Для одной группы

подопечных наставники подчеркнули расширяемость интеллекта, регулярно объясняя, как мозг создает новые нейронные связи, когда он узнает новые вещи, и отправляя их на закрытый веб-сайт, который показывал иллюстрации роста мозговых дендритов у человека и пытался решить сложные задачи. Еще одна группа подопечных занималась аналогичными мероприятиями, но они были сосредоточены на профилактике злоупотребления наркотиков, а не на возможностях интеллекта.

Какая группа успевала лучше?

Техасская оценка академических навыков (ТОАН) была дана в конце учебного года. Как девочки, так и мальчики, чьи наставники делали упор на расширение интеллекта, существенно лучше справились с разделом чтения этого теста, чем те, кто был сосредоточен на профилактике злоупотребления наркотиками. Но самое большое влияние послыл с мыслью, «интеллект расширяется», оказал на девочек в математическом разделе теста, где они, вероятно, испытали наибольшую угрозу стереотипа. Среди учащихся, наставничество которых было сосредоточено на профилактике злоупотребления наркотиков, девушки показали результат значительно ниже в этом разделе, чем мальчики, воспроизводя такой же типичный гендерный разрыв, как было в математике.

Среди учеников, которые ориентированы на расширяемость интеллекта, девочки выполняли задания на том же уровне, что и мальчики в этом разделе, и этим фактом полностью устранили обычное различие полов во время теста.

Эти исследования показывают, что внушения, возрастающие установки и прочее могут привести учеников из подверженных стереотипам групп в средних школах к самостоятельным установкам, которые, как моя школа в штате Огайо, нейтрализуют угрожающее значение окружающих сигналов. Тогда вы можете задать вопрос, как моя жена, доктор Дороти Стил, могли ли ученые найти дополнительные методы для этого, если бы вы изучили поведение преподавателей, которые по сравнению с коллегами были особенно хороши в работе с учащимися, подверженными стереотипам. Покажет ли эти методы практика стратегии по созданию безопасности для идентичности и улучшения оценок? В конечном счете моя жена уговорила некоторых из нас (в исследовании участвовали Хейзел Маркус, ведущий социальный психолог и основоположник современной культурной психологии; Пол Дэвис, которого я представил ранее; Аманда Льюис, уважаемый образовательный социолог в университете Эмори, которая посетила Стэнфорд, когда начался этот проект; Фрэнсис Грин, первоклассный менеджер по исследованиям и я) помочь ей изучить данный вопрос в классах начальной школы Ричмонда, Калифорния: большинство учеников имели здесь ту или иную стереотипизированную идентичность, где соотношение национальностей учеников было таким – 33 процента латиноамериканцев, 32 процента афроамериканцев, 17 процентов белокожих, 12 процентов азиатов и 6 % других национальностей. Подавляющее большинство учеников школы были из малообеспеченных семей.

План исследования был прост: мы наблюдали за учителями в их классах и оценивали столько приемов и особенностей классной культуры, сколько могли оценить, а затем смотрели, какие приемы и особенности позволили их ученикам почувствовать больше безопасности в своей идентичности и лучше справиться с унифицированными испытаниями в конце года.

Обученные наблюдатели, не информированные о безопасности личности, смотрели за работой учителей третьего и пятого классов в восьмидесяти четырех классах в тринадцати начальных школах Ричмонда. За каждым учителем наблюдали три раза в течение года и оценивали его работу по различным шкалам: позитивность отношений со студентами, принятие решений с учетом интересов учащихся, использование высоких ожиданий и академической строгости, степень

нагрузки на фундаментальные навыки, мастерство учителя и ограничения со стороны учителя. Всего было девятнадцать шкал.

Появилось понимание четкого переплетения методик учителя с особенностями класса, которое способствовало безопасности личности и улучшенному результату в ежегодных тестах. Эффект был несколько сильнее в пятом классе, а не в третьем. Но исследование включало то же самое в обоих классах: положительные отношения с учениками; более ориентированное на детей обучение; использование их разнообразия в качестве ресурса, а не следование строгой стратегии не различения по цвету кожи; мастерство учителя; теплота и доступность и другие факторы. Интересно, что принятие решений сверху вниз с упором на базовые навыки не сработало в этой школе. По словам Дороти, эффективные приемы безопасной идентичности избегают сигналов, которые могут создать ощущение угрозы подтверждения стереотипа у учеников и вместо этого направлены на то, чтобы каждый ученик в классе чувствовал себя ценным и полезным независимо от этнической группы или пола.

Теперь полученные данные показывают, что уменьшение угрозы идентичности или ее влияния в общеобразовательных школах улучшает академические способности учеников, находящихся под влиянием стереотипов о способностях, как и в случае с такими же учащимися на уровне колледжей.

Преимущества значительны, надежны и часто долговечны. И само вмешательство относительно простое. Принцип взаимосвязи способствует формированию снижающей угрозу установки о восприимчивости к стереотипам в контексте школьного образования. И хотя ни одна стратегия на все случаи жизни еще не появилась, исследование предлагает расширяющийся набор стратегий для этого: установление доверия через требовательные, но оказывающие поддержку отношения; поощрение обнадеживающей установки о принадлежности в окружении; организация неформальных межгрупповых бесед, чтобы показать, что идентичность не является единственной причиной негативного опыта в окружении; представление критических способностей как осваиваемых, и использование методов обучения, ориентированных на ребенка. Больше будет известно в ближайшие годы. Но то, что мы уже знаем, может изменить жизнь многих людей во многих важных сферах.

Тем не менее можно спросить, насколько необходимо концентрироваться на уменьшении угрозы идентичности в попытке помочь учащимся с существенным дефицитом навыков и знаний в школе? Вузы иногда принимают студентов, обладающих сильным интеллектуальным потенциалом, но которым не хватает образования по сравнению с другими студентами. Могут ли усилия по уменьшению угрозы идентичности помочь этим студентам?

Нет, недостаточно уменьшить угрозу идентичности, чтобы преодолеть реальный дефицит знаний и навыков в школе. Для этого студенты должны иметь возможность приобретать соответствующие навыки и знания. Им нужны хорошее обучение и шанс иметь доступ к критическому материалу, иногда – на долгие периоды времени. Но в равной степени верно и то, что для студентов со стереотипами о способностях уменьшение угрозы идентичности так же важно, как обучение навыкам и знаниям. Ее может быть недостаточно, но это необходимо. Без этого никакое обучение, каким бы хорошим оно не являлось, не может уменьшить дефицит, не может поддерживать угрозу

идентичности на низком уровне. Без этого угроза всегда будет преобладать во внимании и умственных возможностях студентов. Так что ни один из подходов – предоставление учебных возможностей или снижения угрозы идентичности – не достаточен сам по себе для повышения успеваемости, особенно – в отношении студентов со стереотипами о способностях. Оба подхода необходимы.

Тем не менее интервенционные исследования несут глубокий урок: проблемы неуспеваемости группы могут корениться в факторах, которые трудно изменить это может быть социально-экономическое неблагоприятное положение, более ограниченный доступ к хорошему школьному образованию, меньшая поддержка родителей, низкий уровень участия в социальных сетях, которые способствуют развитию критических навыков и культурного капитала, исторически укоренившиеся модели социализации половых ролей и т. д. Исправление непосредственных причин этих проблем в ситуациях, в которых они происходят, может серьезно улучшить положение вещей. Сердечные приступы также имеют происхождение, которое трудно изменить – например, генетика, долгосрочные привычки в питании и физических упражнениях, курение, стресс и т. п. Но вероятность сердечного приступа можно значительно уменьшить лекарствами и хирургией: они не делают ничего, чтобы изменить причину болезней сердца, но они лечат самые непосредственные причины сердечного приступа, закупоренные коронарные артерии. Много трудноизменяемых, фоновых факторов, которые причинили мне страдания в мои первые дни в штате Огайо – мое отличающееся расовое и социальное классовое происхождение, отсутствие «критической массы» других студентов из числа меньшинств и так далее. Вы не можете изменить эти вещи или изменить их легко. Не похоже, что доверительные отношения с наставником, белокожим наставником будут иметь значение. Они не исправят причину моих проблем. Но дело здесь в том, что они могут уменьшить сами проблемы.^[23]

И помимо этой надежды исследование этой главы предлагает две стратегии снижения угрозы идентичности. Во-первых, понимая, что угроза возникает от сигналов в окружении, которые показывают возможные угрожающие идентификации, можно попробовать как можно лучше ограничить реальные идентификации и их сигналы. Вы можете стать внимательными к тому, какие черты обстановки влияют на людей, и изменить их так, что они не угнетали целые группы. Ради нескольких людей, работающих в стартапе в Силиконовой Долине, который я посетил, вся музыка не обязана быть инди-роком и хип-хопом, предпочитаемым теми людьми, кто моложе двадцати пяти лет. Ради

студентов меньшинства в колледже, возможно, основная учебная программа и основополагающая для всех студентов может включать в себя углубленный материал, отражающий историю и перспективы множества групп в американском обществе.

Во-вторых, интервенционные исследования показывают, что, когда изменение соответствующих идентичности сигналов и идентификаций в обстановке более невозможно, чрезвычайно ценно помочь людям осознать безопасность, которую они имеют. И они демонстрируют интригующие способы сделать это – способы, которые, я надеюсь, заставят задуматься об этом.

Интервенционные исследования были сделаны, чтобы проверить, улучшит ли снижение угрозы подтверждения стереотипа или ее субъективного смысла реальные оценки. Когда они начали накапливаться, Грег Уолтон и Стивен Спенсер увидели, что эти исследования также можно использовать, чтобы рассмотреть два других вопроса: является ли угроза подтверждения стереотипа существенной причиной низкой успеваемости студентов под влиянием стереотипа в реальных школах^[24], а также могут ли наши традиционные способы измерения потенциала (например, АОТ) по крайней мере при некоторых обстоятельствах недооценивать потенциал таких учеников. Таким образом, вопросы, задаваемые исследованием, описывают полный круг проблем. Исследование началось с загадки неуспеваемости студентов из меньшинств. Грег и Стив видели, что ответы на эти вопросы сводились к выбору между двумя сценариями того, как угроза идентичности влияет на выполнение теста в начале, и как она повлияет на конечную оценку.

События обоих сценариев одинаковы. Представьте, что вы черный ученик средней школы, поступающий в колледж. Вы сдаете АОТ, вы набираете меньше, чем вы надеялись, но так как у вас приемлемые баллы и у вас есть другие сильные стороны, вы поступаете в конкурентоспособный колледж. Однако в колледже ваша оценка снова становится ниже, чем вы ожидали: меньше, чем показывал ваш результат АОТ, то есть ниже, чем у студентов с такими же баллами. Другими словами, вы отстаете в колледже. События одинаковы, но в восприятии их причин кроется разница между двумя сценариями.

В первом сценарии развития событий угроза подтверждения стереотипа не сильно влияет на ваши первые результаты в тесте или более поздние оценки в колледже. Первый тест или первые оценки являются действительной оценкой потенциала для людей всех личностей. Предполагается, что индивидуальные и групповые различия в успеваемости отражают индивидуальные и групповые различия в базовых академических навыках и знаниях. И причина, по которой группа может быть хуже в колледже, как предполагается, заключается в недостаточной мотивированности ее членов.

Во втором сценарии и результат теста, и ваши оценки в колледже подавлены угрозой подтверждения стереотипа. Таким образом, более раннее испытание недооценивает ваш реальный потенциал: не обязательно из-за предвзятого содержания, а из-за мешающего давления

угрозы подтверждения стереотипа во время теста. И когда вы попадаете в колледж в этом сценарии, эскалация угрозы идентичности в окружающей среде коллежа делает вашу успеваемость еще более низкой, чем уже показали первые недооценивающие вас результаты.

Какой сценарий развития событий правильный?

Первый сценарий со своей стороны несет факт низкой успеваемости чернокожего студента. Если предыдущий тест, такой как АОТ, недооценивает ваш истинный потенциал из-за угрозы подтверждения стереотипа, то ваш истинный – более высокий – потенциал проявится в более поздних курсовых работах, а это означает, что ваши более поздние оценки должны быть выше, чем у студентов, не подверженных угрозе стереотипа и которые получили одинаковые баллы с вами. Но этого не происходит. Низкая успеваемость чернокожих студентов, как вы знаете, показывает, что черные студенты обычно не получают более высокие последующие оценки по сравнению со студентами, не подверженными угрозе подтверждения стереотипа: они, как правило, получают более низкие последующие оценки, чем эти студенты. Итак, в первом сценарии первый тест – в нашем случае АОТ – не недооценил ваш потенциал. На самом деле он переоценил ваш потенциал, так как вы никогда больше не получали таких высоких оценок, как он и предполагал.

Грег и Стив поняли, что вы действительно можете проверить эмпирически, какой сценарий был правильным. По крайней мере это актуально для выборки студентов, которые участвовали в интервенционных исследованиях, разработанных, чтобы уменьшить угрозу подтверждения стереотипов. Все, что вам нужно знать об этих студентах, какими были их ранние результаты тестов и оценки в колледже, которые они получили, находясь в программе.

Если стереотипные студенты лучше успевали впоследствии, чем студенты, не подверженные угрозе подтверждения стереотипа, когда они были в программе вмешательства, тогда сценарий под номером два получит поддержку. Например, если снижение угрозы подтверждения стереотипа в колледже привело к «сверхуспеваемости» по сравнению со студентами, не подверженными угрозе подтверждения стереотипа, значит, что их отставание в более типичных условиях колледжа, вероятно, произошло из-за угрозы подтверждения стереотипа в обстановке, снижающей их оценки. Также предполагалось бы, что первая проверка их потенциала, скажем АОТ, недооценивала их истинный потенциал, так как они на самом деле получили более высокие оценки, чем тест спрогнозировал. Когда

впоследствии угроза подтверждения была уменьшена, они получили более высокие оценки в колледже, чем у студентов, не подверженных угрозе подтверждения стереотипа с теми же баллами АОТ.

Но если стереотипные ученики продолжали получать более низкие оценки, чем студенты, не подверженные угрозе подтверждения стереотипа в программе, снижающей угрозу подтверждения стереотипа, это означало бы, что угроза подтверждения стереотипа не влияет ни на школьные оценки, ни на результаты предыдущих тестов. Это будет означать, что предполагаемый сценарий был правильным.

Далее был проведен четкий тест. Грег и Стив собрали интервенционные исследования, для которых они смогли получить предварительные результаты тестирования участников или предыдущие оценки (как не тестовый вариант измерения, используемый для прогнозирования более поздней школьной успеваемости) и последующие оценки во время вмешательства – это были исследование Грега и Джеффа в университете на северо-востоке, работа Джеффа, Хулио, Валерии и их учеников в начальных классах школ Нью Хэвен и Боулдер, а также исследования моих коллег и меня в университете Мичигана.

Результаты были ясны: второй сценарий два сработал. В этих вмешательствах стереотипные студенты получили последовательно текущие оценки *лучше*, чем студенты, не подверженные угрозе подтверждения стереотипа с таким же результатом тестов или оценками. Они не только не отстали они – преуспели.

В науке нужно быть осторожным. Возможно, эти вмешательства каким-то образом дополнительно уменьшили угрозы подтверждения стереотипа, что привело к высокой успеваемости стереотипных студентов. Я не могу придумать, что это может быть – конечно, не то, что могло бы объяснить полную картину их результатов. Дальнейшие исследования, конечно, будут более глубокими.

Но при всей нашей осторожности несколько вещей в этих находках особенно впечатляют. Учитывая, насколько скромный характер носили мероприятия по вмешательству, их влияние было огромным. Они показали, что по крайней мере в этих выборках даже скромные попытки уменьшить эту угрозу полностью исключили классическую картину неуспеваемости учащихся из числа меньшинств – убедительный признак того, что отставание было вызвано угрозой подтверждения стереотипов. Также ранее принятые меры по оценке потенциала (например, АОТ на уровне колледжа и предыдущие оценки, используемые Джеффом, Хулио и Валери в средней школы), предположительно, были сами предвзяты;

угроза подтверждения стереотипа подавила успеваемость стереотипных учеников, и, таким образом, оказался недооценен потенциал стереотипных студентов, потенциал, который раскрылся в более поздней школьной среде, которая уменьшила эту угрозу.^[25] Не эти проходящие находки. Исследования в анализе Грега и Стива включали учащихся разных возрастов – как школьного, так и студенческого, а также включали несколько различных стратегий для снижения угрозы подтверждения стереотипа и несколько сотен участников. Полученные данные свидетельствуют о кумулятивном эффекте угрозы подтверждения стереотипа на личную идентификацию, на интеллектуальное развитие в течение времени целой группы людей со стереотипами о способностях. И он показывает, если делать, что среды могут быть реально изменены, чтобы дать возможность стереотипным студентам незатрудненного участия в академической работе, необходимого для реализации их потенциала.

Этот исследовательский путь был долгим, и он далек от завершения. Но он достиг отметки. Преобладание доказательств убедительно свидетельствует, что неуспеваемость, если она не вызвана дискриминацией против группы в классах, вероятно, вызвана угрозами идентичности и подтверждения стереотипа и мешающими реакциями, которые они вызывают. Он также предполагает, что тесты, используемые для измерения потенциала студентов для некоторых последующих уровней образования, при общем наборе условий тестирования могут недооценивать реальный потенциал стереотипных учеников. Это влияние было трудно разглядеть потому, что последующая успеваемость этих студентов также подавлена стереотипом на этот раз – в самой учебной среде. Эти угрозы приводят к тому, что законно наблюдается в американском обществе, когда неуспевающий студент из меньшинства настолько же естественен, как трава, и встречается так же часто.

Тем не менее это исследование вселяет надежду. Если мы хотим преодолеть неэффективность, если мы хотим открыть дверь для многих стереотипных студентов, чтобы дать им возможность учиться и процветать в обществе, мы должны, кроме того, чтобы сосредоточить внимание на навыках и знаниях, также сосредоточиться на сокращении угрозы в школах, классах, на рабочих местах, даже в баскетболе и гимнастике. Вы должны сосредоточиться на том, чтобы сделать идентичность менее неудобной. И эта первая эра интервенционных исследований дает хорошее начало, чтобы показать вам, как это сделать.

Но для этого нужно, чтобы мы, американцы, собрались вместе наперекор идентичности. Мы должны задействовать интегрированное

окружение для улучшения. Но для этого нам всем придется еще преодолеть еще одну форму угрозы идентификации – форму, которая, если ее проигнорировать, оставит понимание роли этих процессов в обществе неполной, форма, к которой наше исследование далее обращается.

Глава 10

Расстояние между нами: роль угрозы идентичности

В своей вдохновляющей книге «Неудачи интеграции» Шерил Кашин делится семейной шуткой, которую она и ее муж (оба афроамериканцы) придумали о рейсах компании «Саутвест Эйрлайнс», разрешающей пассажирам садиться на борт в порядке живой очереди. Если они приходят поздно, они надеются на то, что называли «Саутвест Эйрлайнс первый класс». Они надеются, что молодой афроамериканец сядет поближе к носу самолета и займет одно из удобных для выхода мест при посадке. Кашин говорит: «По крайней мере четыре из пяти раз мы можем рассчитывать на места рядом с этим чернокожим человеком, даже если он в передних рядах на самых «сладких» местах. Я всегда рада занять удобное место, чувствуя благодарность за дискомфорт других, и наслаждаться преимуществом, если они охотно готовы отказаться от мест из-за своих социальных ограничений. Я тепло улыбаюсь моему чернокожему брату и сажусь рядом с ним».

Что приводит к появлению «Саутвест Эйрлайнс первый класс»? Это полностью связано с предрассудками белокожих пассажиров, расовым отвращением, возможно, к тому факту, что ты сидишь рядом с черным пассажиром? Или это частично вызвано затруднительным положением идентичности, которое находится в центре книги, – то же самое затруднительное положение, которое я предположил у Теда в его классе по афроамериканской политологии? Возможные причины «Саутвест Эйрлайнс первый класс» разные, с разными значениями того, что нужно сделать для уменьшения напряжения и расстояния между группами.

Для объяснения угрозы идентификации не приходится искать предрассудков у белокожих пассажиров. Все, что нужно предположить, так это то, что у них есть беспокойство, как у Теда: риск сказать, сделать или даже подумать что-то, что заставило бы их чувствовать себя расистами или рассматриваться как расисты во взаимодействии с чернокожим пассажиром. Объяснение принимает точку зрения человека, чьи действия нам необходимо понять – женщины или члена меньшинства, сдающих тест по математике, а в данном случае это угол зрения белых пассажиров, проходящих мимо места, расположенного рядом с черным пассажиром. В свете современных норм вежливости предполагается, что большинство из этих пассажиров стараются не казаться расистами. Далее предполагается, что их старания, по иронии судьбы, могут привести их к избеганию ситуаций, таких, как место рядом с черным пассажиром или, что более важно в свете вопросов,

поднятых в последней главе, избегание преподавания в школе для меньшинств или наставничества у ученика из меньшинств. Держа американцев порознь, давление идентичности может сделать людей менее заинтересованными в описанных в последней главе стратегиях вмешательства, не говоря уже о попытке применить их в реальности, и ставит другой практический вопрос, который давно вынашивал Филипп Гофф, яркий и энергичный новый аспирант в моей лаборатории. Он направил и меня. Нашей целью было узнать, была ли угроза подтверждения стереотипа в дополнение к влиянию на успеваемость, общей причиной напряженности между людьми из разных групп общества, той напряженности, которая предположительно может разъединить американцев.

Но американцы все еще разъединены? Когда думаешь о факторах, которые традиционно изолировали американцев друг от друга, многие из них кажутся сегодня менее выраженными, чем в былые времена. Американские расовые установки, например, последовательно становились более приемлемыми на протяжении всей эпохи после Второй мировой войны. Участие меньшинств практически во всех аспектах американской жизни в тот же период последовательно стало более разнообразным – от мира спорта и развлечений до высокопоставленных руководителей, и, конечно, совсем недавно пост президента Соединенных Штатов впервые был занят афроамериканцем. Америка в описании СМИ довольно разнообразна. Так разве американцы до сих пор разъединены? Когда мы с Филиппом прощупывали почву для более весомых доказательств по этому вопросу, картинка межгрупповой гармонии начала рушиться, в ней появились даже глубокие трещины. И трещины были выражены не по расовому признаку.

В своей недавней книге «На пути в рай» обозреватель «Нью-Йорк Таймс» Дэвид Брукс обращает наше внимание на основную проблему. Мы, американцы, превращаемся во все более и более мелкие анклав очень похожих людей, и они формируются вокруг факторов гораздо меньшего значения, чем раса. По большей части они отражают наш образ жизни и политические предпочтения. Брукс берет читателя в поездку, которая начинается в городских кварталах и продвигается сквозь город через пригороды внутреннего кольца, высокодоходные профессиональные кварталы и иммигрантские анклавы, читатель проходит с ним весь путь до «спальных районов» и сельской местности. Он описывает эти сообщества как изолированные культурные зоны. Люди в них мало знают о людях в других зонах, даже когда зоны граничат друг с другом. По его словам, люди способны рисовать

удивительно тонкие социальные различия, а затем строить жизнь вокруг них. В Вашингтоне, округ Колумбия, демократические адвокаты, как правило, живут в пригороде Мэриленд, а республиканские адвокаты, как правило, живут в пригороде Вирджиния. Если бы вы попросили адвоката-демократа переехать из ее дома за \$ 750 000 в Бетесде, штат Мэриленд, в дом за \$ 750 000 [цена осенью 2003 года] в Грейт Фоллс, Вирджиния, она бы посмотрела на вас с таким удивлением, как будто вы только что попросили ее купить пикап с автоматом или запихнуть жевательный табак в рот своему ребенку. В Манхэттене владелец лофта Сохо стоимостью 3 миллиона долларов будет чувствовать себя неприкаянным, переехав в квартиру на Пятой авеню за 3 миллиона долларов.

Брукс далее отмечает, что американцы много передвигаются, то есть мы чаще, чем люди во многих других странах, отрываемся от корней и переезжаем даже в отдаленные общины. Это дает нам много шансов выбрать, где мы будем жить, а еще это дает нам много шансов найти свою собственную культурную зону, которая со временем сделает обе зоны все более самобытными и все более изолированными друг от друга. Таким образом, мы – нация сегрегаторов. И иногда эта сегрегация связана с расой.

Я иногда думаю, что мы, американцы, недостаточно отдаем должное значимости движения за гражданские права – общественной, законной приверженности идеалу расово интегрированного общества в практически всех его аспектах. Я не знаю другого общества с таким явным подтверждением – данной ценности, как главное достижение *Браун против Совета по образованию*, десегрегационным решением Верховного Суда 1954 года. Но в течение двух лет после *Браун* другое решение Верховного Суда предоставило школьным округам более мягкий стандарт соответствия. Вместо жестких сроков оно разрешило «предельную скорость». В 1974 году суд вынес решение против планов десегрегации, что охватывало целые мегаполисы как средство интеграции городских и пригородных школ. Для городов с преимуществом меньшинств с, по существу, белыми пригородами это постановление сделало десегрегацию по существу невозможной. Протесты против школьных автобусов и судебные иски продолжаются с 1954 года.

Со временем, как описано в Гарвардском проекте гражданских прав, американские школы были заново сегрегированы. В 185 школьных округах в стране с охватом свыше 25 000 учащихся в 2000 году подавляющее большинство из них было более сегрегировано по

расовому признаку, чем в 1986 году. Например, после провала плана десегрегации в Миннеаполисе, средний черный ученик пошел в школу с меньшим числом – 33 % белых учеников в 2000 году. Без планов десегрегации школы становятся сегрегированными, как и окрестности, которые их кормят. И эти кварталы остаются резко сегрегированными, особенно для белых. Перепись в 2000 показала, что средний белый американец живет по соседству с 80 % белых и 7 % чернокожих, а средний черный американец живет в районе, где 33 % белых и 51 % черных. То же самое происходит в пригородах. Если вы хотите перестроить большинство городов США так, чтобы раса не играла никакой роли в том, где живут люди, нужно было бы переселить 85 % чернокожего населения. Наша история все еще с нами.

Перед лицом таких данных мы с Филом чувствовали, что почти ответили на наш вопрос. Сегрегация наряду со многими аспектами человеческих различий остается главной чертой американской жизни. Она включает расовую сегрегацию, телевизионные изображения американского общества и, несмотря ни на что, президентские выборы.

Тем не менее, можно спросить: Ну и что? Зачем беспокоиться о нашей тенденции к сегрегации? Это свободная страна. Если разделение на группы не причиняет вреда, почему бы нам не сделать это, если мы так хотим?

В связи с этим экономист Гленн Лури в недавней книге «Анатомия расового неравенства» отмечает интересный момент. Он говорит, что видит ли человек групповую сегрегацию как проблематичную или нет, зависит от его предположений о природе человека. Одно из мнений заключается в том, что люди, более или менее свободные в выборе, более или менее равнодоступны каждому в обществе. Исходя из этого предположения, сегрегация не должна иметь большого влияния. Жизненные шансы во многом – дело вашего собственного выбора, решительности, таланта и тому подобного. Так зачем беспокоиться о групповой сегрегации? Это может означать, что вы будете немного менее космополитичны, но это не имеет большого отношения к тому, насколько справедливо общество.

Другая точка зрения, особенно в социальных науках, заключается в том, что люди, хотя и способны к независимому выбору, имеют место в обществе; их жизни расположены где-то в своих социальных, хозяйственных и культурных структурах и сетях отношений, которые составляют общество. Родиться в малообеспеченной семье в горах восточного Кентукки – значит, начать жизнь в другой структуре возможностей общества, которая отличается от возможностей

высокообеспеченной семьи в северном пригороде Чикаго. Различные локации предоставляют людям разные ресурсы, разный доступ к социальному капиталу навыков, знаний, возможностей и жизненных шансов. Сегрегация влияет на местоположение. Когда люди сгруппированы или сегрегированы на основе таких характеристик как социальный класс, раса или религия, это влияет на имеющиеся ресурсы и социальный капитал, доступные им. Как говорит Лури, возможность путешествует по синапсам этих социальных сетей. Достаточное количество доказательств подтверждает его слова.

Например, в начале 1970-х годов социолог Марк Грановеттер спросил несколько сотен специалистов в Ньютоне, штат Массачусетс, на предмет того, как они получили свою работу. Пятьдесят шесть процентов указали на друга. Только девятнадцать процентов откликнулись на объявление о вакансии, и только двадцать процентов опрошенных получили работу, напрямую подав заявление. Социолог Нэнси Дитомасо недавно расширила это направление расследования. Она опросила 246 человек от двадцати пяти до пятидесяти пяти лет в Нью-Джерси, Огайо и Теннесси, выяснив, сказал ли им о работе некто, кого они знали, замолвил ли кто-то за них словечко и знали ли они человека, который нанимал их. В среднем она обнаружила, что от 60 до 90 % ее респондентов получили выгоду от той или иной формы «социального капитала», а 98 % ее респондентов воспользовались по крайней мере одним из этих преимуществ на одном из своих рабочих мест. Но респонденты Дитомасо не были осведомлены о своих преимуществах: «Многие из опрошенных сказали, что им никто не помог. Например, мужчина рабочего класса из Нью-Джерси, который вступил в профсоюз через отца, а затем устроился на более стабильную работу благодаря помощи друга, сказал: «Заслужил ли я это? Да, я работал над тем, что получил. Определенно. Никто мне ничего не давал. Ничего». Объясняя нашу удачу, мы можем вспомнить наш тяжелый труд и можем проявить небольшую забывчивость, не думая о преимуществах наших сетей социального капитала.

И, конечно, не все сети созданы равными. Никого не удивит, что люди в богатых местах и сетях получают более легкий доступ к лучшему образованию, работе, здравоохранению, которого нет у людей в менее богатых местах и сетях. Подумайте о человеке, которого я упоминал ранее, который родился в малообеспеченной семье в восточном Кентукки при сравнении с человеком, родившимся в семье с высоким доходом в богатом пригороде Чикаго. Подумайте об Анатоле Бройярде, когда он был чернокожим, а потом белым. Единственное, чем отличаются местоположения этих людей, – это сети, которые там

предлагают, сети, которые различаются по возможностям, доступу к навыкам и знаниям, имеющие решающее значение для успеха в обществе, доступу к людям в нужных местах. Это объясняет, каким образом, казалось бы, обычные ассоциативные предпочтения могут иметь большие последствия. Они влияют на то, кто получает доступ к преимуществам сетей, а кто – нет.

Таковы рассуждения Гленна Лури. Они привели его к удивительному утверждению: повседневные ассоциативные предпочтения, которые способствуют расово организованным сетям и локациям в американской жизни – то есть расово организованные жилые комплексы, школьное образование, дружба и другие факторы – теперь могут быть более важными причинами расового неравенства, чем прямая дискриминация чернокожих. Он не заявляет о прекращении расовой дискриминации. Он просто подчеркивает важность предпочтений, которые отделяют чернокожих от сетей и мест, где они могли бы улучшить свои результаты.

Он приводит примеры таких предпочтений.

Среди людей в браке в возрасте 25–34 лет в 1990, около 70 % азиатских женщин, 39 % испаноязычных женщин, но только 2 % чернокожих женщин имели белых английских мужей. [...] Расово смешанные церковные собрания достаточно редки, чтобы попасть на первую полосу газет. Черные подростки, живущие в гетто, так культурно изолированы, что ученые находят конвергенцию в их речевых особенностях на больших географических расстояниях, что возникший диалект все больше отличается от речи бедных белых, живущих в нескольких милях отсюда. Бездетные белые пары едут в Колумбию и Китай в поисках младенцев для усыновления, в то время как сироты из гетто остаются без родителей.

В качестве дальнейшего примера я не могу не вспомнить результаты опроса, которые я описал во второй главе. Согласно этому опросу черный студент в кампусе Мичиганского университета в начале 1990-х годов имел соотношение белых друзей к черным как 2/3 к 6 – в то время как число черных друзей у белых студентов было еще меньше. Ассоциации в Соединенных Штатах явно имеют расовую структуру.

Вспомните исследования о минимальной группе, описанные в четвертой главе, когда все группы выразили *внутригрупповые* ассоциативные предпочтения: как менее сильные и без права голоса, так и более сильные и предоставляющие право голоса. Таким образом, при попадании в более выгодные сети общения, которые потребуют отношений с людьми из группы (в этом случае менее успешным членам,

возможно, придется развивать отношения с более успешными людьми, не состоящими в их группе) такие групповые предпочтения могут мешать. Тем не менее предпочтения людей, уже находящихся в привилегированных сетях, будут играть большую роль в определении, кто в них попадет.

Пока мы с Филом разбирались в этом материале, наши подозрения, что групповые предрассудки не были единственной причиной групповых ассоциативных предпочтений, окрепли. Мы задавались вопросом, не играет ли угроза идентичности большую роль в отдалении американцев друг от друга – например, как было в первом классе «Саутвест Эйрлайнз».

Тем не менее мы также знали, что межрасовые взаимодействия часто были довольно комфортными. Глядя в окно моего кабинета, мы видели сменявшиеся группки студентов, они часто были межрасовыми, и их взаимодействие проходило легко. Возможно, имела значение тема разговора. Можно обсудить много вещей, чтобы позволить белым чувствовать небольшой риск подтверждения расового стереотипа – судьбу школьной баскетбольной команды, например. Прочие темы не будут гарантировать такую безопасность, как например, роль полиции, останавливающей черных студентов в городе, или неудачи студента в обучении ученика из младшего школьного меньшинства. И здесь может возникнуть угроза идентичности, добавляя реальную напряженность к взаимодействию.

Но как проверить все это, как проверить роль угрозы идентичности в межрасовых отношениях? Нам нужен был способ измерить влияние угрозы идентичности на ассоциативные предпочтения. Представьте себе, например, что, как белый человек, вы сидите в одиночестве у кабинета стоматолога, когда два чернокожих пациента приходят и занимают места рядом с вами. Завязывается разговор. Сначала все сочувствуют друг другу касаясь зубной боли. Затем беседа плавно перетекает к политике и каким-то образом переходит к расовому профилированию, серьезной проблеме для ваших собеседников. Они верят, что сталкивались с этим. На этом этапе вас зовут в кабинет доктора. Но, когда вы входите, доктор уходит, чтобы закончить процедуру с другим пациентом. Вы возвращаетесь в зал ожидания. Ваше прежнее место занято. Два других места свободны: одно – рядом с вашими бывшими собеседниками, которые все еще обсуждают расовое профилирование, и одно подальше – на безопасном расстоянии от этого разговора.

Возвращение к разговору вас, как белого человека, может поставить под угрозу подтверждения стереотипа. То есть можно ненароком сказать что-то по этой теме, что заставило бы вас выглядеть стереотипно. Если угроза идентичности такого рода влияет на ассоциативные предпочтения, тогда вы отсидите дальше от рискованного разговора. Но если угроза идентичности мало влияет на такие предпочтения, вы просто сядете рядом с ребятами и продолжите болтать.

Какое место вы займете?

Такая ситуация может проверить, влияет ли угроза идентичности помимо влияния предрассудков на предпочтения в ассоциации с другими группами. Простой выбор мест мог бы о многом рассказать. Фил и я говорили о разных способах создания такой ситуации в лаборатории. Мы несколько раз провели прогон. В конце концов мы пришли к следующему.

Мы привели по одному белых студентов мужского пола Стэнфордского университета в нашу лабораторию, объясняя, что в рамках исследования по социальной коммуникации они будут иметь разговор с двумя другими студентами, заполнявшими анкеты в кабинетах вдоль коридора. Мы сделали полароидную фотографию каждого участника и выложили ее на столе рядом с фотографиями двух партнеров по коммуникации, чтобы начать знакомство. По фотографиям

стало понятно, что партнеры по коммуникации были черными. Затем половина участников узнала, что их разговор пойдет о любви и отношениях, а вторая половина узнала, что им предстоит говорить о расовом профилировании.

У нас получилось две группы белых участников. Одна группа собиралась говорить с двумя черными парнями о любви и отношениях – тема, которую в опросе предварительного тестирования студенты-мужчины оценили как то, что им было бы комфортно обсуждать с людьми из разных групп. Они, казалось, чувствовали небольшой риск сказать что-то, что заставило бы воспринимать их как расово предвзятых. Другая группа собиралась говорить с двумя черными парнями о расовом профилировании – тема, о которой, судя по тому же предварительному опросу, студентам очень неудобно говорить, и они оказываются под угрозой подтверждения стереотипа, подобной той, что описана в моем примере со стоматологическим кабинетом. Достаточно ли этой угрозы, чтобы повлиять на групповые предпочтения этих участников?

Мы измерили предпочтения простым способом. После того как участники узнали тему разговора, лицо, производящее эксперимент, заметило, что он пойдет по коридору за двумя другими участниками, чтобы можно было начать разговор. Уходя, он указал на три стула, стоящие в углу, и сказал: «Не могли бы вы сделать мне одолжение и поставить три стула для разговора, а затем занять ваше место?» Затем участника оставили расставлять стулья. Когда это было сделано, эксперимент по сути заканчивался.

Как вы могли догадаться, наш реальный интерес был в том, как участники расставили стулья, а именно, как близко они разместили свой стул к стульям их двух черных собеседников. Эти два расстояния – между стулом участника и стульями каждого из двух чернокожих собеседников – были основой нашей меры ассоциативного предпочтения. Мы предположили, что, чем больше эти расстояния, как, например, выбор отдаленного места у кабинета зубного врача, тем менее комфортно они будут ощущать себя в разговоре.

Если представлять, что разговор с двумя черными студентами о расовом профилировании вызовет достаточную угрозу подтверждения стереотипов для белых и они захотят меньше общаться с чернокожими, то ожидание такого разговора заставит белых участников поставить стулья дальше от черных собеседников в отличие от безобидного разговора о любви и отношениях. Они должны вести себя как белые пассажиры, избегающие черного пассажира на рейсе авиакомпании

«Саутвест Эйрлайнз». Именно так и произошло. Участники, ожидавшие разговора о любви и отношениях, сгруппировали три стула близко друг к другу. Те, кто предвкушал разговор о расовом профилировании поставили два стула собеседников близко друг к другу, а свое кресло отставили подальше.

Любому человеку неудобно разговаривать с незнакомцем о расовом профилировании. Это напряженная тема для разговора. Возможно, именно поэтому участники усаживались дальше от своих партнеров, когда это было темой разговора. Чтобы проверить такую возможность, мы включили еще две группы белых мужчин-участников, одна из которых, как и прежде, ожидала разговора о любви и отношениях, а другая, как и прежде, ожидала беседы о расовом профилировании. Но на этот раз фотографии, которые обе группы увидели в начале эксперимента, показали, что их собеседники будут белыми, а не черными. Разговор с двумя белыми студентами о расовом профилировании не должен вызывать такую большую угрозу подтверждения стереотипа, как разговор с двумя чернокожими студентами о расовом профилировании. Результаты были ясны: белые участники обеих групп расставили стулья близко друг к другу независимо от темы разговора. Дело не только в расовой теме, которая привела к тому, что белые участники дистанцировались от своих черных собеседников. Но можем ли мы быть уверены, что действительно страх подтверждения стереотипа о белых как о расистах стал причиной их дистанцирования?

Чтобы выяснить это, мы проверили, о чем думали участники ровно до того, как они начали расставлять стулья. Посредством процедуры, которую Джош и я использовали ранее, мы попросили их заполнить список из восьмидесяти фрагментов слов, десять из которых могут быть завершены как слово, связанное со стереотипом о белых как о расистах, или как слово, не связанное с этим стереотипом. Фрагмент «рас – т», например, можно завершить, как «расист» или как «расчет». Как тест Роршаха, задание проверяло то, что было чуть ниже уровня осведомленности человека. Оно выявило кое-что интересное. Для участников, ожидающих разговора с белыми собеседниками или черными собеседниками о любви и отношениях, количество фрагментов, которые они завершили стереотипными словами, не увеличило расстояние, на котором они сидели от собеседников. Но для участников, ожидающих разговора с черными собеседниками о расовом профилировании, возрастающее количество фрагментов, дополненных стереотипными словами, означало все больше увеличивающееся расстояние между их стульями и стульями собеседников.

Это показало нам, что перспектива межрасового разговора на расово чувствительную тему заставила белых участников вспомнить о расистском стереотипе. И чем больше они помнили об этом стереотипе, тем больше они дистанцировались от черного собеседника. Беспокойство о стереотипах отдаляло их.

Но было еще другое объяснение. Вспомните вопрос о том, чем вызван первый класс «Саутвест Эйрлайнз»: угрозой идентичности или старомодным предрассудком? Тот же вопрос актуален здесь. Белые участники дистанцировались от черных собеседников, когда темой было расовое профилирование из-за угрозы идентичности, как мы предполагали, или из-за предрассудков? Возможно, более расово предвзятые участники этой группы сидели дальше от своих собеседников, отражающих их предубеждения, и тогда им пришлось больше всего волноваться о том, что их мнение сочли предвзятым.

Мы провели еще один эксперимент. Он использовал по существу те же процедуры как первый, но на этот раз за двадцать четыре часа до начала эксперимента мы измерили, насколько расово предвзяты были наши участники. Мы измерили их осознанные и неосознанные предрассудки. Сознательной мерой был «Современный вопросник по расизму». Бессознательной мерой был тест имплицитного отношения (ТИО). ТИО измеряет бессознательное или имплицитное отношение к данной группе, в данном случае – афроамериканцам. Он построен по принципу, что нам требуется больше времени, чтобы сказать о том, что мы узнаем слабую умственную ассоциацию – например, между Джорджем Бушем и поп-звездой Майклом Джексон, которые связаны только тем, что были публичными фигурами в одну и ту же эпоху – чем сказать, что мы узнаем сильную умственную ассоциацию – например, между Лорелом и Харди из классической комедийной команды. Так что если мы быстрее узнаем ассоциации между неграми и негативными вещами, например, между чернокожими и преступностью, чем ассоциации между черными и позитивными вещами, например, между черными и успехами в карьере, и если обратное происходит с нашими ассоциациями с белыми, то у нас есть неявная отрицательная ассоциация с неграми. То есть наши ассоциации по отношению к ним бессознательно более негативные, чем наши ассоциации с белыми (этот интересный тест, разработанный социальными психологами Энтони Гринвальдом и Махзарин Банаджи, доступен для читателей на www.implicit.harvard.edu. Так как ТИО полагается на время, которое уходит у людей на реакцию, сразу отраженное на экране компьютера, подделать его довольно сложно.

Наш эксперимент после проведения этих измерений обнаружил то же самое, что и первый. Белые мужчины-участники, ожидавшие разговора о расовом профилировании, сели дальше от черных, чем от белых собеседников участники ожидали разговора только с одним собеседником).

Расстояние, которое они оставляли между собой и их черными собеседниками, не менялось в зависимости от участников с большими или меньшими предрассудками. Так получалось независимо от того, как предрассудки измерялись: сознательно при помощи «Современного вопросника по расизму» или подсознательно при помощи ТИО. Раскрывающий глаза вывод. Предрассудки не повлияли на дистанцирование в этом эксперименте. Правда, наша выборка элитных студентов не отличалась большими предрассудками. Тем не менее некоторые участники тестирования были более предвзяты, чем другие, и эти различия в предрассудках не сказались на том, как близко они сидели к своему черному партнеру для разговора о расовом профилировании.

То, что повлияло на расстояние между собеседниками, было тем же фактором, что повлиял на него в первом эксперименте: беспокойством о подтверждении расистского стереотипа о белых, беспокойством, которое мы проверили в этом эксперименте точно так же, как мы проверили его в первом случае с дополнением слов. Когда белые мужчины-участники ожидали разговора с черным человеком о расовом профилировании, они опасались подтвердить этот стереотип, и чем больше они боялись его, тем дальше они отсаживались.

Не предубеждение заставило их отсесть подальше от черных собеседников. Это был страх, что их сочтут расистами, чистый и простой страх. Это была угроза подтверждения стереотипа, белая личная идентификация в этой ситуации. Вероятно, угроза, а не расовые предрассудки вызвали большой дискомфорт у Теда в его классе афроамериканской политологии, и она заставила, по крайней мере некоторых из белых пассажиров, оставить Шерилл Кашин ее место в первом классе «Саутвест Эйрлайнз», а еще она может усложнить задачу белых учителей привлекать слабоуспевающих учеников из числа меньшинств. Кому нужны такие хлопоты?

Таким образом, угроза подтверждения стереотипа – это один из путей, которым наша история проскальзывает в нашу повседневную жизнь. История оставляет нам стереотипы о группах в нашем обществе, по которым о нас могут судить как о личностях, когда мы попадаем в ситуации, к которым применимы стереотипы – например, свободное место рядом с черным пассажиром в самолете или общение со

студентами из меньшинств. Белокожий человек в этой ситуации не захочет, чтобы его рассматривали в рамках стереотипа о белых как расово невнимательных. И черный человек, со своей стороны, не захочет, чтобы его рассматривали с точки зрения стереотипов о чернокожих как агрессивных или склонных к предрассудкам. Отбиваться от вероятного восприятия на длинном рейсе авиакомпании – или в школьном кафетерии – может быть тем фактом, с чем ни одна сторона не хочет сталкиваться. Они просто хотят пообедать или поехать в Кливленд. Самое простое решение – увильнуть.

Стресс от столкновения с этими стереотипами в обществе, возможно, выступает основным источником «большого американского расового дискомфорта» или «большого американского дискомфорта с разницей в целом» – дискомфорта, о котором говорит Дэвид Брукс, что соединяет американцев в сообщества, которые все больше и больше организованы вокруг тонких человеческих различий. Мы можем попытаться организовать наше жилье, рабочие места и школы, чтобы избегать друг друга. Но при все более разнообразном населении и американском обязательстве о равенстве доступа уклонение, вероятно, будет неудачной стратегией. Мы можем убегать, но сможем ли мы спрятаться?

Рассуждения Фила и мои до сих пор имеют мрачный подтекст. Даже если волшебной палочкой отмахнуться от всех предрассудков, в нашем обществе все равно будет ощущаться давление, которое разлучит нас. Как будто данный вывод недостаточно мрачный, давление удваивается американской тенденцией оставлять свои проблемы позади и двигаться дальше (как отмечает Брукс, 16 % американцев переезжают каждый год), все больше энергии идет в сторону людей, отделяющихся друг от друга.

Это довольно темный туннель, но к нам с Филом присоединился Пол Дэвис, которого я представил ранее, и мы провели эксперимент, который искал свет в конце туннеля – образ мышления, которое могло бы облегчить подход к людям, которые отличаются от нас. Идея опять же пришла из работы Кэрол Дуэк, которую я представил ранее.

О чем, возможно, беспокоятся белые студенты, когда разговаривают с черными студентами о расовом профилировании, рассуждали мы, следуя за логикой Кэрол, – это о боязни, что ошибка в разговоре может подтвердить, что у них есть трудноизменяемый расизм. Поэтому они уклоняются от разговора. Если это так, мы должны быть в состоянии сделать их ближе, если разговор представлен как возможность обучения. Это будет сигнализировать о том, что основные навыки приобретаемые, а не непреложные, и уберет некоторые опасения из ситуации – возможно, этого будет достаточно, чтобы они поставили стулья близко друг к другу.

Мы снова провели основную процедуру эксперимента. Но в этот раз – как раз перед тем, как участнику осталось расставить стулья для разговора (пока экспериментатор якобы пошел в зал за черным собеседником), экспериментатор провел участникам инструктаж. Он сказал, что напряжение является естественным в обсуждении расового профилирования, что всем такой разговор дается тяжело. Он сказал, что участники должны относиться к разговору как к учебному опыту – то есть попытаться узнать, что получится о проблеме и в основном научиться говорить на острые темы с людьми, которые могут иметь разные точки зрения.

После такого инструктажа белые мужчины-участники придвинули стулья близко к их черному собеседнику, так же близко, как в других группах эксперимента. О чем они думали, пока ставили стулья? Изучение фрагментов слов показало, что, поставив учебную цель в разговоре, белые участники больше не беспокоились о том, что их расценят как расистов. Теперь они завершили не больше фрагментов слов со стереотипными словами (слова, означающие расизм) чем участники, которые не были под угрозой стереотипа.

Предрассудки между группами по-прежнему являются одной из основных причин сегрегации групп во всем мире. Просто учить людей иметь учебные цели при взаимодействии с людьми из разных групп,

возможно в одиночку, не вылечит все эти предрассудки. В этом деле серебряных пуль не существует.

Тем не менее результат вселяет надежду. Когда именно угроза идентичности держит людей врозь и вызывает дискомфорт между ними, мешает пассажирам, сидящим рядом друг с другом в самолете, отговаривает студентов от прохождения курсов со значительным числом студентов из меньшинств или заставляет учителя неохотно подходить к некоторым студентам из числа меньшинств, тогда учебные цели могут помочь. С учебной целью ошибки становятся просто ошибками, и нет никаких признаков неизменного расизма.

Прежде чем мы открыли идею Кэрл об учебных целях, с нами происходили некоторые интересные неудачи. Мы попытались найти инструкцию, которая позволит участникам, ожидающим сложного разговора, подвинуть стулья поближе. Мы попытались сначала убедить их, что их не будут судить по тому, что они сказали в разговоре, что они должны свободно высказывать свое мнение, не опасаясь обвинений. Ничего не получилось. Возможно, они нам не поверили. Те, кто ждали разговора с черными собеседниками о расовом профилировании, все отсаживались дальше. Далее мы заверили их, что различия в перспективе были оценены, что ряд перспектив оценивался в ходе наших бесед. Это тоже не сработало. Стулья были еще далеко разбросаны друг от друга, иногда даже дальше, как если бы мы ничего не сказали.

Эти стратегии казались нам разумными. Мы позаимствовали их из программ по обучению вопросам многообразия культур, которые мы видели. Мы использовали их иногда в наших собственных классах. Но случилось непредвиденное последствие: чем больше мы уверяли участников, что не будем использовать их слова против них, тем больше они боялись, что мы будем это делать. Звучит как паранойя, но это не совсем иррационально в психологическом эксперименте или на семинаре по вопросам многообразия культур, где можно ощущать риск попасть под осуждение. В этом-то все и дело. Трудно просто уверениями избавиться от угрозы подтверждения стереотипа, которую белые могут чувствовать в межрасовой ситуации, такой как разговор с чернокожими коллегами о расовом профилировании, или которую любая группа может чувствовать в ситуациях, когда негативные стереотипы о них актуальны.

Для уверений, подобных этим, для работы в классах, на рабочих местах или семинарах по вопросам многообразия культур или действительно для функционирования любой техники групповых отношений люди должны быть способны доверять, несмотря на актуальность плохого стереотипа о группе, что о них не будут судить

согласно ему, что их доброта как людей не останется незамеченной. Такое доверие трудно найти.

Глава 9 предлагает ряд того, что я надеюсь, является возможными способами достижения цели. Но здесь я еще раз подчеркиваю ценность учебных целей. Когда взаимодействия между людьми разного происхождения ставят перед собой цель научиться чему-либо друг от друга, это облегчает потенциальное напряжение между ними, придавая оплошностям меньшее значение. Доверие укрепляется.

Угроза подтверждения стереотипа – это общее явление. Она происходит со всеми нами постоянно. Негативные стереотипы о нашей идентичности парят в воздухе вокруг нас. Когда мы находимся в ситуациях, к которым эти стереотипы применимы, мы понимаем, что о нас могут судить и относиться к нам согласно им. Если мы вкладываемся в то, что делаем, нас это беспокоит; мы пытаемся опровергнуть стереотип или не подтверждать его. Мы избегаем ситуаций, когда мы должны бороться с таким давлением. Угроза не является определяющей, но она настойчиво, часто бессознательно определяет наши действия и выбор, нашу жизнь – например, насколько далеко вглубь самолета мы уходим в поисках свободного места или как хорошо мы играем в гольф, или как ведем себя на тест на интеллектуальное развитие. Мы считаем себя автономными личностями. В конце концов мы делаем выбор. Но мы часто забываем, что мы всегда делаем выбор в контексте. И давление, связанное с нашей социальной идентичностью, является составной частью контекста. Это трудно оценить, размышляя о нашем опыте. А еще, как я убеждал вас на протяжении всей этой книги, именно это давление делает социальную идентичность реальной для нас. Угроза подтверждения стереотипа – это всеобщий жизненный факт.

Глава 11

Заключение: идентичность как мост между нами

После избрания 4 ноября 2008 года Барака Обамы президентом Соединенных Штатов, первого афроамериканца-президента было много разговоров о том, вступило ли американское общество в «пострасовую эпоху», в которой расовая принадлежность больше не играет важной роли в наших возможностях и в наших отношениях друг с другом. Эта надежда всколыхнулась во время самих выборов, и она распространилась и на другие групповые предрассудки. По своему существу эта надежда, что какая-то сущность в американском характере изменилась или эволюционировала до такой степени, чтобы освободить нас, двигаясь вперед, от основанной на предрассудках несправедливости, оставляя позади проблемы. Аристотель считал, что предметы падали на разных скоростях потому, что у них были внутренние сущности, такие как «земность», которые отличались по тому, как их влекло к земле, и, таким образом, как быстро они заставляли объект упасть, чтобы добраться до нее. Нам тоже кажется, что мы можем оценить наш прогресс на пути к обществу, справедливому с точки зрения идентичности, измеряя внутреннюю сущность (межгрупповое предубеждение) которая, по нашему мнению, приводит к расовой, гендерной, классовой и иной групповой несправедливости. Идея в том, что если этот барометр опустится до нуля, у нас будет расово справедливое и личностно справедливое общество, равное игровое поле, пострасовое общество. Я, например, хотел бы, чтобы этот барометр упал до нуля. Но будет ли это значить, что мы превратились в «пострасовое общество»?

Суть примера «Насвистывая Вивальди» была в том, чтобы предложить расширенный взгляд на то, что делает социальную идентичность, такую как наша раса, важной для нас и общества в целом. Это не просто предвзятое отношение окружающих по отношению к идентичности, но и личные идентификации, которые идут с ним как ключевые параметры. Предубеждение имеет значение. Оно может формировать идентификации. Но личные идентификации могут глубоко повлиять на человека, вплоть до того, чтобы определить его жизнь, хотя при этом он может не встретить ни одного предвзятого человека на пути.

Когда я смотрю на свою жизнь афроамериканца, я вижу улучшение

личной идентификации. Ограничения бассейна моей юности пропали. Так же и с душащими ограничениями Анатоля Бройера, с которыми он сталкивался как черный в Нью-Йорке в конце 1940-х. Все стало намного лучше. Но помните: личные идентификации вырастают из роли идентичности в истории и организации общества, ее роли в ДНК общества, и насколько общество подвергло идентичность стереотипу. В случае расы в Соединенных Штатах ее история и ее наследие до сих пор с нами. Расовая сегрегация наших школ, как мы отметили в предыдущей главе, неуклонно растет, а не уменьшается. Долгая история расового подчинения в Соединенных Штатах привела к тому, что средняя черная семья сегодня имеет только десять центов на каждый доллар белой семьи. Уильям Фолкнер сказал знаменитую фразу: «Прошлое не мертво и не похоронено. В самом деле, оно даже не прошлое».

По сути социально-психологические идентификации, привязанные к расе, развиваясь, не теряют настойчивости. Возьмем случай с высшим образованием. До 1960-х годов личная идентификация, которой афроамериканцы боялись больше всего, заключалась в том, что из-за расы они не могли попасть в большинство колледжей и университетов в Соединенных Штатах и, если бы их приняли, они были бы в таком небольшом количестве и подвергались бы такому количеству сегрегирующих ограничений, что их учеба лишилась бы привлекательности. Такая личная идентификация вряд ли присутствует в жизни чернокожих абитуриентов сегодня. Тем не менее, как показывают исследования, рассмотренные на этих страницах, угроза подтверждения стереотипа и угроза идентичности, которые могут возникнуть в сегодняшних расово интегрированных колледжах (особенно тех, в которых накопились угрожающие идентичности сигналы) могут быть внушительными. Они могут не уменьшать количество жизненных шансов, как было в прошлом, но, к сожалению, подавлять человеческий потенциал.

В этих более разнообразных условиях белые тоже могут противостоять упрямым формам угрозы идентичности. Они сейчас регулярно встречаются чернокожих и представителей других меньшинств, что означает, что они регулярно сталкиваются с возможностью суждения о них с точки зрения негативных стереотипов о белых. Реакции, которые мы видели, проявились в наших экспериментах с Филиппом Гоффом и Полом Дэвисом, описанных в главе 9.

Именно поэтому мы пока не имеем пострасового общества. Наши расовые отношения действительно улучшаются. Опросы показывают, что мы меньше выступаем против межрасовых браков; белые сообщают,

что им более комфортно работать с черным начальником; больше американцев были бы счастливы жить по соседству с человеком другой расы; был выбран президент афроамериканец. Но личные идентификации нашей жизни, а не расовые отношения сами по себе, имеют значение. То, что личные идентификации становятся все более социально-психологическими, не значит, что они исчезли.

Моя миссия в этой книге – расширить наше понимание человеческого функционирования для того, чтобы заставить нас запомнить, что в личностно-интегрированных ситуациях люди не только справляются с поставленными задачами ситуации, но также заняты оценкой угрозы и защищают себя от риска быть осужденными негативно и от такого же отношения. Возможно, главное открытие нашего исследования в том, что защитная сторона человеческого характера может быть вызвана простой перспективой попасть под негативный стереотип, и, однажды упомянутый, он вмешивается в жизнь человека и захватывает его способности, оставляя мало возможностей для актуальной работы. Значит, эта сторона человеческого характера, если ее всколыхнуть, влияет на наши мысли, эмоции, действия и успеваемость вне зависимости от наших внутренних черт, способностей, мотивации и так далее. Ее влияние делает огромный вклад в групповые различия в поведении начиная от математических показателей до интереса, проявленного к межрасовым разговорам об игре в гольф. Мы смогли заглянуть в сердца и умы людей настолько глубоко, насколько наука позволила отыскать их истинные предрассудки, и упустить тот факт, что в любой день их поведение по отношению к неграм, например, определяется в основном простой стереотипной сложностью идентичности, которая будет влиять на большинство людей, разделяющих данную идентичность. Или мы могли бы дать женщинам тысячу тестов, чтобы измерить их способность к математике, и посмотреть, что в этом обществе, с тех пор как они впервые занялись математикой, они работали под дополнительным давлением угрозы идентичности, которая была особенно сильна на границе их навыков математики, и вся деятельность казалась им недружественной территорией другой группы. Или мы могли бы получить время пробега стометровки со всех основных соревнований в мире в поисках истинной способности к бегу белых спортсменов и проглядеть, что в Соединенных Штатах с тех пор, как бегуны начали быстро бегать, они бегали при абсолютном признании общества, что быстрый бег является сильной стороной другой группы.

Так добавляется кусочек пазла к нашему пониманию групповых различий. Мы не игнорируем внутреннее. Мы расширяем палитру

объяснений. Без этой расширенной палитры вы бы не смогли объяснить:

- почему изменение концепции теста с диагностирующего умения на решение загадки, которая не проверяет способности, поднимает черных на тот же уровень успеваемости, что и белых в тесте Рейвена на интеллектуальные способности, полностью избавив их от расового разрыва в баллах за тест.

- почему изменение задачи игры в гольф от проверки показателей природной спортивной способности на меру спортивного стратегического мышления полностью перевернуло качество игры белых и черных участников.

- почему напоминание женщинам-математикам о сильных женских ролевых моделях как раз перед тем, как они прошли сложный тест по математике, смогло предотвратить их типичное неуспевание в испытании по сравнению с квалифицированными мужчинами

- почему подача разговора с двумя афроамериканскими студентами как возможности обучения смогла заставить белых студентов-мужчин сдвинуть стулья ближе для разговора о расовом профилировании.

Центральный политический подтекст исследования, обсуждаемого здесь, лежит в том, что, если вы не заставите людей чувствовать себя в безопасности от риска затруднений, связанных с идентичностью в интегрированных с идентичностью обстоятельствах, вы не добьетесь успеха в сокращении пробелов в групповых достижениях или в предоставлении возможности работать вместе комфортно и хорошо людям с разным происхождением. Если этого не сделано, защитная сторона человеческого характера будет господствовать над людьми и их ресурсами. Удовлетворение потребности в безопасности не устранил проблемы полностью. Но проблемы нельзя исправить без внимания к потребности в безопасности. Сочиняя эти строки, я пришел к признанию, что понимание, как обратиться к этой стороне человеческого характера, особенно в интегрированных структурах, становится все более и более важным навыком для наших учителей, менеджеров и лидеров. Неясно, могут ли они быть эффективными без этих навыков во все более разнообразном общественном окружении.

Именно теперь практические уроки «Насвистывая Вивальди» выходят на сцену. Это литература для начинающих о том, что входит в этот набор навыков. Они предлагают обнадеживающий подход к проблемам, которые я изложил. Внутренние характеристики трудно изменить; ситуационные личные идентификации, их сигналы и установки, которые их интерпретируют легче изменить. Это

иллюстрируется практическими выводами, полученными в результате исследования в последние годы.

- Изменив способ подачи критического отзыва, вы можете резко повысить мотивацию и восприимчивость учащихся из числа меньшинств.

- Улучшая критическую массу группы в окружении, вы можете повысить доверие, комфорт и успеваемость ее членов.

- Путем простого поощрения межгрупповых бесед между учащимися из разных слоев общества вы можете улучшить оценки и повысить уровень комфорта студентов меньшинства.

- Путем предоставления учащимся, особенно учащимся из числа меньшинств, возможности подтвердить их самое ценное чувство собственного достоинства вы можете улучшить их оценки, даже в течение длительного времени.

- Помогая студентам разработать установку о том, что объясняет их разочарования при проецировании позитивного взаимодействия и успеха в окружении, вы можете значительно усилить их чувство принадлежности и подтолкнуть их к достижениям, что в критический момент может изменить ход их жизни.

Эффективность этих стратегий не является аргументом в пользу пренебрежения структурными и другими изменениями, которые помогли бы развеять недостатки, связанные с расовой, гендерной, классовой и другой идентичностью в нашем обществе. Такие изменения должны оставаться в центре внимания. Но мы можем добиться значительного прогресса, обратившись к угрозе идентичности в нашей жизни. И в этом большая часть снятия напряжения от недостатков идентичности. Она может не добраться до нас.

Но, как я надеюсь, эта книга показывает, что она может подобраться к нам ближе, чем мы, возможно, понимаем. И если мы не пройдем эту часть путешествия, мы вообще туда не доберемся.

* * *

Тем не менее мы, американцы, опасаемся сосредоточиться на идентичности. Может ли любая принесенная ей выгода перевесить раскол, который она может вызвать? Не было ли наше использование расы, например, одним из величайших в нашем обществе конфузов? Во многом поэтому мы так хотим, чтобы выборы Обамы ознаменовали

начало пострасовой эпохи, чтобы оставить стыд позади. Тогда, возможно, эта мысль выглядит иронично в свете этих надежд, что в то время как сам Обама призывал американцев всех идентичностей совместно построить эру прогресса, он не призывал к пострасовому обществу и не интерпретировал свое избрание как признак того, что мы на пути к такому обществу. Напротив, он подчеркнул свою расовую и другие идентичности, открыто признавая их, писал книги о том, как важны они были для него, чтобы понять и включить в свое чувство собственного достоинства. Он жаждал сильной, развитой расовой идентичности.

Вот его слова 18 марта 2008 года во время знаменитой Филадельфийской «расовой речи» в разгар своей кампании на выдвижение кандидата в президенты от Демократической партии:

«Я сын негра из Кении и белой женщины из Канзаса. Я был воспитан белым дедушкой, который пережил депрессию, чтобы служить в армии Паттона во время II мировой войны, и белой бабушкой, которая работала на конвейере по сборке бомбардировщика в Форт-Ливенворте, пока он был за границей. Я ходил в некоторые из лучших школ Америки и жил в одном из мировых беднейших государств. Я женат на чернокожей американке, которая носит в себе кровь рабов и рабовладельцев – наследие, которое мы передадим нашим двум драгоценным дочерям. У меня есть братья, сестры, племянницы, племянники, дяди и двоюродные братья каждой расы и каждого оттенка кожи, разбросанные по трем континентам, и, пока я живу, я никогда не забуду, что ни в одной другой стране на земле моя история вообще возможна».

В этом отрывке Обама не скрывает свою расовую идентичность, а признает ее, не пропагандируя политику равенства по цвету кожи или пострасовое общество, но указывая на множество цветов кожи, которые составляют общество и его самого. Он выдвигает идентичность и его многочисленные идентичности вперед, используя их в качестве моста. В обществе с подозрением к идентичности это может показаться противоречивым. Действительно, его советники отговаривали его от такой речи. Тем не менее она, возможно, достигла большего, чем все остальное, что он сделал, чтобы нечерные американцы сжились с ним в качестве кандидата и, в конце концов, президента. Она установила точки соприкосновения между Обамой и огромным количеством американского электората. У нас всех есть идентичности, часто несколько. И, несмотря на важные различия между идентичностями, есть много опыта от одной идентичности – это как опыт другой

идентичности. То, что он говорил о его многочисленных идентичностях, позволило людям увидеть это, посмотреть на их собственные идентичности и понять, что это может рассказать им об опыте идентичности других людей. Такие рассказы построили мост между Обамой и множеством людей. Они позволили людям увидеть себя в нем – человека, который без этих историй о своих идентичностях, по иронии судьбы, был бы просто черным человеком.

Это также дало людям, по крайней мере косвенно, более широкое понимание идентичностей, что они не укоренены в неизменных сущностях, которые контролируют характер человека все время. Наравне с важностью идентичностей люди смогли увидеть в опыте Обамы, что идентичности не захватывают и не представляют всего человека. Они могли видеть, что эти идентичности текущие, что их влияние на нас активируется их ситуативной уместностью. Это правда, которую многие люди чувствуют по своему опыту, и они, по-видимому, оценили подтверждение своим мыслям от него. С этой точки зрения идентичность менее страшна, ее не нужно сильно остерегаться. На самом деле изучение может быть полезно. Очевидно, Обама выиграл, изучив собственную идентичность; это дало ему самосознание и уравновешенность, пронизательность и сопереживание жизненным обстоятельствам других людей, связь с широким кругом людей, а также социальную компетентность для достижения целей. В его примере идентичность не была источником балканизации и угрозы; это был источник мудрости о сложном и многообразном обществе, что в конечном счете сделало его самым подходящим человеком для руководства таким обществом. Ко всеобщему удивлению, возможно, именно его акцент на идентичность, а не подавление ее, сделал его символом надежды.

Мне же хочется верить, что «Насвистывая Вивальди» по крайней мере поможет сохранить эту надежду.

Примечания

Здесь и далее автор в тексте использует слова **черный** и **чернокожий**, при переводе и редактировании данные слова не были изменены, чтобы сохранить смысл книги.

identity contingencies

MAAT Michigan Athletic Aptitude Test

SAT Scholastic Assesment test стандартизованный тест для приема в высшие учебные заведения в США

GRE (англ. Graduate Record Examinations) – тест, который необходимо сдавать для поступления в аспирантуру, магистратуру или иной последипломный курс в вузе США и ряда других стран, в том числе – Канаде, Швейцарии и Австралии. В большинстве случаев заявления на поступление не будут рассмотрены до направления результатов данного теста.

Наука (англ.).

Прим. автора. Опыт, наиболее близкий к реальной жизни в этом эксперименте, заключался в том, что женщин в группе заставили поверить, что тест по математике показал гендерные различия. В этом эксперименте мы прямо заявили об этом участникам этой группы. В более поздних исследованиях это окажется лишним. Сильные студенты-математики женского пола отставали в тестах вроде этого без напоминания, что в нем проявляются гендерные различия. Они просто предполагали это.

Daryl Michael Scott Contempt and Pity

Важно подчеркнуть, что мы использовали стандартные статистические процедуры, чтобы подогнать результаты наших «черных» и белых студентов под любые различия в навыках решения тестов (основываясь на их результатах АОТ при поступлении), которые могли существовать между черными и белыми студентами до эксперимента. Это позволило нам для всех целей и намерений отобрать «черных» и белых участников с одинаковыми навыками и знаниями в решении тестов.

Выводы, обсуждаемые в этой главе, могут привести к мнению, что угроза подтверждения стереотипа выступает меньшим фактором успеваемости стереотипизированных учеников в более слабых школах с меньшим количеством хороших учеников. Оно может казаться правильным. Но результаты также показывают, что существуют внимательные к учебе ученики в еще менее благополучных школах – ученики, на которых сильно влияет угроза подтверждения стереотипа. Кроме того, практически каждый заботится о каком-то интеллектуальном поведении – хорошо говорить с учителями или в классе, например. Угроза подтверждения стереотипа должна влиять на такое поведение даже среди более слабых учеников в более слабых школах. – Прим. автора

Финансируемый и управляемый государством жилищный комплекс, как правило, для малоимущих семей.

Американский джазовый саксофонист и композитор, один из основателей стиля бибоп. Наряду с Луи Армстронгом и Дюком Эллингтоном, Чарли Паркер считается одним из самых влиятельных музыкантов в истории джаза.

Gateway course – базовый курс, являющийся проходной ступенью для поступления на ряд специальностей.

Фермер-арендатор, который вместо арендной платы отдает землевладельцу часть урожая, собранного на выделенном ему участке.

Я хочу соблюсти осторожность. Я не хочу подразумевать, что давление угрозы идентичности и его кумулятивное воздействие на афроамериканцев, даже в интеллектуальных областях, является таким абсолютным и всепоглощающим, что лишь несколько отдельных успехов зафиксировано в этих областях. Ясное дело, существует много таких успехов и множество факторов, которые могут смягчить угрозу для отдельных лиц. Кто-то может найти себя в условиях интеллектуальных достижений, где угроза подтверждения стереотипа низка (как мы увидим, это может произойти в условиях, где есть критическая масса идентификационных сопряжений); кто-то может обнаружить, что его лично рассматривают как исключение из стереотипа; наслаждаясь этим преимуществом и имея необходимые навыки и мотивацию, кто-то может достичь уровня общественного успеха, который сам по себе насвистывает Вивальди и отклоняет стереотипное суждение; можно иметь личные особенности (цвет кожи, диалект и одежда и т. д.), которые отклоняют стереотипные суждения, и так далее. И я уверен, что некоторые Джоны Генри работают достаточно усердно, чтобы преодолеть угрозу, даже в самых худших условиях. Дело здесь, однако, в том, чтобы показать, что приходится преодолевать себя, чтобы эти успехи произошли (форма угрозы), и факт того, что мы не всегда можем осознавать цену, которую платим за это.

Sandra Pay O'Connor The Majesty of the Law.

Американский бейсболист, первый темнокожий игрок в Главной лиге бейсбола в XX веке.

^Чтобы проиллюстрировать этот аргумент в отношении школьного обучения меньшинств, приведу еще пример: можно было бы ожидать, что угроза подтверждения стереотипа будет более широко представлена в среде учащихся из числа меньшинств в школах и колледжах с большим количеством сигналов (небольшое количество студентов из числа меньшинств, элитная атмосфера обучения, мало преподавателей из меньшинств и т. д.), гораздо больше, чем в школах и колледжах с меньшим количеством сигналов (достаточная «критическая масса», множество способов быть успешным, видимое лидерство меньшинств и т. д.).

Традиционная музыка шотландско-ирландского происхождения, распространённая на юге Аппалачей и ставшая популярной в начале 1950-х, в стиле “кантри”.

Слово «Negro» – негр, имевшее негативную окраску в американском обществе.

Однако, пока я пишу эти слова, я слышу важное возражение. Хорошо ли говорить с кем-то из-за беспокойства о чем-то, что может быть реальной угрозой для него или нее? Не сделает ли это человека менее подготовленным к тому, чтобы справиться с опытом стереотипизации, когда он произойдет? Это дилемма, с которой сталкиваются родители из числа меньшинств. Им нужно донести до своих детей угрозу дискриминации и брать на себя риск сделать их слишком бдительными и беспокойными, чтобы чувствовать себя уютно в важных местах, таких как школа, или родителям лучше умалить эту угрозу и рисковать сделать их слишком уязвимыми к разрушительному опыту дискриминации, если он вдруг случится? Трудно сделать все правильно. Снижение угрозы в окружении для человека ведет к ошибочному поощрению слишком большого доверия. Но это может стоить риска. Я говорю это потому, что трудно поверить в свете основного посыла этой книги, что обучение, достижение и успеваемость можно оптимизировать без доверия к окружению, того доверия, которое мне дал Том Остром. Важный вывод исследования, описанного в этой книге, заключается в том, что то, что люди делают в ответ на угрозу – бдительность к обстановке, размышления, отчуждение и так далее – стоит дорого. Они отвлекают умственные и мотивационные ресурсы от обучения и успеваемости. Поэтому, хотя я знаю, что люди могут сильно пострадать от влияния предрассудков – особенно, если они не готовы к этому – большую угрозу могут представлять собой угроза нарушения процесса обучения и неуспеваемость, которые порождаются недоверием и отчуждением. Беспокойство об обесценивании может быть столь же дорогостоящим, как и само обесценивание.

Идея о том, что количество угроз идентичности, которые учащийся чувствует в школе, зависит от плотности угрожающих сигналов. Это означает, что угроза на самом деле может быть слабее в школах с раздельной идентификацией, где большинство учащихся имеют стереотипную идентичность, о которой идет речь: школы или классы для девочек в случае математического стереотипа или школы практически со всеми малообеспеченными учащимися, учащимися из числа меньшинств в случае расовых и классовых стереотипов. В таких школах идентичность разделяют все. Этот факт может заставить учащихся чувствовать себя более защищенными от осуждения с точки зрения негативных стереотипов о своей группе. Но это не гарантирует полной безопасности. Другие сигналы в окружении – например, рисунки на стене, степень представления идентичности в учебных материалах, ожидания и поддержка учителей и так далее – все еще могут вызвать угрозу идентичности даже в условиях сегрегированной идентичности. И я не защищаю школы или классы с единой идентичностью. Такая стратегия может иметь недостатки и вызывает вопрос: насколько хорошо ученики будут чувствовать себя после такой обстановки в более интегрированном окружении? И главная надежда нашего исследования заключается в том, что интегрированная с идентичностью обстановка может быть безопасной для всех студентов. Но, даже когда стратегия не универсально полезна, она может быть полезна в конкретных ситуациях, я отмечаю, что угроза идентичности может быть значительно уменьшена в обстановке сегрегации идентичности.

Эти выводы оправдывают надежду на то, что школы могут сделать больше, чем можно было бы подозревать, чтобы сократить пробелы в успеваемости. Как я уже отметил, это не всеобщее мнение. Джеймс Хекман и его коллеги недавно заявили: «Отчет Коулмана, а также недавняя работа [...] показывают, что семьи, а не школы являются основными источниками неравенства в студенческой неуспеваемости. К третьему классу пробелы в тестовых баллах по социально-экономическим группам стабильны по возрасту, что свидетельствует о том, что более позднее школьное образование и вариации в качестве школьного образования имеют незначительный эффект на сокращение или увеличение пробелов, которые появляются перед поступлением в школу». И, конечно, они могут быть правы.

Но, возможно, не совсем. Анализ, подкрепляющий позицию Хекмана, является обоснованным. Он принимает во внимание факторы, которые обычно связаны с качеством школы, такие, как финансирование на одного ученика, размер класса и уровень образования учителей, и проверяет, приводит ли различие между социальными классами и расами по этим факторам к фактическим различиям между социальными классами и расами в школьных показателях и тестовых баллах. И когда они обнаружат, что различий нет, когда они обнаруживают, например, что расовый разрыв в тестовых баллах все еще существует для чернокожих студентов в школах с меньшими классами, более хорошими учителями и большим финансированием, им приходится заключить, что расовый разрыв в качестве школы не является причиной разрыва в тестовых баллах. Что-то еще оказывает влияние на учеников. И так как эти пробелы появляются по мере того, как малыши идут в школу, раньше, чем школа имеет шанс повлиять на их навыки, они, должно быть, вызваны групповыми различиями в воспитании детей. Вот как дети приходят к мысли, что качество школьного образования не так важно, как семьи для формирования пробелов.

Разумно. Но вот проблема: предположим, что часть школьного образования действительно способствует формированию пробелов, и о ней исследователи ничего не знали и не изучали ее. Если бы они не учли такой фактор, но учли факторы, которые не способствуют пробелам, их анализ может прийти к неправильному выводу, что качество школы не имеет значения. То, что их исследования действительно показывают, – это то, что по их результатам качество школы не имеет значения. Другой

аспект качества школы вполне может иметь значение.

И интервенционные исследования показывают, что другой аспект качества школы может быть школьным климатом, способом обучения или отношениями, которые способствуют доверительной установке к окружению. Эти исследования показывают, что, когда эта угроза подавлена для учеников со стереотипами об их способностях, их успеваемость идет вверх, и это, в свою очередь, может запустить положительный рекурсивный процесс хорошей успеваемости, защищающий от дальнейшей угрозы идентичности, способствующий в дальнейшем хорошей успеваемости вплоть до сокращения разрыва между этими и другими учениками. Вот почему это аспект качества образования. Он необходим для учеников со стереотипами об их способностях, чтобы извлечь выгоду из качественного обучения и ресурсов.

Напоминаем, что недостаточная успеваемость является той частью разрыва в успеваемости группы, которая происходит не из различий в навыках и знаниях между группами, а из того, чему не удалось найти объяснений.

Исследователи из службы тестирования образования (СТО), которые делают тесты, такие как АОТ и выпускные экзамены, сделали попытку оценить эффект угрозы подтверждения стереотипа на реальном стандартизированном тестировании успеваемости. В их самом обширном исследовании, они попросили, чтобы тестируемые записывали свою расу и пол до или после экзамена подготовительных курсов к университету по математическому анализу. Можно было бы ожидать, что угроза подтверждения стереотипа во время теста будет сильнее для стереотипных студентов, которые перечислили свою стереотипную идентичность до, а не после экзамена, тем самым позволяя идентичности и стереотипам о ней испортить результат. И на самом деле женщины в этом исследовании, которые написали пол перед экзаменом, набрали значительно меньше баллов, чем женщины, которые написали пол после экзамена, но команда СТО сказала, что этот эффект был меньше, чем психологически значительный. Более поздний повторный анализ данных, осуществленный двумя социальными психологами Канзасского университета Келли Данахер и Крисой Крэндалла, противопоставил этому выводу расчет, основанный на величине эффекта в этом исследовании: если пол по заведенному порядку был записан после экзамена, а не до него, то не менее чем 2837 женщин (из 17 000) пошли бы в колледж ежегодно за зачетом по математическому анализу, и у них было бы больше шансов на поступление. Для чернокожих студентов тенденции были те же, но не достигли принятой статистической значимости.

Однако эти результаты трудно интерпретировать из-за серьезной методологической проблемы: в реальных стандартизированных тестах с высокими ставками, таких как экзамен подготовительных курсов, вы не сможете найти контрольную группу стереотипных студентов, которые действительно не испытывают угрозу подтверждения стереотипа на тесте и таким образом способны обеспечить базовую скорость работы при отсутствии угрозы подтверждения стереотипа, с которой вы могли бы сравнить успеваемость стереотипных студентов, которые испытывают угрозу. Трудная часть разработки лаборатории против угроз подтверждения стереотипов была не в создании угрозы стереотипа для стереотипных студентов, а в достижении методик, чтобы избавиться от угрозы стереотипа на важных тестах для студентов, подверженных стереотипу – то что почти невозможно сделать в реальной жизни, потому что вы не можете контролировать, как реальные тестируемые

интерпретируют тест. Учитывая высокие ставки экзамена, все стереотипные тестируемые, вероятно, испытали серьезную угрозу подтверждения стереотипа на этом тесте вне зависимости от того, зафиксировали ли они свою стереотипную идентичность до или после проведения теста. Затем этот эксперимент сравнивал группы, которые, по всей вероятности, обе испытали сильную угрозу подтверждения стереотипа, и такое сравнение просто не может показать, какое вредное влияние стереотипная угроза как таковая оказала на успеваемость. Вот почему так важна стратегия, которую разработали Грег и Стив. Она обеспечивает наиболее интерпретируемое на сегодняшний день доказательство влияния угрозы подтверждения стереотипа на тестирование в реальной жизни и показывает, что эти тесты последовательно недооценивают истинные навыки студентов, подверженных стереотипам в данных выборках – факт, который был скрыт, как объяснялось выше, потому, что угроза подтверждения стереотипа подавляет как их тестовый результат, так и более позднюю успеваемость.